

Панченко
Юлия

ВОЗМЕЗДИЕ

Злата — молодая девушка, которая переживет нелегкие времена и пытается справиться с непростыми жизненными обстоятельствами. И чтобы разобраться в себе, она решается на крайние, отчаянные меры... А мужчина, который появляется в ее жизни — все только усложняет. От Автора: Я не умею писать аннотации, за что, безусловно, прошу прощения. История получилась местами жестокая, местами мрачная, и очень-очень откровенная. Роман — "без купюр" и эвфемизмов. Скажу, что давненько не писала ничего такого "остренького" и перечитывая работу испытала всю гамму эмоций, которую испытает читатель. Роман, конечно, о любви — во всех ее проявлениях. Заранее говорю спасибо всем, кто отважится и познакомится с героями, проживет кусочек их жизнью...

*Шесть утра. В звенящем Пекине рассвет
нарезает на ломтики солнечный мармелад.
Знаю, Мэй, ты сидишь у окна, закутавшись в плед,
устремив в пустоту печалью подернутый взгляд.
Твои руки сжимают пушистую, мягкую ткань,
чай с жасмином, в щербатой чашке, давно остыл.
Раскрывает бутоны малиновая герань,
за окном просыпается шумный весенний мир.
Ты впускаешь бабочек, бьющихся о стекло,
свежий ветер разносит по комнате аромат
белых яблонь, баюкающее тепло
обнимает тебя, увлекая назад в кровать.
Твой уютный мирок лелеем твоим отцом,
доброй матерью. В их любви,
вспоминай обо мне лишь хорошее.
Страшным сном забывая всю боль, что тебе причинил.
Я желаю тебя, как и прежде — до дрожи рук,
до щемящего чувства, ноющего в груди.
Я кричу по ночам. Этот жуткий звук
отлетает от стен, заглохнув на полпути.
Иногда в мою голову забираются голоса,
языками шершавыми лижут мой слабый мозг.
Я сжимаю ладони и закрываю глаза,
вспоминаю тебя,
белых бабочек,
запах роз.
Очень жаль, здесь нет окон. От этого тяжелей.
Берега Юндинхэ не видимы, не слышны.
Я глотаю таблетки.
Таблетки на вкус, как клей.
Я, конечно, не болен. Ведь это они больны.
Моя Мэй, ты была единственной, я не вру.
Не верь тем, кто расскажет тебе о других.
Ты была моей бабочкой.
Лучшей из двадцати двух.*

Но тебя не причислить к ним, не равнять на них.

Я втыкал в них иголки, нежно вскрывая плоть.

Эти глупые женщины сгорали в моем огне.

Но ты, Мэй...

ты была совершенно другой.

Ты была моим маяком в непроглядной тьме.

Извини за то, что видела кровь на моих руках.

Твой испуганный взгляд,

вся лживость бульварных газет.

Как посмели они винить меня в этих грехах?

Это свято — рождать прекрасное.

Разве нет?

Как чудесно слова выстраиваются в мозгу,

веки, крыльями бабочки, вздрагивают слегка.

В голове оживают очертания твоих губ,

лето в парке Бэйхай, трепещущая рука.

Дьявол в белом халате под кожу мне вводит яд.

Пальцы мерзнут и стыннут,

и мысли мои легки.

Мэй, прощай.

И знай, я безмерно рад,

что тебе удалось спастись от моей любви.

Я иду по Шёлковому пути, по дорогам провинции Ганьсу, под ногами золото и нефрит, азиатский ветер горяч и сух. По щекам тихонько скользит закат, Сечжи пожирают степной огонь. Я глотаю жесткий песок и чад, и из глаз текущую злую соль. У дневных драконов горящий глаз, по моим ладоням струится пот. Смерть всегда случается в первый раз, и от страха крутит узлом живот. Мне навстречу движется паланкин, его тащат смуглые мертвецы. Мертвый император династии Мин говорит, что я его блудный сын. Заползает в рот вонь истлевших тел, к горлу подбирается тошнота. Их глаза стеклянные, губы — мел, мир вокруг меня изможден и стар. Я шагаю тихо, ни жив, ни мертв, мои ноги вязнут в густых песках. Если кто столкнется, то скажет: "Черт! Что за жуткий холод в таких местах?". Проходите сквозь, разрежьте вдоль, и лакайте кровь из открытых ран. Я иду, измученный и босой, и небесный плавится океан.

Для чего мне чувствовать эту тьму? Для чего мне видеть весь этот свет? Я хотел сбежать от ужасных мук, (кто сказал бы мне, что нирваны нет). Пожалей меня, я сегодня тих, и осколок неба стучит в груди. Я иду по Шёлковому пути. И идти мне, сколько еще идти.

...в день, когда я стоял на том мосту и дракон Луны целовал мой рот, я глотал бурлящую пустоту и смотрел на гладкую кожу вод. Я желал спасения и любви, я хотел

поведать планете боль. Дома, в чашке стыл белоснежный рис, и в камине медленно тлел огонь. И когда я сделал последний шаг, и когда я сделал последний вдох, надо мной парил желтый лунный шар, и из глотки шла алой рвотой кровь. Минус жизнь ненужного существа, но со мной навечно осталась грусть. Я застыл в воде и закрыл глаза, а открыв — увидел Шёлковый путь.

Отливает золотом чешуя, у Чжулуна коготь и остр, и крив.

*Если бы хоть кто-то меня обнял,
то сегодня я все еще был бы жив.*

Автор стихотворений — гениальный, бесконечно талантливый Джио Россо (с).

Экспозиция.

Пролог.

Снег скрипел, похрустывал под ногами в такт размашистому шагу, и на земле оставались ребристые отпечатки ботинок. Кончики пальцев, как и тело в целом, стали подмерзать. Оделась явно не по погоде — понадеялась на тепло кондиционера, накинув на плечи легкомысленное пальтишко да сунув ноги в тонкие осенние ботинки. Теперь же, когда протопленный салон машины остался позади, выяснилось, что пусть погода стояла и безветренная, но была уж больно морозная.

В воздухе кружились снежинки, и это было завораживающе красиво. К ночи, наверняка, снег повалит плотной завесой, укроет ели, засыплет норы, припорошит лапник.

Я вздохнула — не к месту проснулась лирика, не ко времени.

В носу щипало, щеки покалывало, но все же, не смотря на холод и явный не уют, хотелось поднять лицо к небесам и громко крикнуть какую-нибудь глупость. Чтобы вздрогнули неподвижные ели за спиной, вспорхнули с веток нахохлившиеся, приготовившиеся почивать, птицы, а с верхушки дерева вниз ухнул пласт снега. Крикнуть и завалиться в пушистый сугроб, размахивая руками и ногами, как стеклоочистителями — чтобы на земле остался след в виде ангелочка. Детская забава — глупая, ребячливая, — мысленно осадил себя, почти разозлившись. Наверное, оттого и не сделала ничего беззаботного. Запахнула пальто плотней, и вышла на освещенный фонарями двор. Прятаться в тени больше не было смысла.

До заветной двери осталось пару метров.

Встреча с хозяином дома, к которому я направлялась, обещала стать практически решающей, и как бы вычурно это ни звучало, она действительно сулила необратимые изменения в моей судьбе. Но, на удивление, сердце билось ровно.

Дом находился в пригороде: далеко, за сотню километров от шумной цивилизации. Он стоял, укрывшись за высоким деревянным забором, за плотным кольцом хвойного леса, что охватывал территорию с тыльной стороны. Не враждебный и не хмурый, как могло бы показаться, дом был добротный, деревянный, двухэтажный. Наверняка, с русской печкой на

кухне, солнечными батареями на крыше и запасными, припрятанными в сарае электрогенераторами.

Он манил уютным светом, что горел в нескольких окнах первого этажа. Давал возможность рассмотреть полосы плотных серых занавесок, несколько пышных растений в кадках, стоявших на подоконнике. Дом был празден, словно ожидал гостей.

По периметру было светло — кованые фонари, внутри которых горели масляные лампы, давали достаточно света, чтобы заметить убранство двора.

Дорожка к парадному была очищена от снега широкой колеей — ровно, педантично.

Слева, в некотором отдалении от дома росла высокая сосна: особняком от леса, одинокая красавица. Сейчас ее густые ветви были украшены разноцветными горящими гирляндами и яркими елочными шарами — плотно, до самой верхушки.

Надо же, подумалось мне, — расстарался хозяин, а ведь с лестницей, наверняка, пришлось изрядно повозиться. Интересно, ради кого он так тщательно украшал дерево — ради охотящихся поблизости волков? Или для себя самого? Больше в этой глуши елью любоваться было попросту некому.

Снег все скрипел, потому что я кружила вокруг крыльца, хотя дверь была практически у самого носа — я прохаживалась всего в паре шагов от нее, заветной.

И вроде бы сердце билось ровно, но надыхаться почему-то хотелось вдоволь, а еще лучше — впрок. То ли воздух тут был особенно упоительным — ароматно-хвойным, свежим, морозным, и поэтому кружил голову, то ли предновогодняя атмосфера: многообещающая, до боли праздничная, как-то особенно ощущалась здесь и не давала сделать решающий шаг. Не было сил постучаться в дверь, за которой меня совершенно никто не ждал.

Необъятное звездное небо над головой, почти оглушающая, ничем не растревоженная тишина, громада векового леса перед глазами, запах хвои, густой пар изо рта... казалось, что я одна на всем белом свете. И было страшно спугнуть это ощущение — таким невероятно прекрасным оно оказалось.

Но, стоило помнить, что всему хорошему рано или поздно приходит конец, даже самому приятному, заветному. Опыт, что довольно-таки болезненным грузом покоился на усталых плечах, настаивал на этом знании, подчеркивал всю безжалостную мимолетность радости и счастья.

Поэтому я вдохнула — глубоко, животом, чем оборвала упоительную негу, и в одно мгновение поднялась на резное крылечко. Постучала в дверь — требовательно, громко.

И спустя минуту дверца отворилась.

Отступление.

Три года назад.

— Пристрелим и бросим в овраг?

— Звук выстрела ночью далеко раздастся. Может, ножом по печени — да и все дела?

— Можно и так.

Они помолчали, затягиваясь забитой мудреным сбором трав, беломориной. Одной на двоих.

Как символично, подумалось тогда. Одна на двоих сигарета. Как и я полчаса назад.

До тошноты хотелось пить. В горле пересохло так, что больно было дышать. Губы потрескались, язык намертво прилип к нёбу — сухой, распухший. От шока дергалось правое веко.

Я лежала, вытянувшись в струнку, на комкастом матрасе, застеленным наспех сырой простынью, абсолютно не заботясь о наготе. Смотрела невидящими глазами в потрескавшийся потолок и считала до ста. Сбивалась и начинала снова. Дойти хотя бы до восьмидесяти никак не получалось.

Сердце стучало урывками — непостоянными, какими-то хаотичными, будто грозило вот-вот остановиться, а потом раздумывало и срывалось в галоп.

Сейчас боль в теле почти не ощущалась, поскольку особенно надо мной не издевались и не избивали — так, в пол силы пара тычков, не более. То ли им не хотелось видеть под собой обезображенную куклу, то ли по природе своей они были не столь агрессивны. Насколько вообще могут быть не агрессивными насильники, конечно. Впрочем, нежными те двое тоже не были. За волосы хватали не щадя, шлепали по ногам, щипались, в порыве даже кусали.

Сам процесс почти не запомнился.

В память ввелись только шок и неверие, ведь всего этого не могло быть, только не со мной. Не с девочкой-воспитателем дошкольной группы. Не с молодой женой, строящей планы на будущее. С кем угодно, но только не со мной! Нет, определенно нет.

Смотря в суженные до точки зрачки, переводя взгляд с одного на другого, я мотала головой из стороны в сторону и пересохшими губами говорила:

— Нет, ребята, нет. Пожалуйста, нет.

Я осознала позже. До всех оттенков красного — перед глазами маревом стал багровый туман. Когда лишилась одежды, а один из них ввернул в меня два пальца, тогда и дошло, что все это происходит здесь и сейчас. Со мной.

Эта мысль не принесла боли. Опять-таки, накатила только какая-то дикая обида на Вселенную. «За что?!» — хотелось заорать мне, воскликнуть: «Какого черта?» Но, увы, как бы грубо не прозвучало, рот мой был занят, и патетически воскликнуть так и не удалось.

Сколько прошло времени? Много.

Они курили и снова принимались за дело. Опять и опять. Иногда я пыталась решать

математические формулы, иногда подбирать эпитеты к существительным, но нет-нет, а едкая душевная боль прорывалась сквозь хрупкую отрешенность. Она застилала удушливым покрывалом, заставляла комкать руками полотно наспех собранного ложа. В такие моменты в реальность проникали сопение над ухом, смешки вперемешку с матами, и чтобы не слышать — скрыться, отползти, забиться, я выдумывала разное.

Например, что снова на хуторе у бабки. И будни — это каникулы, праздники, подарки. Родители собрались в горы, но мне с ними совсем не хочется — у бабы Нади, поди, варенье малиновое аккурат подошло. И соседские мальчишки, что каждый год к своим старикам навевались, уже залили каток в конце улицы: крутой, напрочь заиндевелый. Какие такие горы, когда у бабы Нади уже санки приготовлены: укутаны двумя одеялами, наточены, натерты наждачкой ножки, поменяна витая конопляная веревка.

И Сашка — приезжий парень из соседнего города, уже дня два как добрался. Он старше на несколько лет, и эта разница кажется космическим отрывом — дразнится, поганец, и шутки у него совершенно непонятные, но сани катает послушно.

— Залазь скорей, — кричит и рукой машет, — укуталась?

Дождавшись кивка, поправляет шапку, что съехала на лоб, надевает вязаные варежки и берет веревку.

— Ну, поехали! — смеется, а я верещу — ветер свистит даже сквозь шапку, а морозный воздух забирается в широко раскрытый от восторга рот.

Да, на хуторе славно. Зима: вьюжная, морозная, заснежила узкую улочку в десяток домов. Разрисовала старые стекла замысловатыми узорами — так плотно, что не отколупать. Иногда, когда выдается минутка — жду Инку, пока та одевается, чтоб вместе лепить снежные куличи, то снимаю варежку — точь в точь как у Сашки, потому что это его бабушка нам связала, и ковыряю-ковыряю морозный рисунок, пока под ногтями не растает колкий иней, пока пальцы не прихватит суровый крещенский морозец.

Вечером баба Надя лузгает семечки, пока я лежу около печи. Да, той самой — которая топится углем, дровами, и прогревает соседнюю стену. Сейчас груба едва тепла, но спину греет, как и рисунки, разбросанные вокруг: обыкновенные каляки-маляки, но много ли нужно детскому сердцу для полного счастья. Старательно навожу контур цветным карандашом, и кот получается хитрый, почти настоящий, только слегка косоват. Когда на столе вырастает приличная горстка очищенных от лушпаек семечек, бабушка ссыпает ее в горсть и протягивает мне, приговаривая, что кушать с солью вкуснее. И правда — лучше. Особенно когда любящими руками приправлено.

Уютно было на хуторе, весело.

От города всего пара сотен километров, а чувство такое, будто попал в эпоху былую — люди другие, с незнакомым по первости говором, обычаями, жизненным укладом. Тяжелым трудом от рассвета до заката, что делал жителей более человечными — не закаменелыми, не черствыми, любящими соседскую ребятню, как собственных внуков.

По приезду меня ждали ватага друзей, подарки от соседских бабулек, колядки, горсти конфет и засахаренных фруктов, сладкая кутя.

И жаль было расставаться с уютными, безопасными воспоминаниями, но предательская боль снова пронзала острой иглой. И в сознание вворачивались звуки: шлепки, стоны.

В реальности было гадко. Больно.

Так становятся сумасшедшими — поняла вдруг, когда чей-то язык вылизывал кожу за ухом, до боли ее прикусывая. Отрекаются от реальности, уходя мысленно в безопасные островки сознания, где счастливо, светло, где не больно. Отрекаются и всё — привет. Остается где-то в небытие смеющаяся по пустякам девица с конопушками на коже, лучистой улыбкой и морщинками в уголках глаз. На смену ей является неподвижная, восковая будто бы, кукла. Пустая, закупорившаяся в фантазиях, оболочка былой личности.

Мысли метались.

Перед глазами плавали цифры, обрывки каких-то строчек, лицо бабы Нади, каким я его помнила — серьезным, полным участия и заботы.

— Отверни ее лицо, — слышалось справа, — лежит, как мертвая. Лучше б орала.

Жесткая, обветренная ладонь послушно схватила за подбородок и отвернула мое лицо.

И снова в сознание ворвался хаос, а в тело — боль.

Когда через некоторое время перед глазами снова рассеялось — настолько, что сумела связно мыслить, я поняла, что до рассвета не доживу.

И мысль эта — простая, понятная, позволила улыбнуться потрескавшимся губами — настолько от нее стало легче.

Кто-то боится смерти, даже подумать о ней страшно — кошунство, ведь. И раньше я тоже пугалась, мела прочь дурные мысли, но сейчас... только смерть казалась мне спасением от боли, позора, мучений.

Я не хотела пускать слюну по подбородку следующие лет пятьдесят, или сколько там было отмеряно щедрой вселенской рукой. Не хотела быть ко всему безучастной, вялой, не хотела и день и ночь пустыми глазами смотреть в потолок. Год за годом быть жалкой, никому не нужной. Жить дальше с памятью и этой безграничной брезгливостью к себе, с отвращением к своему телу. Не хотела до потери сознания бояться мужчин, стыдиться смотреть мужу в глаза, разучиться поднимать взор на детей-воспитанников. Не хотела замечать насмешки окружающих, или, что еще хуже — бесполезную жалость... все это — было не для меня. Как угодно, только не так.

И я лежала, смиренно ожидая.

Смысла бороться, брыкаться, кричать, пытаться изменить судьбу — не было никакого. Я уже все решила — предсказуемо так, как по брошюрке с напечатанной психологической чепухой: приняла решение сдать. Да и что могла противопоставить двум крепким мужчинам: мольбы, сопли, истерику? О силе и физическом противостоянии не было и речи. Вот и молчала. Лежала. Будто бы там, и в тоже время далеко.

На хуторе. Там, где свинцовые тучи низко-низко, и сыпется вниз конфетти хрустальных снежинок. И санки ждут, как запряженные в повозку кони: мечта сорваться вниз с горы, услышать свист ветра в ушах и ощутить на языке пьянящий привкус свободы...

Знала, что нужно потерпеть еще совсем немного. Утешала себя, просила потерпеть, ведь все завершится — рано или поздно всё заканчивается.

Лиц они не скрывали, а наивной я никогда не была, поэтому знала, что утолив свою звериную жажду, эти двое по-тихому закопают тело в ближайшем леске.

Страшно не было. Разве что чуть-чуть. Поэтому я отвлекалась понемногу — на хутор, на трещинку в потолке, на математические уравнения.

И, наконец, время пришло.

Солнце как раз вставало. Пока робко, несмело: восток едва озарился розовым светом. Я видела небо, потому что они сидели на крыльце — покосившемся деревянном порожке, а дверь за их спинами была распахнута настежь.

Курили, прижавшись плечами, друг к другу, и буднично решали, как именно мне придется умирать.

Я всерьез собралась протестовать против ножа в живот, потому что куда менее болезненно было выбрать пулю в голову. От пореза, наверняка, придется помучиться, да и кому нужны эти бумажные декорации: кровь изо рта, булькающие звуки в горле, невозможность вздохнуть, пузырящаяся на губах кровь... по крайней мере, смерть от ножа представлялась мне именно так.

Открыла рот, чтоб высказать мнение и выбрать пулю, пусть даже выстрел окажется громким и неэстетичным, когда на пороге вдруг появился он.

Третий.

Вынырнул из темноты, весь какой-то взлохмаченный, хмурый. В камуфляже, с автоматом за спиной. Я, было, решила засмеяться — назло суке-судьбе, что не дает возможности сдохнуть просто, но Третий глянул на меня мельком, задержался взглядом на лице и перевел глаза на сослуживцев.

Они были укурены вусмерть. Еще тогда, когда затащили меня, праздно шагающую домой с работы, в старенький микроавтобус, глаза их были пусты и стеклянны. Сейчас же, зрачки и вовсе сузились до микроскопических точек.

Третий казался спокойным — словно ничего из ряда вон не произошло. Будто голая, замученная девчонка, валяющаяся на полу в военной кибитке — дело совершенно привычное. Хотя, кто знает, может, так оно и было, черт возьми.

— Какого гребаного хрена? — очень тихо спросил он. — Вы где должны быть, укурки?

Те двое переглянулись.

— Пора?

— Уже минут сорок как пора, — так же тихо ответил третий.

— Увлечлись, девка попалась что надо: тихая, сладкая. Да что я говорю — отведай, сам будешь доволен. Пусть помоется, если брезгуешь, — засмеялся Первый, — хотя, вряд ли стоит носом крутить — баб в округе нет, времени мало. Развлечешься и в овраг ее. Мы, как видишь, мордами сверкали — будь здоров, — сказав, поднялся, качнулся, пытаюсь устоять на неверных ногах.

— Бывай, Мидас, поперли мы в дозор, — подытожил второй напоследок, — расписание, чтоб его.

Выслушав насмешливую, полную ехидства тираду, и представив, что меня ожидает, я закрыла глаза.

Послышалась возня, грубый стук берцовых ботинок по цементному полу, удаляющиеся шаги и обрывки скабрзных шуток любителей разнообразных травок, но открывать глаза я не стала.

В голове вертелось «Мидас, Мидас» вроде бы царь в древности такой был. Или это один из городских ресторанов так называется? А, черт с ним. Как же хочется пить...

— Вставай.

Прозвучало совсем рядом — грубо, громко. Глаза распахнулись сами собой. Да, есть еще и Мидас. Как я могла о нем забыть? Сейчас начнется.

— Подойди.

Он сидел на стуле, широко расставив ноги. Стул стоял в закутке, аккуратно возле стены. Поза казалась расслабленной, небрежной, но из-под полу-прикрытых век мужчина бросал настороженные взгляды, словно не знал, чего ожидать от такой, как я.

Да, приближаться не хотелось, потому что было больно вставать, а еще стыдно. Не знаю, отчего так: вроде бы перед теми двумя не было неловко, щеки не полыхали, а теперь вот жар затопил, перекрасил конопушки в маковый цвет.

И все же, двинулась, заставляя себя делать шаг за шагом. Ноги дрожали, от жажды кружилась голова, но спустя минуту уже стояла между его ног: абсолютно голая и грязная. Какая же я была грязная...

Третий шумно выдохнул и откинулся на спинку стула. Тот, под немалым весом военного нещадно заскрипел, ибо хоть мускулатура его была далека от той, что присуща культуристам, весил Третий около сотни в силу двухметрового роста. Толстым его было не назвать, скорее жилистым. Еще он показался гибким, ловким, но это все промелькнуло в голове и тотчас забылось.

Его руки вдруг оказались у меня на животе. Отшатнулась, но всего на секунду — горячие ладони оказались крепкими, нечеловечески сильными. Мидас не дал мне даже дернуться. Наклонился, втянул воздух около груди, помедлил секунду, а потом поднял глаза.

Они были серыми, с россыпью золотистых крапинок вокруг зрачка, и это почему-то ясно отложилось в памяти. Едва ли не единственная черта, запомнившаяся тогда.

Тех двоих я узнала бы, даже если смотрела бы сквозь неверные диоптрии — повадки, мимику, запах. Облик Мидаса же словно стирался из сознания — чем больше я смотрела, тем быстрее выветривалось из головы. Запомнился голос: тихий, вкрадчивый, с легкой хрипотцой, и черты лица в целом: неидеальные, но мужественные и по-своему привлекательные.

И пусть позже я вспомнила его до мельчайших деталей, тогда мужчина виделся мне белым листом, на котором были нарисованы наброском яркие глаза.

— Слушай меня очень внимательно, девочка. Сейчас ты очень быстро оденешься и заберешься в салон вон той машины, — он махнул рукой куда-то в сторону, — все это ты сделаешь без единого слова и даже писка. Поняла?

Я кивнула, ведь все и, вправду, было понятно. Решено.

Торопливо оделась, хотя найти белье оказалось делом нелегким. Оглянулась в поисках воды: хоть бы бутылку какую, хоть остатки чая в кружке. Увы, ничего подобного поблизости не нашлось.

Пошатываясь, выбралась на крыльцо и вдохнула прохладный воздух полной грудью.

Подумалось вдруг, что дома сейчас безмятежно.

Квартирка — вылепленная фарфоровая фигурка из советского, грубого камня, тиха и

тепла. Серебристый кусочек неба и бледный серпик не сошедшей еще Луны, заглядывают в кухонное окошко. На столе стоит чашка с недопитым перед работой кофе, на ободке остался нюдовый отпечаток губ. В прихожей стоит пара туфель — долго выбирала, какие необходимо обуть, а лишние так и не убрала. Опаздывала.

Выходило так, что всё, что останется от меня — легкий беспорядок и едва уловимый аромат холодных духов.

Муж, скорее всего, засиделся на работе и еще не подозревает, что его супруга попала в капитальный передел — из которого уже не получится выбраться. Он придет домой усталый и голодный. Посмотрит на брошенную чашку, грязную ложку в раковине и покачает головой.

Горько, и чертовски обидно, что все получилось именно так. По-дурацки.

От мысли о муже, от воображения, что ярко воплотило перед глазами его лицо: изученное до мельчайших морщинок, раскаленным железом полоснуло по сердцу. Вдруг стало нечем дышать. Согнулась пополам, задышала жадно, открыв рот.

Где-то позади звякнули ключи, ударяясь друг об друга.

Обернулась.

Мидас наблюдал за мной отрешенно, не то, что без всякой жалости во взгляде, а вообще без единой эмоции, и это вдруг меня подбодрило. Значит, не так паршиво выгляжу, как себя чувствую.

О том, что стоящий поблизости мужчина может оказаться элементарным социопатом, как-то не пришло в голову. Сама я тогда была далека от душевного равновесия, а от здравомыслия и подавно.

— Попросить хочу, — едва слышно прошептала я, чем удивила и себя, и Третьего.

На звук моего голоса он выгнул бровь. Я решила, что это безмолвное одобрение.

— Пусть он меня не найдет. Никогда. Не хочу, чтоб он знал, что здесь случилось. Тут у вас в оврагах случаем не водятся волки? Или собаки? Или может, ты выроешь яму?

По мере того, как я говорила, глаза Третьего все больше округлялись. Нельзя сказать, что они стали совсем уж круглыми, но доля удивления в них точно была.

— Кто пусть не найдет? — хрипло спросил он и прочистил горло легким кашлем.

Такой вопрос показался мне странным, ибо ответ казался очевидным.

— Муж, — как само собой разумеющееся, ответила я.

— А яма на что? — отлепляясь от дверного косяка и шагая мне на встречу, продолжил изображать неведение Мидас.

Такого издевательства я выдержать не сумела. Отвернулась и зло закусил губу.

Настаивать на ответе Третий не стал. Прошел вперед, я поплелась за ним.

Загрузились в неприметный, заляпанный грязью внедорожник.

— Так что за яма? — не утерпел-таки военный.

— Издеваешься что ли? — пуще разозлилась в свою очередь я.

А как не разозлиться было? Мало того, что я в прямом смысле слова собралась в последний путь, так еще и была обязана комментировать это, разжевывая элементарную мысль. Почти возненавидела Третьего за то кривляние.

Он помолчал, а через время ответил:

— Ты, не в себе, это понятно: яма, волки, собаки, муж — явное тому свидетельство.

Я кивнула, остыв от злобы к тому времени. Спорить надоело. Было важно упорядочить как-то мысли, вспомнить — все ли сделала в жизни, что хотела. Останется ли после меня что-то значимое, вспомнит хоть кто-то добрым словом через десять, двадцать лет?

Воспитанники, например, когда подрастут, могут припомнить свою смешную, конопатую воспитательницу — у нее постоянно волосы торчали во все стороны, вечно лопались резинки и заколки, не выдерживая напора пшеничной копны. Еще от нее часто сладко пахло — ванилью, шоколадом, отчего дети охотно шли в объятия, и обнюхивали, тыкаясь носами, точно щенята.

Или вот еще Санька — который нашелся в одной из социальных сетей. Помнится, долго переписывались, созванивались, рассказывали друг другу, как жизнь сложилась. Он раздобыл и обзавелся семьей, неплохим бизнесом, но был рад на время вернуться в детские воспоминания, которые от общения навевались полными пригоршнями. Мы жаловались, перебивая друг друга, что хутора не стало вовсе — одни только покосившиеся домишки, и те, через один разрушенные до фундамента. И не возить туда своих чад, не катать их на санках и ледовых горах, потому что не к кому. Давно нет бабы Нади, и Санькиной старушки тоже нет. Что уж там, родителей также схоронили. Печалились, что как-то быстро, беспощадно людей смерть к рукам прибирает. Был человек — дышал, смеялся, планы какие-никакие строил, сына растил, дом строил, и вдруг не стало. В миг один, в единственный взмах ресниц. И сын — младенец, и дом не достроен, и дерево — не посажено...

У меня же — ни сына, ни дерева — ничего. Ничего не осталось кроме чертовой кружки на столе и бледного следа помады по краю.

И выходило, что может, кто и вспомнит, помянет незлым словом, только какое мне вообще до этого будет дело, если к тому времени тело уже изроют ходами черви?

Вот тут-то и стало страшно. Так жутко, что заклацали зубы.

— Останови! — резко закричала я.

Третий такому повороту не удивился, только разозлился слегка от крика — поморщился. Повернулся было ко мне с недобрым выражением на лице, но я уже распахнула дверцу и кубарем вывалилась на траву.

Трава была душистая, мокрая от росы. Я уткнулась в нее — пряную, напоенную предрассветной влагой, и завывала. Протяжно, надрывно. Так воют приговоренные, загнанные в угол — и люди, и звери. Слезы брызнули из глаз — колючие, бесконечно горькие.

В порыве захлестнувшей душу обиды, принялась пучками выдирать ростки вокруг себя, остервенело бить кулаками по земле.

Плакала, икала. Захлебывалась. Ненавидела тогда всех и каждого. Но больше всего — Бога. Ненавидела так люто, что делалось страшно. Человек так не может ненавидеть: непримиримо, вмиг забыв про все хорошее, что этот Бог когда-то давал и делал.

Подняла лицо к небесам — к навеки пустым теперь, навсегда равнодушным, и зло заорала что было мочи:

— Как ты мог?!

Конечно, он не ответил. Мне вообще никто не ответил, потому что если там — в вышине, и был кто, кроме голосящей птицы, то ему было все равно. Ему было так глубоко наплевать, что закрыл глаза на голодомор, холокост, фашизм вместе с рабством и концлагерями. Что уж там было говорить о моих глупых вопросах и обидах.

— Не напрягайся зря, — на плечо легла тяжелая, горячая рука, — там, куда ты смотришь — абсолютно никого нет.

Надо же, ведь напрочь успела о нем забыть.

— Теперь уже да, — кивнула в ответ.

— Есть что-то, чего бы ты хотела? — вздохнув, спросил Мидас.

Я утерла липкие, злые слезы и кивнула.

— Дай воды напиться.

Под сидением нашлась двухлитровая пластмассовая бутылка с теплой, старой водой. У нее был привкус ржавчины и застарелого машинного масла, на дне осадком плавали непонятные коричневые хлопья, но ничего вкуснее пить раньше мне не приходилось. Поэтому, когда внедорожник тронулся и принялся подсакивать на многочисленных ухабах, в животе от выпитого ощутимо побулькивало.

Ехали уже близко часа — по пустынной, скучной местности, но через некоторое время показался лес. Сперва редкий, но едва проехали чуть дальше, с несколько сотен метров, он загустел. Перерос в молодняк, пока еще не столь плотный, но близкий к тому. В голове моей было пусто, и я просто безучастно пялилась в окно, ни о чем особом больше не думая.

Минут через двадцать машина остановилась.

Мидас покосился на меня, будто ожидая побега или другого проявления бунта с минуты на минуту. Но, скорей всего, я его разочаровала: добровольно выбралась наружу, потянулась с хрустом, обернулась, замерла на мгновение.

Вокруг простирался бор, насколько хватало глаз. Он был тусклый еще, наполненный туманами: именно они воровали у ельника цвет и яркость. Но, солнце пробуждалось понемногу — и вскоре время туманов иссякнет. Им придется отступить, затаиться до следующей ночи, чтобы просочиться и подняться вновь: гуще, плотней, вящей.

Ни души вокруг. Тишина стояла такая, что закладывало уши. Только в воздухе повис крик неизвестной птицы — далекий, не различимый почти.

Третий хмурился и смотрел с явным неудовольствием. Обвел глазами округу — как я минутой ранее, нахмурился сильнее. Не знаю, отчего он медлил — может, ранее не приходилось подчищать за дружками, или совесть кусалась.

Опускать глаза, отворачиваться я не стала, потому что не хотела упрощать этому хмурому мужчине задачу. Если стрелять, так в упор.

И все же, как бы ни храбрилась, но сердце колотилось как сумасшедшее. Пульс грохотом отдавал в висках, пот застилал глаза. Я отошла от машины и остановилась посреди небольшой поляны.

Стало чертовски страшно. Как никогда ранее. Думалось — еще секунда, и...

Мидас легко повел рукой, и автомат привычно, верно скользнул из-за спины на грудь. Пальцы знакомым движением легли на спусковой крючок, бережно его огладили.

Время для меня тут же замедлилось, стало густым и тягучим как патока.

Я смотрела на крупные кисти рук, на пальцы с аккуратными лунками ногтей — сейчас перепачканные мазутом и оружейным маслом. Тяжело, почти невозможно было оторвать взгляд, перевести его куда-то еще, потому внутри билась мысль: если шевельнусь, он выстрелит.

Да, этот физически сильный, крепкий мужчина, возьмет и выстрелит! В самом деле — что стоит ему начать на курок, быстрым движением вскинув дуло? Миг и готово.

Тогда, в то самое течение минуты, я всем телом, всем сознанием ощутила — как прекрасна жизнь. Как замечательно просто дышать, видеть. Как непередаваемо славно просто быть. Быть жуком, муравьем, букашкой, человеком, быть никем, но жить. Впитывать запахи и звуки, становиться свидетелем новых рассветов, урожая, рождения — пусть это будут котята или соседские дети, все равно, только бы просто быть. Можно даже ночевать в картонной коробке или в бескраем поле среди пищащих полевок и кисловатого запаха ржи, только бы смотреть в бесконечное небо, видеть, как осыпаются градом звезды. Недоедать, но быть благодарным за каждый доставшийся кусок хлеба. По сути, ведь не нужно ничего больше — ни разносолов, ни изобилия, только бы жить.

И никогда, никогда не умирать.

Наверное, каждый человек, глядя смерти в лицо, переживает подобный катарсис, и я не стала исключением.

Золотистый восход, багряные полосы на востоке неба, тишина, величие деревьев — мне почудился Бог во всей этой благодати. И мелкой стала обида на него. Как можно злиться на свет? Или на воздух? Разумно ли ругать собаку, за то, что она лает?

А Бог — жесток.

Я запрокинула голову и посмотрела на небо. Оно было ясным, с легкой розовинкой. День обещал быть солнечным.

— Прости меня, — неслышно сказала в небо и перевела взгляд на Мидаса.

Глаза в глаза. Не мигая, снова боясь пошевелиться.

Стало зябко в легком платье, на непрогретой еще поляне у леса.

— Сколько еще? — спросила у Третьего.

Терпеть дальше не было сил. Казалось, что вот-вот упаду или сердце разорвется.

Мидас нахмурился, скривил губы привычным, наверное, жестом. Упрямые складки собрались у переносицы. Он не стал издеваться и переспрашивать о чем речь. Вскинул автомат, а я зажмурилась. Через секунду что-то холодное ткнулось в грудь, а над ухом раздалось злое:

— Дура. Никогда таких блаженных не встречал. Запоминай, что скажу, юродивая. Забываешь последние сутки, будто не было их вовсе. Все, что произошло в старой кибитке — приснилось тебе, глупая фантазерка. Начнешь болтать — только себе хуже сделаешь. Нашего мини-отряда уже через час тут не будет, а тебе жить с клеймом придется. Уяснила? — его горячее дыхание щекотало кожу, но мне было зябко.

Трясло всю.

Не открывая глаз, закивала часто-часто. Слезы — горячие, колючие, потекли от страха, бессилия, неверия. От всепоглощающей надежды. От нее — безумной, ослепляюще-яркой, подкосились ноги, и если бы не мужчина с автоматом напротив, я бы упала.

Мидас продолжил говорить, прислонившись еще теснее:

— Через пару километров будет деревенька. Пойдешь по колее, не заблудишься. Скажешь, что заплутала, добрые люди подскажут куда идти, и поведают о расписании автобуса. Все поняла? Повтори.

Запинаясь, утирая щечкочущие кожу слезы, я прошептала:

— Я... все приснилось. Ничего... почудилось все, представляешь? Пешком до села, потом на автобусе.

— Славно. Только вот еще что, — на этом он обхватил мое лицо ладонями, наклонился и грубо, по-звериному, поцеловал.

Язык его напористо, властно раскрыл мои губы, скользнул в рот. Губы жгло, по коже сновали мурашки, подкашивались ноги. Я вцепилась в лацканы его камуфляжной куртки, чтобы не осесть к ногам.

Мидас, увлекшись, впечатал меня, прижал к себе с грубой силой. Так, что я почувствовала его бешеный пульс, оглушающий грохот сердца. Холод стали и шершавую текстуру перевязи.

От него пахло пылью, сигаретами, машинным маслом. Так странно и так... приятно. Тогда я еще не знала, что сама жизнь теперь будет для меня так пахнуть.

Дыхание совсем сбилось, и он внезапно отпустил меня, отошел.

Я пошатнулась, но устояла, а Мидас сказал:

— Такая сладкая, сладкая девочка, жаль, не попробовал, но на сегодня тебе впечатлений хватит. Топай, и помни — все приснилось.

Я моргнула раз, другой, а потом отвернулась и медленно, деревянными шажочками побрела вдоль дороги. Шла, с минуты на минуту ожидая выстрела в спину. Вдруг, обманул? Тяжело ведь стрелять в упор.

Но, вместо выстрела послышалось сытое урчание мотора, шуршание колес и звук удаляющегося, уезжающего прочь, автомобиля.

Я засмеялась — до слез, до хрипоты, закружилась, и, ни разу не обернувшись назад, побежала — откуда только силы взялись?

Добралась до села часам к десяти. Деревенские, чаще всего, как один люди ранние: выходят на прополку перед обеденным зноем, а на полив после душной жары. В это утреннее, но неукротимо приближающееся к зною время, пришлось побродить по деревне, чтобы увидеть кого-то из людей поблизости, а не на огороде. Мне не хотелось запоминаться и выделяться, бродяжничая по пустым улицам, но выхода не было, и в скором времени — повезло.

Около одного из домишек я увидела бабульку. Она красила частокол зеленой краской и этот едкий дух, сегодня по-особенному сладко ложился в легкие. Подошла ближе. Женщина была в летах — лицо изрезало морщинами, но глаза оказались яркими, влажными,

сохранившими блеск былого довольства.

Не задавая никаких лишних вопросов, она подсказала расписание автобуса, пустила в уборную, где я умылась и пригладила волосы, а после напоила студеной водой из колодца, от которой на мгновение заломило зубы. На прощание я обняла женщину со всей щедростью, какой была полна в тот миг, и не потому, что старушка показалась одинокой, а потому, что она была человеком, достойным моей благодарности.

Когда пришел автобус — местами изъеденный ржавчиной, а также до жути перекошенный на левый бок, то села я в него с легким сердцем — так меня переполняла радость «второго рождения».

За дорогу расплатилась золотым кольцом, что досталось по наследству от мамы. Сумка с кошельком где-то затерялась: то ли в кибитке, то ли на городском проспекте, когда те двое запихнули меня в микроавтобус. Но, о том думать не хотелось, чтобы не омрачать счастье: знала, что оно — мимолетное, оттого берегла.

По пути старалась придумать, что скажу Вадиму — мужу. Версий было много, но все какие-то сплошь корявые и неправдоподобные — ни в одну из них он не сумеет поверить.

Лгать я никогда не умела: краснела, бледнела, заикалась, боялась поднять взгляд, и всем становилось понятно, что эта монетка — квантовый рубль из кармана фальшивомонетчика.

К тому же, я сомневалась, что смогу связно говорить, да и вообще вопрос — решусь ли посмотреть мужу в глаза. Оттого, прислонившись к закопченному по самую крышу, дрожащему стеклу, просто позволила себе расслабиться и закрыть глаза.

В город добралась к обеду.

Шла по родной улице, вертела головой, ничего в округе не узнавая: все было чуждым и в то же время привычным, словно немного переменившимся, будто я смотрела сквозь искажающее реалии стекло.

Вон магазинчик со всякой мелочевкой, куда я любила заглядывать после получки — покупала разнообразные статуэтки, рамки, подставки под кружки со смешными котами: толстыми, черными, с лукавым прищуром в желтых глазах. Тащила все это добро в дом, а Вадим качал головой — мол, на что только деньги тратятся. И вроде бы магазинчик этот был маленьким и уютным, а оказалось — в два этажа.

Или вон тот безработный, что сидит с дырявой шляпой в протянутой руке, расположившись у магнитных дверей супермаркета. Почему-то я всегда сторонилась его, боясь, что из густой рыжей бороды выберется какая-нибудь живность и обязательно запрыгнет мне в волосы. Или, что прикоснувшись ненароком к его грязной, заскорузлой коже, заражусь неприятной болячкой.

И вот тогда — когда шла, вертя головой направо и налево, я впервые рассмотрела его настоящего: рыжебородого, грязного, безногого, хотя ходила этой дорогой каждый день в течение нескольких лет, а он всегда сидел в одном и том же месте.

Сердце сжалось, кольнуло остро — так, что в бок отдало: мужчина, сидящий у дверей большого магазина, нестриженный, косматый, глядящий на прохожих из-под густых бровей с бессилием, обреченностью умереть на этом месте — человек. Не пес, которого можно пнуть, если нога поднимется, не червяк, что валяется на асфальте после обильного дождя: толстый, диковинно скрученный. Нет, этот калека — живой человек. Со своими мечтами, вкусами, пристрастиями.

Я остановилась, будто споткнулась, а сзади кто-то раздраженно буркнул: «чего встала, дура».

Люди обтекали нас — меня, замершую посреди оживленного проспекта и его — грязного, никому не нужного инвалида, и воздуха мне стало мало. Не было сил разжать зубы, чтобы открыть рот и заорать: «обернитесь»!

Словно почувствовав этот немой настрой, мужчина поднял глаза, и взгляды наши пересеклись. В его взоре не оказалось мольбы или слезливости, что было присуще обыкновенным попрошайкам, кто неплохо зарабатывал под «крышеванием» вышестоящих чинов. Он просто смотрел — ясными, не задурманенными алкоголем глазами. И меня словно кто в спину толкнул — подошла к нему, опустилась на одно колено и сказала:

— Простите меня, ради Бога, простите.

«С ума сошла» — сказал кто-то поблизости, но мне было плевать, потому что я отчетливо помнила, как это — в одночасье потерять всё. Ведь неведомо — ни мне, ни кому бы то еще, что заставило этого мужчину сесть здесь с протянутой рукой. Обстоятельства ли, голод, глупость, неважно, но вот сейчас, сегодня он здесь. Сидит, недоуменно глядя на мое перекошенное лицо, и пытается что-то возразить, подтолкнуть, чтобы встала, но я лишь покачала головой и незаметно положила в его холодную ладонь последнее, что осталось от материнского наследства — еще одно кольцо: золотое, без камней и завитушек. После, встала и ушла, не оглядываясь. Унося никем непрошеную жалость вместе с собой.

Впечатлений, и правда, оказалось многовато.

Все навалилось разом: звуки — гомон, суета. Запахи — духов: сладких, шипрово-удушающих, которыми обычно пользуются женщины за пятьдесят; вонь от выхлопов; аромат вареной кукурузы, что продавали прямо тут: из кастрюли, накалывая тугие кочаны длинной серебряной вилкой.

От изобилия затошнило, закружилась голова.

Я остановилась на миг, прислонившись лбом к шершавой коре клена, передохнула минутку, а потом заспешила домой.

Зашла к соседке за комплектом запасных ключей, забрала их, ничего не объясняя, и направилась в квартиру.

В прихожей витал аромат мужниного парфюма: слегка ванильного, но по большей мере табачного. Еще немного пахло лаком — недавно покрывали им паркет.

От домашней атмосферы — родной, привычной, на глаза навернулись слезы. Захотелось раскинуть руки и завопить от счастья. Как много переменилось со вчерашнего утра! Так много, что не вмещалось — выплескивалось через выступившую влагу на ресницах и барабанило отчаянным сердцебиением...

Я скинула лакированные туфли на сплошной подошве, и, таясь: будто бы не домой вернулась, а в чуждое место, прошла по коридору, по пути заглядывая в комнаты.

Вадим был на кухне: пил кофе и просматривал какие-то бумаги.

Такой сосредоточенный, хмурый на вид, но до боли родной человек. Разом захотелось обнять его, прижаться, раствориться. Забыть эту сумасшедшую ночь. Вычеркнуть из памяти, словно и не было! Остаться прежней — светлой девочкой-хохотушкой, напрочь позабыв о том, что случилось в старой, вонючей, промасленной кибитке.

Но, я замерла на пороге, почувствовав, как горло свело: ни слова не вымолвить. Заморгала, стараясь не впасть в истерику.

Вадим же, почувствовав мое присутствие, резко обернулся и глянул остро из-под густых бровей.

Спросил, без всякой приязни:

— Где ночевала?

Я попыталась сглотнуть ком, но ничего не вышло, да еще и язык взял, да отнялся. А в голове непрошено завертелось: отчего не сказал: «привет»?

Муж, не подозревая о бушующих в глубинах подкорки ощущениях, критично осматривал меня с ног до головы: задержал взгляд и на мятом платье, и на всколоченных волосах, а после брезгливо сморщился.

— Не ожидал. В тихом омуте, как известно, черти водятся, но ты — меня просто-таки поразила. Пришел с работы, а тебя нет. Мобильный выключен, записка отсутствует. Маринке твоей позвонил, она — ни сном, ни духом где ты. Хотел уже по больницам и моргам искать, а оно вот что оказалось.

Мне отчаянно хотелось перебить его — чтобы замолчал, но Вадим всегда говорил прямо о том, что думал. И вопросы умел задавать правильные — неудобные до невозможности.

Я уже собралась рассказать все — как есть, но муж вдруг меня перебил.

— С кем ты трахалась, сука? — от накатившей злобы у него вздулась вена на шее.

Я отшатнулась, поскольку ожидала, какого угодно приема, но отнюдь не такого. Да, узнав обо всем, он стал бы презирать меня, но чуть погодя. Не вот так — с порога.

— Вадим, — захрипела, закашлялась.

Через силу и страх шагнула к нему, но муж, как разъяренный бык, покачал головой.

Глаза его быстро налились кровью.

— Не подходи, даже не вздумай. От тебя воняет, дрянь. Лень было помыться?

Я зажала рот рукой, чтоб не заорать, и прислонилась к стене.

Так не бывает.

Это опять все не по-настоящему, — снова забило в мозгу, но Вадим быстро развеял мои фантазии.

Поднялся резко, тем самым опрокинув кружку на стол, и напиток разлился, пачкая бумаги, пропитывая их, окрашивая в коричневый цвет. Я смотрела на быстро расплзающееся пятно и не могла отвести взгляда, было страшно моргнуть.

Вадим резко навис надо мной, так, что пришлось вжать голову в плечи — не знала чего ожидать: тычка, удара? Таким — взбешенным, я видела мужа впервые. Он будто превратился в незнакомца, разом скинув надоевшую маску.

Замахнулся, но в последний миг удержался — ударил мимо, разорвав кулаком воздух у

виска.

Обозвал напоследок дрянью, а потом плюнул мне прямо в лицо, и ушел, громко хлопнув дверью.

Что было дальше, я помню смутно, поскольку поступок Вадима, его поведение, стали последней каплей, переполнили и без того до краев наполненный эмоциями разум.

В мозгу что-то оглушительно щелкнуло, перемкнуло, отчего всё, что происходило в дальнейшем, заскользило мимо, абсолютно не задевая.

Вроде бы плакала, сжавшись в комок — прямо там, на полу, что покрывал бежевый персидский ковер. Вроде бы долго мылась, раздирая кожу жесткой мочалкой. Кажется, курила потом, стоя у окна, хотя бросила уже несколько лет как. Курила, и все не могла поверить, что муж даже не спросил, не задумался, что же случилось со мной, что произошло на самом деле? Почему его обычно тихая, верная супруга взяла и не пришла ночевать домой.

Вадим вернулся под вечер, кинул на стол бумаги на развод. Сказал, что не потерпит рядом шлюху и мразь. Или это было через несколько недель? Все они слились для меня воедино. Помню только, что он так и не задал главного вопроса, а я не стала объясняться.

В один из дней, когда в паспорте появился новый штамп, я нашла у квартиры две сумки с вещами. Ключ не подошел к замку, а в поклаже оказались мои вещи. Этого стоило ожидать от бывшего мужа — первоклассного юриста, и судиться с ним я не стала, равно, как скандалить и спорить — это все больше не стоило моего внимания.

Подхватила сумки и поехала к Маринке.

Подруга не стала задавать лишних вопросов. Достала запасную подушку, одеяло, постелила мне на диване и выделила полку в ванной.

Всё это было как в тумане.

Недалекое прошлое.

Как собрала себя по кусочкам? И собрала ли, не знаю.

Я не обращалась к психологам, не бросалась в крайности, не напивалась. И даже пожелай подобного — денег не было лишних: все под расчет. Часть получки на хлеб и коммунальные, часть на порошки и зубную пасту. Излишеств себе не позволяла — не время было баловать плоть.

В один из дней уволилась с прежней работы, не выдержав жалостливого взгляда коллег: теток постбальзаковского возраста, с судьбой одной на всех, как под копирку. Им всем импонировало, что я пополнила ряды разведенки — перестав тем самым, отличаться от основной массы сотрудниц. Взались за привычку шептать в след жалостливое: «ну, надо же, такая красивая, и все ж не уберегла — сбежал муженек». Знай, они, что со мной приключилось на самом деле, извели бы вовсе. Ума хватило сбежать оттуда.

Без работы не осталась: в соседнем ЖЭКе, что находился недалеко от Маринкиного дома, как раз подняли вакансию дворника, и я, ничуть не смущаясь, написала заявление. Как известно, все профессии важны, все профессии нужны.

Кто бы думал, что именно эта работа вытащит меня из вялотекущего сумасшествия? Того самого состояния, когда наблюдаешь за собой будто бы со стороны, живешь как во сне: практически не различаешь какое число на календаре и какая погода за окном. Ведь что пора года, когда в душе зима — вечная, промозглая. От нее не спасишь горячим коричневым чаем, ее не заешь мандаринами и подмороженной с одного бока, хурмой. Не отогреть ноги шерстяными носками и накинутым сверху вязаным пледом. Нет, она — эта вечная, беспраздничная зима, холодит изнутри, выстужает душу. Исподволь, понемножку — как не замечает человек, что замерз и умирает бесславно, тихо-тихо — во сне, так не замечала и я, что вот-вот рассыплюсь ледяной крошкой, как разбиваются ледяные сосульки с высоты крыш.

Маринка пыталась вытащить меня. Честно и бескорыстно, как может только настоящий друг, она возилась со мной: не бросала одну, водила по паркам — выгуливала, чтоб я не задохнулась в четырех стенах. Закармливала деликатесами, когда удавалось выпросить у начальства премию. Забиралась ко мне в кровать, упорно тесня к стенке, и присоединялась к просмотру «Доктора Хауса», хотя терпеть его не могла. Брала за руку или утыкалась носом в шею и мирно засыпала, пока я смотрела любимые сериалы по сотовому кругу. Терпела слезы и ночные крики. Будила, когда я задыхалась во сне. Плакала вместе со мной, когда этим ледяным слезам удавалось просочиться сквозь толстую льдину, давящую на грудь.

И все же, спасла меня работа.

Вставать приходилось в четыре утра. Собирать мусор или соскребать снег, лед, было лучше всего на безлюдных улицах — когда отсутствовала суета, — так наставляли новые

коллеги, когда выдавали серую форму с оранжевым жилетом и положенный по должности инвентарь.

Помню, вышла на улицу, а там — лето. Яркое, непостижимо зеленое, слепящее глаза, прекрасное во всех своих изумрудных оттенках. Пахучее — страсть. То ли жасмин цвел, то ли запах свежескошенной травы так голову дурманил, но я вдруг очнулась, выбралась из-под толщи льда, что бетонной плитой прижала к бывшему чудовищному равнодушию.

И каждое утро стало желанным.

С новым рассветом подмечались всё новые детали. Оказалось, что небо — по-прежнему синее, а солнце — белое, и если долго на него смотреть, под веками расплываются разноцветные пятна. И они — эти живые плавающие капли — топят зиму внутри, плавят, а она — шипастая, отступает, недовольно шипя и оставляя после лишь влажный след от талых снегов.

Я с удовольствием шла мести улицы, и в эти тихие, мои личные часы, когда удавалось побыть наедине с собой и природой, город ведь только-только просыпался, складывала себя. Чинила. Много думала, вспоминала. Перебирала былое, как бусинки на четках и больше не гневалась на Бога. Он стал непостижимо далеким, недостижимым для меня, как, например, Орион, или Альфа Центавра.

Положа руку на сердце, я ненавидела только тех двоих и еще немножко — Вадима. И это чувство — для других разрушающее, созидало. Собирало пазл в цельную картинку, помогало дробить зиму. Я знала, что чувствовать хоть что-то — хорошо. Пусть это будет злость, ярость, позже негатив может смениться чем-то другим, и как знать, может, радостью. Еще, я полагала, что чувствовать обиду — в моем случае — нормально, закономерно. И я обижалась, злилась, смотрела в небо до рези в глазах и оживала.

Кто отправил тех двоих патрулировать границу, и почему нам суждено было пересечься? Это были вопросы их ряда риторических, но мне и не нужны были ответы. Только эмоции, какими пропитывалась, размышляя.

А Бог... если раньше я ощущала себя любимым его ребенком, практически венцом творения, то теперь из заботливого, он превратился в жестокого, эгоистичного библейского бога, с которым у нас установился шаткий нейтралитет.

Решающей стала так же одна немаловажная встреча.

Лето катилось к закату: опадали листья с каштанов, и работы хватало. В тот день я стояла у детской площадки, опершись на черенок метлы, разглядывала свежеекрасненные в веселые цвета качели, и думала, что пора бы и мне что-то менять. Не могу же вечно висеть у Маринки на шее. Она, добрая душа, в жизни не признается, что я ее стесняю. Пора бы уже освободить подругу от бремени: ей замуж пора, а она носится со мной, как с великовозрастным ребенком.

Задумавшись, я не услышала скрипа колес, очнулась, когда кто-то тронул за рукав. Прикосновение было бережным, но весьма настойчивым. Опустила глаза и увидела прилично одетого мужчину в старой инвалидной коляске, усовершенствованной на современный лад. На вид незнакомцу было слегка за сорок. Загорелое, приятное лицо его было практически лишено морщин. Глаза улыбались.

— Думал, что обознался, но это и правда, вы! — ясные глаза смотрели на меня по-отечески ласково, хотя в родители мужчина годился едва ли.

— Простите? — отступила на шаг, пытаюсь вспомнить, где же его видела.

Лицо знакомое, да и в целом, его вид навевал смутные воспоминания, но не уловить было какие именно, не поймать мысль за хвост.

Все стало на места, когда мужчина протянул на ладони материно колечко.

— Быть не может, — сказала я, а он засмеялся.

— Чего только в жизни не случается.

Я пораженно обвела взглядом одежду с иголки, гладковыбритые щеки. Он подстригся, отмылся от въевшейся в кожу грязи и стал другим человеком. Словно отвечая на незадаанный вопрос, мужчина пояснил:

— Нашел в себе силы, желание выбраться из ямы. Заложил кольцо и отправился в баню, потом в дешевую парикмахерскую, завернул в секонд-хенд, и милая девушка подобрала мне рубашку в комплекте с брюками. Стоило вымыться, как работа сама приплыла в руки — сначала раздавал листовки: там же, у дверей «Родничка», потом повезло встретиться с армейским другом. Он приютил на некоторое время и, мне как раз повезло скопить денег на съем комнатухи в коммуналке, чье крыльцо парадного оказалось оснащено подходящим пандусом. И кольцо вот выкупил.

— У нас в стране еще существуют коммуналки? — сглотнув ком в горле, спросила я.

Кольцо жгло ладонь.

Мужчина улыбнулся:

— Существуют, а как же. И чудеса, как я понял, тоже еще случаются, — он прикрыл глаза на мгновение, словно борясь с чувствами, а мне вдруг захотелось расплакаться — самым позорным образом. — Спасибо вам! Представить не могу, что все действительно налаживается.

— Не за что, — я кивнула, и шмыгнула носом, отводя взгляд.

Стало почему-то стыдно, что посмела пожалеть этого сильного духом мужчину.

— У вас тоже все непременно будет хорошо, — мужчина снова тронул меня за рукав и сжал пальцы, ободряя.

— Да, — согласилась я.

И в подтверждение кивнула.

Мы расстались молча — оставшись безымянными друг для друга, но навсегда впечатавшись в память. Он нажал кнопку на подлокотнике и коляска, зашумев слабым самодельным мотором, покатила по опавшим каштановым листьям и шипастым плодам, а я, обняв метлу, глупо улыбалась в след.

С той встречи, будто что-то переменялось: надломилось, что ли. Поняла — случившееся со мной осталось в прошлом. Давным-давно зажили синяки и кровоподтеки, смылся, напрочь стерся запах чужих тел, покрылось пылью былое. Я другая, а жизнь — новая, как чеканная монета. Нужно дальше барахтаться как-то.

Впору заново научиться улыбаться, и перестать пугать людей кривым, злым оскалом.

Еще тогда — на просыпающейся поляне Вселенная в лице Третьего дала мне второй шанс. Упустить его было бы в высшей степени глупо и неблагодарно.

Я еще раз уволилась, собрала вещи, обняла напоследок Маринку, расцеловав в обе щеки,

попросила прощения за все — за тягостное молчание, за тусклый, безжизненный взгляд, за то, что ей пришлось терпеть чужое горе так долго. Подруга расплакалась, повиснув на плече.

— Обещай, что позвонишь. Что не оставишь меня здесь одну.

Я пообещала. Марина осталась единственным человеком на свете, кто был мне дорог.

Остаться в городе, где все случилось — и отстроить при этом жизнь заново, представлялось мне бесперспективной затеей. И пусть любовь к Вадиму заморозила та самая зима — припорошила, будто и не было той, мне не хотелось пересечься случаем и снова обжечься ледяным презрением, ненавистью того, кто раньше был единственным мужчиной на всем свете.

И, я решила уехать.

Давно, еще в школьные годы, от двоюродной тетки мне досталась квартира на севере страны. Подарок простаивал, наматывая километровые счета за отопление и квартплату. И раз пришла пора что-то в жизни менять, то почему бы, к примеру, не вернуть, наконец, долги, озолотив тем самым государственную казну.

В память о родном городе остались грубые мозоли от метлы на ладонях, и два штампа в паспорте, который давно следовало поменять.

Через несколько дней меня встречал провинциальный, но миллионный город, где мелькали сплошь незнакомые лица прохожих. Приехала туда с одной сумкой в руках, но с уверенностью — все получится, и я обязательно научусь улыбаться. Заново полюблю закаты и крепкий кофе.

И ведь получилось.

Через несколько месяцев я могла похвастаться свежим ремонтом в двухкомнатной хрущевке, а так же — прибыльной работой. Еще через месяц купила машину в кредит и в скором времени успешно его погасила. Словно стыдясь былого, Вселенная мне благоволила — за что я ни бралась, все идеально получалось.

Из зеркала смотрела теперь, пусть несколько новая, но почти прежняя я. Исчезла болезненная худоба, которой обзавелась после развода. Прошли темные круги под глазами, зажили искусанные в кровь губы. Волосы вновь стали роскошными — густыми, переливающимися всеми оттенками золотого. Почти я, почти живая.

Оставалось всего ничего: избавиться от холода в глазах — следа, что оставила на память моя личная зима. Взгляда, от которого прохожие, коллеги и новые знакомые опускали глаза и бормотали что-то невнятное. Осталось проститься с настойчивым запахом пыли, сигарет и машинного масла, что нет-нет, но забивал нос, дразнил, добираясь до рецепторов, и рисовал в памяти картины прошлого.

Словом, оставались сущие пустяки.

Минула зима, весна плавно перетекла в лето.

В городе ощутимо потеплело, насколько вообще может потеплеть в северном стане. По такому случаю, я взяла на работе отпуск, с намерением отлежаться, попытаться окончательно собрать пазл с названием «Внутренний мир Златы Полещук».

В один из вечеров, традиционно уже поболтав с Маринкой по скайпу, я вышла на вечернюю прогулку. Не то, что бы искала приключений на свою многострадальную задницу, как могло бы показаться со стороны, скорее это был вынужденный призыв к действию. Нечто вроде: попробуй, пройдишь до ближайшего кафе, закажи мороженое, посмотри, люди вокруг самые простые. Тут не мелькают камуфляжные спецовки, никто не несет за плечом автомат!

Я не заходила в ужасе от вида крепких мужчин, не паниковала, когда коллеги мужского пола приобнимали — иногда в шутку, иногда поздравляя с праздниками. Не истерила и не плакала больше по ночам в подушку, все это осталось в прошлом. В той самой Маринкиной однушке, где простыни пахли земляникой и лимоном. Но, отчего-то за все прошедшее время, так и не могла переступить одной немаловажной черты — после изнасилования у меня не было секса.

С одной стороны, отсутствие контакта не играло важной роли. С другой, я в полной мере осознавала, что этот рубеж — последнее, что отделяет меня от возвращения к полноценной жизни. Сколько бы я не зарабатывала, на какой бы машине не ездила, как бы не задирала нос, этот последний комплекс губил всю мою самопальную реабилитацию.

Именно поэтому я полюбила вечерние прогулки. Заходила в рестораны и кафе, иногда делала заказ, иногда брала кофе на вынос и шла бродить по темным улицам. Прогуливалась по набережной, куталась в теплую вязаную кофту и топала себе, глядя под ноги — искала смелость где-то там в собственных глубинах.

Забегая наперед, скажу, что благодаря таким вылазкам и произошли две важные встречи.

В тот летний вечер, когда я, как уже было сказано, поболтала с Маринкой по скайпу и вышла на прогулку, произошла первая — я нашла Счастливику.

Конечно, для полноты образа «сильной и независимой» женщины, мне не хватало кота. Естественно, я не смогла пройти мимо.

Было прохладно: порывистый ветер шелестел в кронах деревьев, а когда опускался ниже, пробирал до костей. Шел двенадцатый час ночи, прохожие на улице практически не встречались. Я уже возвращалась домой после вечернего променада: вдоволь набродившись и объевшись фисташковым пломбиром, как вдруг в одной из подворотен, услышала шум.

Бесспорно, печальный опыт, имевшийся за плечами, должен был встряхнуть мой здравый смысл и заставить ускорить шаги, но я остановилась.

— Никто больше не обидит меня. Этот город не приграничный, тут нет никаких военных объектов, и люди здесь не ходят с автоматами. Для всех остальных, кто пожелает мне зла, в кармане есть газовый баллончик и острозаточенная опасная бритва, — говорила тихо, для себя. Так, будто меня уговаривал некто близкий. Звук собственного голоса успокаивал.

Кивнув в такт словам, повернула налево — в ту самую подворотню и пошла на шум.

В узком тупике между домами находились мусорные баки. Подойдя ближе, я сразу разглядела того, кто шумел. Зачинщиком гама оказалась собака, пытающаяся запрыгнуть на высокий контейнер, на крышке которого сидел Счастливчик. Я сразу так окрестила кота, что сидел в позе копилки, обняв лапы полосатым хвостом, потому что его нельзя было назвать никак иначе: выражение усатой морды оказалось настолько величественным, что в сравнении с ним мерк даже философский налет буддийского спокойствия. Худой, грязный, одноглазый кот совершенно равнодушно смотрел на собаку, которая царапала когтями железный бок контейнера. А та же, не обращая на меня никакого внимания, исходила лаем, пускала из пасти горячую слюну и пыталась-таки забраться на крышку бака.

Долго не раздумывая, я схватила какую-то подвернувшуюся под руку палку, кажется, это был обломок от деревянного ящика, и подошла ближе. Собака была мелкая, но, похоже, бешеная. Заметив, наконец, меня, стала лаять еще более визгливо и тонко: от этих звуков хотелось зажать уши.

Ополоумев, зверюга кидалась на палку, оставляя на той пенящуюся слюну. Я едва успевала уклоняться от пасти, подставляя вместо ног деревяшку и всячески топала, шумела, пытаюсь напугать, отогнать спятившего пса, но он таки исхитрился цапнуть меня за ногу. Больно было лишь мгновение, потом я отбросила палку, достала из кармана бритву и, дождавшись очередного броска, присела, всадив лезвие куда-то в бок. Тут же раздался дикий крик боли, скулеж, от которого еще более заложило уши. Из собачьей пасти брызнула пена, тельце задергалось, завозилось. Дрожащими от адреналина руками, я вынула лезвие, свернула его, механически сунула в карман, так не поняв — убила пса, или только покалечила. Потом, стараясь не смотреть в его сторону, подхватила несопротивляющегося кота и поспешила домой.

Наспех вымыла Счастливчика, снова проявившего достойную выдержку, покормила, а сама взяла ключи от машины и отправилась в ближайшую БСМП.

Меня принял дежурный врач, утомленный работой, с безмерно усталым видом. Он с явным недоумением на худощавом лице, выслушал мою историю, осмотрел укус, и неодобрительно покачав головой, сделал первый из шести уколов в живот.

— Спасибо, что не сорок, — улыбнулась я врачу.

Он на мою приветливость отреагировал вяло.

— С момента вакцинации в течение полугода запрещено употреблять алкоголь. Даже пропитанные коньяком бисквиты и конфеты с ликером. Иначе действие антирабической сыворотки сойдет на нет. Вам понятно, девушка?

Мне было понятно.

Я получила уколы в течение следующей недели, Счастливчику, между прочим, тоже прилично досталось. Ветеринар вертел кота так и эдак, заглядывал в рот и уши, нажимал на лапы и осматривал когти, замерял пустую глазницу, длину тела с хвостом и без него, а окончив, выписал кучу уколов, таблеток, ошейников, и даже, как мне показалось, напоследок пересчитал Счастливчику усы. Сознательный доктор попался — не иначе как настоящий фанат своего дела.

Прошло несколько недель, кот отъелся, заметно подобрел и вообще, стал относиться ко мне с глубочайшим уважением. Я платила ему нежностью.

Как раз в то безоблачное время и произошла вторая судьбоносная встреча.

Был очередной летний вечер, плавно перетекающий в ночь. Я стояла на набережной и, оперевшись об резные перила, смотрела на черную воду. В тот раз кот со мной на прогулку не пошел. Изредка он изъявлял желание эпатировать публику и я, надев на пушистого ошейник, целенаправленно купленный для таких прогулок, брала четверолапого с собой. Должно быть, выглядели мы забавно: вечно мерзнущая, кутавшаяся в шарф девица и одноглазый кот на привязи. Идеальная, должно быть, пара.

Кто-то, глядя на нас, хихикал, кто-то удивленно поднимал брови, в основном оглядываясь, но чаще всего, люди приставали. Возомнившие себя остряками юнцы, мужчины постарше — обычно подвыпившие, все они называли меня «дамой с котом вместо собачки» и спрашивали — ученый ли зверь. К такому вниманию со стороны мужчин я не особенно стремилась, но терпела стоически и про себя именовала этот цирк незаменимыми для полного восстановления тренингами. В целом же, на мнение прохожих мне было плевать, оттого и не видела ничего странного в прогулках с котом за компанию.

В тот вечер было особенно зябко. Лето шло на убыль, и ветер все чаще был порывистым, пробирающим до костей. Я по привычке куталась в вязаный шарф, скрученный несколько раз и небрежно повязанный поверх кашемировой кофты.

Темная гладь реки взволнованно омывала высокие берега.

Мне думалось о самочувствии: в последнее время рецепторы тревожило странное ощущение: будто кто-то настойчиво смотрит в затылок немигающим взглядом. От этого ощущения хотелось передернуть плечами, повести головой, лишь бы стряхнуть с себя чужеродные, невидимые, но оттого не менее настойчивые взгляды.

Я часто оглядывалась, но никого даже мало-мальски подозрительного не замечала. Такой навязчивый маниакальный психоз был несколько странен даже для меня — давно и бесповоротно повредившейся умом, девицы. Ведь, по сути, жилось мне спокойно, насколько вообще может быть размеренным бытие в незнакомом городе: я перестала бояться, вздрагивать от близкого шума скрипящей об асфальт автомобильной резины.

Нельзя сказать, что город оставался чужим, нет, постепенно он открывался: знакомил с извилистыми, узкими мощными улочками, где торговали картинами и разнообразным хенд-мейдом. Радовал ресторанами, библиотекой, бакалейной лавкой, где я любила бывать; ветреной набережной. Город был независим — приходилось плутать, разглядывая карту, мерзнуть, возвращаясь к отправной точке и пересаживаться на разные ветки метро. В этом хмуром, холодном стане жили сотни тысяч таких, как я — обыкновенных, усталых, замерзших людей с обветренными лицами, так что за дело ему было до очередной гостыи? Он был горд и переменчив: иногда снисходил до жалости и подталкивал ветром в спину к хлебной пекарне, где готовили умопомрачительные на вкус французские булочки, а иногда злился и бросал горсть колючего снега в лицо. Он был разным, но уже не чужим.

Пусть ничем кроме знакомства с городом не могла похвастать — я не завела друзей, не

особенно сблизилась с коллегами, одинокой себя все равно не ощущала. И все же, настойчиво смотреть мне в затылок было совершенно некому. Да, я не могла вообразить — кого настолько заинтересовала, потому что ощущение дразнило. Навязчивое, иррациональное, оно заставляло зябко дергать плечами и плотней кутаться в шарф. Нутро словно замерло в преддверии чего-то волнующего, опасного. Наяву стала понятна фраза «кишки сводит», ведь у меня сводило. От предвкушения, необъяснимого, неопишемого.

Неведомое играло со мной в прятки, где бы я ни была — на мостовой ли, в магазине или в вагоне метро. Неведомое трогало за плечи, от чего по шее бежали мурашки, и шептало на ухо: «ну же, обернись, тебя ждет кое-что интересное. Я — жду, пока ты осмелишься обернуться». Неведомое врало: позади всегда была пустота.

Я всерьез подумывала купить себе какой-нибудь дневной транквилизатор, чтобы унять расшалившиеся нервы, но, даже «Гидозепам» отпускали по рецепту, а на прием к врачу я идти не хотела. Чувствовала, что с моими страхами, тревожными состояниями и навязчивыми идеями выйти из кабинета смогу только прямым в стационар.

Тогда на мосту это интуитивное, параноидальное ощущение достигло пика. По телу даже не дрожь прошла — рябь. Обернулась резко, сильно вцепившись руками в перила позади себя. Но, мостовая пустовала — как и всегда. Поблизости никого не оказалось.

Редкие проезжие машины давали о себе знать задолго до того, как появлялись из-за поворота.

Через дорогу находился популярный ресторан. Огни вывески призывно мигали золотым светом, приглашая вкусно отужинать. На парковке около ресторана стояла одна-единственная машина: высокий, тонированный внедорожник.

Оглянувшись по сторонам, отцепилась от перил, и будто кто в спину подтолкнул, я направилась в харчевню.

Метрдотель встретил меня улыбкой и быстрым, профессиональным взглядом окинул с ног до головы. Не знаю, понравилось ли ему увиденное, но, рассмотрев покрасневший нос и влагу от бриза на одежде, улыбаться он стал как-то покровительственно. Усадил у окна, за уютной ширмой и предложил меню. Рядом тут же оказался официант — молодой и улыбчивый, с вихрастыми русыми кудрями. Он приветливо улыбнулся и принялся рекомендовать фирменные яства. Есть особо не хотелось, поэтому от горячего я отказалась, заказав кофе с молоком и яблочный штрудель.

Пока готовили заказ, осмотрелась. Бывать ранее в этом заведении не приходилось, оттого я и принялась вертеть головой. Интерьер был выполнен в классическом стиле с некоторыми современными мотивами, что только добавляло уюта и лоска. В воздухе приятно пахло лимоном и едва уловимо базиликом. Мелькнула мысль, что Счастливику бы тут понравилось, жаль, что не взяла его с собой сегодня — вдвоем всяко веселей. И безопасней — шепнула паранойя.

Принесли кофе. Он оказался ароматным, приправленным специями, хоть я и не просила. Впрочем, делать замечание не сочла нужным — напиток пришелся по душе. После вечерней прохлады густой, дымящийся напиток приятно согревал, оставляя на языке легкую горчинку.

Попивая кофе, я вертела в руках чашку, смотрела в окно и недоумевала — что тут делаю? Дома меня ждет кот, килограмм клубничного мороженого, теплый плед и новый сезон «Шерлока», а я вот тут — сижу в дорогом ресторане. Одетая не по случаю, без должной компании, пью напиток, пусть и приятный, но все же... не планировала я этого похода в ресторан, и ситуация в целом — получилась совершенно странная.

Недоуменно покрутив головой, я собралась было расплатиться, как вдруг послышалась близкая мелодия зазвонившего телефона. Через секунду раздалось приятное «слушаю» и последовавшие далее реплики чужого разговора.

Сперва я подумала, что почудилось, но через мгновение, когда голос раздался снова, всё во мне замерло.

Давным-давно, в прошлой жизни даже, когда я училась в школе, родители — они тогда еще были живы, предложили попробовать себя в музыкальном искусстве. Затея показалась любопытной — помнится, музицировать я любила. Самозабвенно распевала романсы, стоя перед зеркалом и держа в руках круглую мамину расческу вместо микрофона. Как знать, была ли то инициатива родителей, утомившихся слушать «Ветер с моря дул», или это соседи посоветовали занять девицу чем-то полезным.

На первом занятии, учитель, проигрывая на фортепиано незатейливую мелодию, попросила ее напеть. Услыхав ответ, она заинтересовалась и сыграла новую. Таким образом мы развлекались минут сорок. Позже я услышала, как преподаватель говорила матери:

— У вашей девочки абсолютный слух. Плюс ко всему, редко встретишь такой интересный голос...

Музыкальной карьеры у меня не сложилась. Фортепиано я осваивать поленилась, выбрав гитару, но в скором времени, и эти редкие спевки пришлось оставить — близились экзамены, выпускной.

Бросив вокал, пела в университете иногда, на редких вечеринках, но в целом выступать на сцене мне быстро наскучило.

А вот слух, он и, правда, оказался абсолютным. Единожды услышав мелодию, я могла напеть ее спустя неделю, не сбившись ни в одной ноте.

И голос, тот, что услышала в ресторане, он был знаком до последнего тона и навсегда отложился в сознании до мельчайших интонаций.

— Я услышал тебя, Стас. Да, договорились, — говоривший рассмеялся в ответ на реплику невидимого собеседника, а я сползла с сидения, чтоб он не смог увидеть мою макушку.

Мини-кабинет, в котором находился столик, враз перестал быть уютным и безопасным. И пусть он прятал от посторонних глаз, но если пройти мимо и ненароком заглянуть...

Не глядя, я швырнула на стол деньги, и на деревянных ногах вышла из ресторана.

На улице подставила горящие щеки под ледяные порывы ветра. Полегчало ненадолго, а потом вдруг стало смешно. Согнувшись пополам, я немного повеселилась — чертова интуиция! Ведь надо же! Теперь все стало на свои места: и холодок по спине, и упорный взгляд в спину.

Через несколько минут из ресторана вышел мужчина и, не оглядываясь, сел в машину. Отъезжать он не спешил: опустил стекло, закурил. Я притаилась в тени дерева, и как прирожденная шпионка, принялась за ним наблюдать. За тем, как он щурится, глубоко затагиваясь, как алый, но скудный огонек сигареты, освещает его лицо.

Он совсем не изменился за эти годы, разве что одеваться стал иначе. Сегодня на нем были надеты: черный вязаный свитер с невысоким горлом, черные брюки. Строгое серое пальто он небрежно бросил на пассажирское сиденье джипа.

Глядя на лицо — такое знакомое и неизвестное одновременно, у меня дико билось сердце: это, несомненно, он! Все те же хищные, слегка несимметричные черты, светлые волосы в идеальном беспорядке.

На такого мужчину: сильного, уверенного в каждом своем шаге, хотелось смотреть. Им хотелось любоваться издали: так, чтобы он даже не подозревал об интересе. Только так можно любоваться хищником: пантерой, тигром, барсом. Только находясь на большом расстоянии можно остаться не разорванным в клочья, если тигр захочет поиграть.

Какова была вероятность наткнуться на него тут — в совершенно незнакомом городе, какой я выбрала практически наугад? И все же он здесь. Проездом? Не верилось.

Я отступила дальше в тень, а потом отвернулась от высокого внедорожника с самым опасным и странным мужчиной на свете, сидящем на водительском кресле. Отвернулась, и поспешила домой.

Нужно ли говорить, что сон не шел, и я просидела у окна всю ночь. Счастливчик свернулся клубочком на коленях и чутко реагировал на каждое движение.

Думалось много и опять вспоминалось. Я, то плакала, то улыбалась, но в ту ночь совершенно точно поняла — никогда не забуду. Никогда не прощу.

А под утро явилась мысль, от которой снизошел покой. Такое простое решение, единственно верное, что не верилось, как я раньше о нем не догадалась. Чтоб перешагнуть через былое и собрать себя воедино, всего-то и нужно, что отомстить.

Отпуск подошел к концу, и я написала заявление на свой счет. Руководство золотодобывающей компании, где я трудилась, на сделку пошло мирно, только покрутило пальцем у виска. Но, мне до начальственных гримас дела не было: денег хватало с головой. Даже выплаченные давным-давно отпускные, нетронутой кучей валялись на банковском счету.

Так что, приступить к осуществлению своего, самую малость безумного, плана, я собралась с легкой душой.

Первым делом я нашла стрельбище. В десятке километров от города, старое, полузаброшенное, заросшее бурьяном аккурат по пояс.

Высокий забор местами покосился, предоставив некоторый обзор, чем я не побрезговала воспользоваться. На территории тут и там стояли хлипкие домишки, больше напоминающие сарайчики, на центральную каменную тропинку покушалась некошенная, пожелтевшая трава, кое-де выросшая по макушку.

От усадьбы веяло неприветливостью. Прибавив к виду заброшенности еще и низкие, свинцовые небеса, что грозили вот-вот свалиться на голову, сыпануть то ли дождем, то ли градом, размером с перепелиное яйцо, я подумала, что вряд ли Вселенная благоволит моей затее. Соглашаясь с мыслями и погодой, ветер солидарно забрался под куртку, ущипнул за живот, и я пожалела, что выбралась из машины.

Впечатление безнадежности и какого-то злого настроения производил и управляющий стрельбища — седой, хмурый дед с густыми, черными бровями. Он встретил у ворот, где я и стояла, оперевшись спиной о водительскую дверцу «Мазды», и сунув замерзшие кисти в узкие карманы.

Дед вышел, окруженный четырьмя здоровенными псами, от вида которых оторопь взяла. Собаки ворчали и терлись об выцветшие брючины хозяина, а тот, увидев меня, не замедлил скрестить руки на груди. Собаки, почуяв хозяйскую враждебность, беззвучно оскалились. Давно заживший укус бешеной дворняжки неприятно заныл.

— Чего тебе, — зыркая из-под своих кустистых бровей, поинтересовался дед.

— Это ведь стрельбище? — игнорируя неприветливость, спросила я в свою очередь.

— Ну, оно самое. Тебе чего надо? — повысил голос дед.

Собаки принялись хлестать себя хвостами.

— Теперь понятно, отчего тут так пусто. Ты, дед, совсем вежливость растерял. Впрочем, как и всех желающих выпустить пулю-другую.

От моей наглости, граничащей с хамством, дед потерял дар речи, но собрался с силами быстро. Нахмурился пуще и спросил сурово:

— Ты-то стрелять собралась? — вышло у него уж больно пренебрежительно.

Я на такое поведение отреагировала привычным пожатием плеч. Внимательно посмотрела старику в глаза и кивнула. Дед, прищурился, подумал минуту, а затем молчаливо посторонился. Собаки же, чувствуя перемену настроения, вдруг замели хвостами, а одна даже вздумала выть. В сочетании с окружающим пейзажем и погодой, получилось жутковато.

Я, бредя за хозяином след в след, трянула головой: реакция людей на выражение моего лица и блеск глаз, стала приедаться. Все почему-то принимались соглашаться с моими доводами, просьбами, иногда даже смиряться с откровенным самодурством. Дед вон, тоже не отличился.

Он шел впереди, фальшиво громко шаркая ногами, обутыми в какие-то лапти. Будто нарочно подражал старости, укрепляя известность о бедности пенсионеров. Но, не смотря на шарканье, растянутые треники с обвисшими коленками, дед на вид был довольно крепким — высоким, с прямой спиной, идеальной осанкой и широким разворотом плеч. Как бы ему не хотелось выглядеть жалко — не выходило. Я разглядела и сильные, крепкие руки, что хлопали собак по умным мордам, и жесткость черт, и высокий интеллект в ярких, отнюдь не старческих глазах. К тому же, во всех дедовых движениях угадывалась военная выправка. Впрочем, мнению на этот счет не стоило доверять в полной мере, поскольку военные мне чудились в каждом втором прохожем, а уж в крепком мужчине и подавно.

Мы прошли полигон, завернули за высокую теплицу — что она тут делала, ума не

приложу, и очутились перед косым сараем. Дед махнул рукой, давая понять, что дальше пойдет один. Я послушно остановилась. Собаки рассредоточились по территории, и я перестала обращать на них внимание.

Спустя пару минут вернулся дед. Протянул ружье, а я так и осталась стоять — с открытым от удивления ртом. Подозреваю, что такая гримаса отнюдь не добавляла мне баллов в дедовых глазах, но удивление было искренним во всех проявлениях.

— Что варежку разинула? — прикрикнул старик и потряс рукой. — Бери давай, и хватит уже глазищами зыркать. Поди, не мальчик уже, взгляды твои расшифровывать.

— Ты что, издеваешься, дед? Какое, к черту ружье? Я стрелять приехала из винтовки, в крайнем случае — из пистолета. Или ты думаешь, я на кабана в ближайший ельник с дробинкой пойду?

Старик посмотрел на меня как на идиотку, честное слово — не больше и не меньше.

Вздохнув, ружье я таки, взяла.

Когда патронов в кармане не осталось, я присела на лежащее неподалеку бревно и уткнулась лбом в колени. От отдачи онемело плечо, руки дрожали. Попасть по мишени так и не получилось. Ни разу. От бессилия хотелось расплакаться, что было и удивительно — не в характере плакать по пустякам, и еще — обидно. И хоть наивно было полагать, что научусь всему в первый же день, я рассчитывала хоть раз попасть по мишени.

— Давай, распусти еще сопли, — послушалось над ухом.

И как только подкрался, пень старый? То шаркает, что за версту слышно, то будто над землей парит.

— Ты, дед, вместо того, чтоб смеяться, лучше помог бы. Работа это твоя, как-никак.

— Как зовут тебя, обличительница? — вполне человеческим, а не по-старчески брюзжащим голосом, поинтересовался дед.

— Злата я, — представилась, скривив губы.

— Идет тебе имя, ничего не скажу. Но вот с этим, — кивнул старик на валяющееся у ног ружье, — помогать не стану.

— Отчего же? — вскинула голову я.

— Посмотри на себя, — опять заворчал дед. — Красавица: ноги от ушей, тоненькая вся, как тростинка, лицо как с картинки. Что бы будешь с этим делать? — опять махнул в сторону оружия.

И вроде бы не его это было дело — такие вопросы задавать, но я не стала возмущаться.

Помолчали.

— Вижу, не отступишь, — понаблюдав за мной, опять заговорил дед.

Погладил морщинистой рукой пса, что приполз на пузе откуда-то из-за кустов.

Я кивнула. Не отступлю.

— Приезжай завтра, Злата, — глядя в небо, сказал дед, — машину за забором больше не оставляй, я ворота открою. И оденься по-человечески. Когда целишься, юбка твоя до копчика задирается. Смотри, как бы чирь завтра на заднице не вскочил.

Через неделю появились первые успехи. Еще через одну, дед дал мне вместо ружья старую «беретту». Порядковый номер был спилен, рукоять потерта, но это не помешало мне

выпустить полную обойму в новенькую мишень.

Старика звали Виктором, и хоть он взаправду годился мне в деда, отчество так и не назвал. Обычно после тренировок мы пили чай на его летней кухне. Жил он тут же — в стороне от полигона, в неприметном домишке.

— Все, что от бывшей роскоши осталось, — усмехнулся дед, когда я спросила об усадьбе.

Впрочем, своей жизнью старик был доволен. Получал пенсию, половину которой тратил на своих монстров-псов, покупая им горы разных вкусов. Еще дед любил поиздеваться над редкими желающими пострелять.

— Ходят тут, — всячески подражая старческим интонациям, брюзжал он. — В школе бы еще учиться, а они сюда прутся.

— Зачем тебе это стрельбище надо, если настолько раздражаешься? — как-то спросила я.

В ответ дед Витя только улыбнулся загадочно, чем порядком меня озадачил.

В одно из чаепитий, когда я от пуза наелась оладий с айвовым вареньем, дед спросил:

— Собираешься рассказать, какого черта все это затеяла? Сразу видно, что девка ты одинокая — какому мужику понравится, что ты тут целый день с пистолетом скачешь? Стало быть, времени свободного у тебя хватает, судя по машине — в средствах не нуждаешься. Не от скуки же наматываешь по сто километров сюда-обратно. По глазам вижу, что не от нее.

Что он подразумевал под загадочным «это» — уточнять не стала. Покрутила в руках чайную ложку, провела ладошкой по лобастой башке Маэстро — одного из четырех алабаев старика.

Почему дед проникся ко мне, я так и не поняла. Просто однажды он позвал меня на кухню, где уже дымился крепкий чай, и ароматно пахло смородиновое варенье. Отказываться от дружбы я не стала. Дед мне по-своему нравился. Он говорил то, что думал, не заботясь о реакции собеседника на правду, а еще был невероятно умен. Светлый разум деда угадывался без труда: в суждениях, мыслях, взглядах. Он был начитан, весьма образован и многое в жизни повидал. Жизненный опыт так и проглядывал сквозь призму дедовых оценок на многие вещи. С ним было интересно разговаривать, даже когда он нарочито кривлялся, и сыпал не к месту черным юмором.

Я пришла к выводу, что старик одинок, оттого свою нерастраченную доброту изливает на алабаев, я же совершенно случайно попала под дождик этих скупых дедовых щедрот.

Виктор терпеливо ждал, пока я соизволю ответить, и, не мигая, смотрел яркими, живыми глазами.

— То, что скажу тебе, должно остаться в абсолютной тайне. Ты умеешь хранить секреты, я знаю, поэтому слушай. Слушай и не перебивай, — продолжая поглаживать шелковистый, теплый, живой мех, я принялась излагать.

И рассказала деду всё.

С самого начала: как шла с работы, размахивая полосатым пакетом с пластмассовыми ручками. Как переходила дорогу и все думала, чего бы такого приготовить на ужин. Как отвлеклась от дум, когда совсем близко зашуршали покрышки, и кто-то невероятно сильный, быстрым рывком затащил меня в нутро хлипкого микроавтобуса.

Пересказывая, я наяву вернулась в тот день, но за давностью произошедшего, сумела

отстраненно пронаблюдать за собой со стороны — без лишних слез. Вспомнила, как обливалась потом от страха, как пыталась языком вытолкнуть наружу кислый, воняющий блевотиной, кляп. Как непрестанно молилась, и едва не обмочилась от ужаса, пока микроавтобус трясся на многочисленных ухабах.

Я рассказала деду об унижении и насилии, не вдаваясь в порнографические подробности — что делали два придурка с двадцатидвухлетней, весьма симпатичной девицей, было абсолютно понятно.

Поведала и о чудесном спасении, только тот поцелуй на поляне оставила только себе.

Когда пришел черед Вадима взойти на подмостки былой пьесы и явить участь в той занимательной истории, дед явственно заскрипел зубами, но это не сбило меня с толку.

Я припомнила помощь Маринки, работу дворника, те тихие утренние часы, и на этом моменте старик заулыбался, что сделало его лицо на десяток лет моложе.

Рассказала о переезде, о новой работе на золотой жиле и раскрывшемся таланте гения-математика в урожденном гуманитарии. Описывая встречу со Счастливым, заметила, что дед затаил дыхание и даже прикусил губу. Он оказался идеальным слушателем.

Под конец монолога в горле пересохло, а на душе ощутимо полегчало. Как много, оказывается, значит выговориться, как приятно смотреть в глаза друга и видеть в них собственную, когда-то пережитую боль.

Чай остыл, но я допила его одним глотком. Дед долго молчал, а я его не торопила. Расскажи кто мне такую историю, тоже долго собиралась бы с силами для ответа.

Маэстро зевнул шумно, вывалив розовый язык, а потом резко клацнул челюстью. Скорость и сила сцепления позволяли псу с легкостью перекусить стальной блин пополам. Что будет с плотью, если она попадет Маэстро в рот, думать не хотелось.

— Злата, — порадовал голосом, дед. — Я тоже много чего за жизнь натворил такого, в чем не признаюсь даже перед смертью на исповеди. Поверь старику, те идиоты, и твой чертов бывший муж, они будут наказаны самой судьбой. Больше того, они поймут, за что именно расплачиваются. Ты молодая, красивая девчушка, ты непременно будешь счастлива. Скажи мне, стоит ли ломать судьбу? — он наклонился ко мне, навалившись грудью на столешницу.

— Прекрати, — поморщилась я. — Философские наставления тебе совершенно не к лицу. Думаешь, я потому рассказала, что жду советов, или какой иной помощи? Спешу заверить: все, что мог, ты уже сделал. Больше мне ничего не надо. Так что, перестань пытаться наставить меня на путь истинный, ибо дело это зряшное — я для себя уже все решила. Окончательно и бесповоротно.

Дед кивнул, и мне показалось, что в его ярких глазах мелькнуло одобрение. Впрочем, я могла ошибаться.

Мы еще долго разговаривали. Когда выбрались на улицу, оказалось, что уже окончательно стемнело, небо заволочло тучами. От земли, кое-как прогретой за день ленивым солнцем, поднимался сизый туман. Близился капризный сентябрь. Скоро зарядят дожди — монотонные, круглосуточные. Но, погода не могла испортить мне настроения. На сердце было легко как никогда. Впервые за долгое время я поняла, что испытываю легкую, расслабленную негу.

Пусть мои планы на будущее отнюдь не являлись христианскими, мне казалось, что вселенная благоволит: такая внутри поселилась уверенность — все, что задумано — исполнится, и все будет хорошо.

Я совершу то, что задумала, и потом, пусть не сразу, но буду счастлива.

В скором времени я нашла его — того красавчика из кафе. По номерам джипа: друг моего коллеги работал в ГАИ, и стоило заикнуться, что некий гражданин безнаказанно поцарапал мою машинку, как через пару часов я получила все данные, что имелись в автоинспекции на владельца списанных у кафе, номеров.

Гордеев Артем Станиславович — так звали моего давнего друга. Жил он в довольно уединенном месте, за чертой города — у самого леса. Работал в какой-то компании, то ли менеджером, то ли особым консультантом — должность меня интересовала мало. Другое дело — адрес. Я забила его в навигатор, и обвела черным маркером на бумажной карте.

— Если обо мне будут спрашивать, сможешь ли соврать? — спросила я у деда, когда мы сидели на лавке под старой яблоней.

Лето осталось далеко позади. В воздухе ощутимо пахло морозом, срывался первый снежок. Я по нос закуталась в клетчатый плед и неторопливо пила какао, грея руки о чашку с нарисованным веселым оленем. Кружку мне выделил дед, и она по молчаливому согласию уже считалась личной и неприкосновенной: широкая, почти как бульонная, с мелкой щербинкой на ручке, она была ярким примером того, что счастье в мелочах.

Собаки разлеглись близ нас полукругом и, положив морды на лапы, делали вид, что дремлют.

Дед сидел, наклонившись, оперевшись локтями на ноги и переплетя между собой узловатые пальцы. В зеленой меховой куртке нараспашку, без шапки и перчаток.

Услыхав вопрос, повернул ко мне голову и как обычно, нахмурился.

В неверном свете догорающего заката, осветившего профиль, его лицо приобрело почти фантастический золотой ореол. В молодые годы дед был по-настоящему красивым мужчиной — подумала я. Ни седина, ни прорезавшие лицо морщины этого скрыть не могли.

Что же случилось такого, что он остался одинок? Додумать дед мне не дал.

— А с чего бы мне врать? Да и кому я буду про внучку рассказывать?

В ответ я рассмеялась. Можно было бы обнять его, но я не стала плодить неловкость: телячьих нежностей дед не терпел. Вместо этого я искренне, от всей души сказала:

— Спасибо. Никогда бы не подумала, что ты станешь мне другом.

— Так обычно и происходит. Сперва человек думает: что это за придурок? А потом этот самый придурок становится кем-то незаменимым.

— И что ты думал, когда не хотел пускать меня на свое заброшенное ранчо? — смеясь, спросила я.

— Я подумал, что где-то неподалеку устраивают очередной конкурс красоты. Ну, а куда

еще можно было надеть юбку и с таким усердием намазать губищи? Точно не на стрельбище, — дед тоже улыбнулся, правда, одними глазами. — А если серьезно, то одного взгляда хватило, чтобы понять — девчонка ты далеко не простая.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Помолчали. С дедом было уютно молчать.

— Не расскажешь, что собираешься делать?

— Нет, — посвящать его в свои планы было равносильно тому, что звать с собой. —

Если все получится так, как я думаю, очень скоро я приеду к тебе на чай с блинами. Готовь мое любимое варенье.

Дед провел меня до машины, алабаи плелись следом и грустно мели хвостами, словно мы прощались навсегда. Я присела и поцеловала в нос всех четверых, очень надеясь, что мы, в самом деле, скоро увидимся.

— До скорого, дед! — я все таки приобняла его и заспешила завести двигатель.

Около года назад.

Следующую неделю я провела, наблюдая за Артемом. Он довольно часто ужинал в том ресторане, близ моего дома и засиживался в нем допоздна. Иногда приезжал в компании длинноногой блондинки — каждый раз новой, но чаще трапезничал в одиночестве. В целом, кроме посещения харчевни, в его передвижениях по городу не было никакой системы. Это несколько меня не опечалило — все, что меня интересовало, узнала и так.

На город, со всей своей суровостью, опустилась зима. Морозная, снежная погода за окном слепила глаза и заставляла облачаться практически в термокостюмы.

Я купила бумажный календарь, повесила его на стену, и наугад ткнув в число, обвела его фломастером. Таким нехитрым способом выбрала число для пресловутой операции «Ы». До вылазки за город оставалась пара дней, и я решила не дразнить судьбу и терпеливо подождать.

Нельзя сказать, что я не переживала. Я перебрала в голове все возможные варианты событий, и даже оставила парочку совсем невероятных комбинаций, ведь, как известно, вселенная еще та юмористка, и никогда нельзя предусмотреть полностью всё от «а» до «я». Оттого я вполне допускала, что добравшись до места, придется импровизировать.

Счастливчик захандрил. Словно предчувствуя, что хозяйка вот-вот совершит нечто в высшей степени глупое, он беспокойно ерзал, мяукал без повода и перестал есть, хотя успел проявить себя терпеливым, уравновешенным животным.

— Хватит нервничать, одноглазик, — уговаривала я, и водила рукой по серой шерстке.

Кот в ответ бил полосатым хвостом и дергал ухом.

— Если тебе страшно оставаться одному, я могу взять тебя с собой, хочешь? — Счастливчик посмотрел заинтересованно, а спустя секунду согласно моргнул.

Я продолжила гладить любимца и подумала о том, что мое сумасшествие заметно прогрессирует.

Когда настал день «х», я встала пораньше, включила музыку и всласть натанцевалась. Ничто не мешало начинать так каждый день, но желание появилось именно в то утро.

День прошел как обычно — я немного поработала — шеф присылал нужные документы по электронной почте: мы сошлись на том, что ближайшее время я буду работать внештатно. Разумеется, с сохранением семидесяти пяти процентов от общей суммы оклада. Я наврала ему о внезапном приступе затянувшейся аллергии на все возможные раздражители и выбила себе довольно таки занимательные привилегии.

Мы со Счастливчиком пообедали, полазили в интернете, посмотрели серию «Менталиста», а когда за окном стемнело, принялись собираться.

Кот устроился на переднем сидении. На пол я поставила миску для воды и емкость для

личных кошачьих дел, сама села за руль.

Как сложится наша встреча, я не знала. Живот свело спазмом, но я вдохнула поглубже и завела мотор.

Загородное шоссе оказалось полупустым — навстречу попадались редкие автомобили, а вот прокатиться в моем направлении, желающих не оказалось. То ли потому, что был будний, поздний вечер, то ли потому, что прогуляться среди густого заснеженного леса любителя не нашлось.

Дорога заняла около часа. На магистрали я разогналась будь здоров, превысив полагающуюся правилами скорость, но в кустах тоже никто не сидел и полосатой дубинкой не размахивал.

До места добралась близко часа ночи. Оставила машину вместе с котом в некотором отдалении от заветного забора, дальше пошла пешком. Обошла периметр, ища удобное место, чтоб сигануть через изгородь, и вскоре таковое нашла. Легко забралась, спрыгнула по ту сторону, и даже ничем не ударилась. Замерла на миг, не примчится ли на шум какой-нибудь волкодав, но обошлось.

Покрутила головой, вышла на очищенную от снега дорожку, ведущую к уютному деревянному дому.

Снег ритмично скрипел под ногами, на земле оставались ребристые отпечатки ботинок, кончики пальцев стали подмерзать...

...Справившись с волнением, я вдохнула — глубоко, животом, резко выдохнула и в мгновение поднялась на резное крылечко. Постучала в дверь — решительно, громко. И спустя минуту она отворилась.

Бывает, время странным образом замедляется, и в это тягучее мгновение, удается увидеть себя со стороны. Так тогда и произошло.

В память впечатались малейшие детали, даже запахи.

Увидев меня на своем пороге, он не выказал удивления. Совершенно. Стоял себе, сунув руки в карманы брюк, беспечно оперевшись плечом о дверной косяк.

Улыбался.

За его спиной уютно горел свет, изнутри комнаты веяло теплом и по-домашнему пахло рождеством: корицей и мандаринами.

Повисла тягучая пауза.

Я ждала иного приема: удивления, досады, возможной злости, но он улыбался! А еще смотрел так, словно на его пороге оказался желанный гость. Это обескураживало. Сказать мне по-прежнему было нечего, а вот Мидас, кто же еще это мог быть, черт возьми, вдруг спохватился.

— Заходи, — при этом он приглашающе махнул рукой и посторонился, когда я переступила порог, тем самым перейдя точку невозврата.

Кроме Рождественских запахов, в доме упоительно пахло деревом, что было неудивительно — стены, пол, все было сплошь деревянно-лакированным. Справа от просторной прихожей располагалась кухня: миниатюрная и чистая. Слева находился зал — с традиционным живым камином, волчьей шкурой на полу. Современным пятном в интерьере оказался диван, и толщиной с мизинец, телевизор. Прямо по курсу — коридор с парой закрытых дверей.

Я огляделась мельком, не акцентируя внимание на деталях убранства и роскоши.

Мой интерес всецело был направлен на Третьего.

— Проходи, — как доброй знакомой, предложил он.

Сам прошел на кухню, поставил чайник и вернулся в зал. Я же так и стояла в прихожей: одетая в легкое пальто, с раскрасневшимся от мороза носом и растрепанными волосами.

— Не так я представлял нашу встречу, — с легкой иронией произнес Артем и едва уловимо подтолкнул меня в сторону зала.

Я отмерла, быстро скинула ботинки — да, лишенная всякого разума голова думала совершенно не о том, о чем следовало бы, но оставлять за собой на ковре мокрые лужи показалось едва ли не святотатством. Так что, скинув обувь, прошла вслед за Третьим.

На предложение присесть, отрицательно мотнула головой. Хозяин же устроился на диване, беззаботно откинулся на спинку, и это его движение вернуло меня в реальность.

— А ты представлял её — нашу встречу? — спросила я, и принялась расстегивать пуговицы на пальто.

В доме было слишком жарко, чтоб оставаться в верхней одежде.

Третий внимательно следил за моими движениями, и выражение лица его казалось непроницаемым.

Разоблачившись и оставшись в свитере и джинсах, заметила, как Третий прошелся по фигуре взглядом, и показалось, что в глазах его что-то переменилось. Что именно, разобрать не сумела, отмахнулась — не до того было.

— Я представлял ее множество раз, но реальность превзошла все мои ожидания, — сказав, Артем резко поднялся.

Пришлось высоко закинуть голову, чтоб не упустить взгляда.

Он приблизился размытым движением, всколыхнув мне волосы потоком воздуха. Прощел совсем рядом — так, что почувствовала запах парфюма: терпкого, древесного.

Третий же, не замечая моего глубокого вдоха, прошел на кухню. Чайник закипел — поняла я, и пошла вслед за хозяином.

Третий заварил чай, совершенно не интересуясь мнением — какой бы я предпочла. Именно на этой глупой мысли я подловила себя — чай! Думать о чае, когда встреча «х», наконец, произошла!

У мужчины, что стоял напротив, имелся совершенно удивительный талант — выбивать людей из колеи, выводить из зоны комфорта. Как не назови эту способность, ясным становилось одно — он умел обескураживать. Черт возьми, я ведь почти забыла, зачем вообще приехала сюда.

Разлил напиток по чашкам. Вынул запечатанную жестяную коробку с печеньем и ловко накрыл на стол.

— Ты знал, что я приду? — спросила хрипло.

— Думал ты подойдешь еще летом — в ресторане, — взглянул лукаво, и я угадала на его лице улыбку.

Она означала снисходительность — мол, девочка, кто ты и кто я! Ты — малышка с кукольным личиком и детским интеллектом, а я — большой, умный мальчик с военным прошлым.

Конечно, он знал. Но почему тогда дал мне все сделать по-своему? Впрочем, это было не так важно.

— О цели моего визита ты тоже знаешь? — уже спокойней поинтересовалась я.

— Догадываюсь, — расплывчато ответил Мидас и жестом пригласил к столу.

Я присела на стул, машинально обняла руками чашку с чаем и в удивлении подняла глаза на Третьего.

Его поведение обескураживало, да так, что я напрочь забыла кто передо мной. Но постепенно шок сходил и я вспоминала. Мы не были друзьями и расстались отнюдь не на дружелюбной ноте — он тогда ясно дал понять, чтобы я все забыла. Оставил право жить, дышать, безмолвно намекая, что в любой момент вернется и проверит — выполнила ли уговор. И если нет — заберет то, чем щедро одарил — с барского плеча, не иначе.

Поцеловал ведь тогда властно, прижал до боли, сказал: «жаль, не попробовал». И этими словами подчеркнул — будь иначе, может, и присоединился бы, была бы тогда одна на троих. Может, им не впервой была подобная практика.

И вот сейчас — сама пришла к нему, разве что, не крича в рупор: я всё помню! Не дура ли? Дура, как пить дать. Помню тот его запах — смесь пыли, воды, машинного масла, терпкий вкус его губ, с никотиновой горчинкой. Силу рук, что прижимали к себе почти больно, но удивительно бережно, колючую ткань форменной спецовки, что царапала ладони. Помню холод стального приклада, длинное дуло, что смотрело под ноги, и его пальцы, застрявшие в моих волосах. Помню, как забывшись, он укусил меня за губу, лизнул язык, и почти впечатав меня в себя, поцеловал до головокружения. Он не брезговал и словно бы не знал, что за час до того, я была с другими. Против воли, но была. И что тело мое осталось испорченным, грязным. Ему было все равно — так сладко, так жадно он целовал.

— Не надо, — резко сказал Третий, не давая вымолвить и слова. — Не вспоминай. Пока еще нет. Просто побудь собой, дай полюбоваться.

Я засмеялась — от дикости и странности происходящего. Засмеялась тихо, но искренне, подняв лицо к потолку.

— Я думала, что в радиусе километра кроме меня нет больше сумасшедших, но, оказалось, ошиблась, — сказав, отдышалась, подула на чай и пригубила.

Напиток был крепким, терпким, с запахом полыни.

— У тебя ямочки на щеках, — сказал Третий, и от этих слов что-то оборвалось у меня в животе, разлилось теплом у самого края, запульсировало. И те мысли — о поляне, запахах и вкусах, нахлынули, затопили. Кровь прилила к щекам, сердце заколотилось: такой внезапной реакции от себя я никак не ожидала, но телу было глубоко плевать на желания и ожидания.

Внизу живота заныло. Я шумно вздохнула и прикрыла веки. Черт возьми, этого просто не может быть!

Посмотрев на Третьего, увидела, как его зрачки стремительно поглощают радужку. Как разливается чернота, как мгла стирает рыжеватые крапинки, оставляя за собой огонь. Жар.

Мы смотрели друг на друга, целую минуту, и с каждой секундой, самые тайные, дикие, странные желания проступали у нас на лицах, испарялись сквозь поры на коже, и воздух раскалился добела. Это было притяжение, какого я не испытывала ни разу в жизни — ни к одному мужчине. Чтобы вот так — смотреть в глаза, и представлять, как он подходит, как властно берет за лицо, как целует, и его руки проводят по животу, накрывают спину, смело движутся вниз... такого не было никогда.

В горле пересохло, я облизала губы и уловила, как шумно сглотнул Третий, заметив этот жест.

Не помню как, где взяла силы, но я подскочила, ринулась в прихожую — обуваться. Бежать. Прочь.

Он нагнал меня спустя секунду. Прижал к стене сильным, гибким, горячим телом. Подняла глаза и встретила с его взглядом — жарким как пламя, и в этом безумии можно было сгореть, раствориться без следа.

Мидас взял мое лицо в ладони — как тогда на поляне, и я снова вцепилась в его свитер руками. Потянулась к нему — сама. Он наклонился стремительно, так же порывисто накрыл мой рот губами. Мы сплелись языками — сладко, до дрожи возбуждающе. Я ощущала эту дикую пульсацию у себя внутри, острейшее нетерпение соединиться, слиться...

Третий прижал меня сильнее, впечатал в стену. Я уже гладила его спину под свитером, ощущая, как перекачиваются под ладонями мышцы, он же прижимал меня к себе за ягодицы, и я неосознанно терлась об него, наслаждаясь ощущением...

Я так хотела его — тут, сейчас, что отнимало ноги. Дернула молнию на его брюках, затем на своих. Третий крепче подхватил под ягодицы, я обняла его талию ногами. О том, что диван в двух шагах, о том, что нужно предохраняться, о том, что пришла сюда по делу — забыла напрочь. Задрожала всем телом, когда он одним движением скользнул внутрь.

Третий же, со свистом втянул воздух, задвигался — порывисто, мучительно сладко. Я не успела закрыть рот, как мгновенный, острейший, внезапный оргазм прокатился по телу — пробирая до костей, заставляя кричать и брыкаться.

Кажется, потом я бессвязно бормотала, стонала, шипела сквозь зубы что-то невнятное, а Третий жадно впивался в мои губы.

Это было сумасшествие, наваждение, похоть такой силы, что сводило зубы. Я сорвала голос, искусала Третьему рот и шею, а когда очередная волна: тягучая, сладчайшая, накрыла меня с головой, вцепилась ему в волосы и почти отключилась. В глазах мелькали черные точки, но я слышала, как он запульсировал во мне, как тихонько застонал...

Я пыталась дышать, но сердце билось рывками — то частая, то замирая. Мы полулежали на полу в прихожей. В голове было так пусто, а в теле так одуряюще темно, что не хотелось шевелиться. Подумать хотелось о многом и в то же время — ни о чем.

Возле головы Третьего валялись мои ботинки, и это зрелище заставило вспомнить о цели визита.

Воспоминания, пусть и не сразу, но вернули с небес на землю.

Реальность виделась гадкой, а произошедшее в этом коридоре — насмешкой судьбы. Той самой каверзностью, какой славилась вселенная, и я в очередной раз оказалась права — невозможно предусмотреть всего.

Осознала, что теперь, после случившегося, моя просьба будет звучать особенно неуместно. Когда ехала к нему, планировала умолять, грозить, требовать, а теперь вот — и просить противно.

— Где ванная? — спросила, отвернувшись, и собираясь быстро привести себя в порядок, чтобы навсегда убраться из этого заколдованного дома.

— Через кухню, направо, — лениво ответил Третий.

В зеркале отражалась растрепанная, зацелованная, счастливейшая в мире девица. Я посмотрела на нее хмурым взглядом, а у самой губы растянулись в глупейшей улыбке.

Умылась скоренько, оделась, привела прическу в порядок, насколько это вообще было возможно, и вышла из ванной.

По кухне плавал горький аромат — Третий разговаривал по телефону, прижав мобильный щекой к плечу, и варил кофе.

Я снова присела на стул с намерением выложить-таки цель своего визита. Пока Третий обсуждал дела — во втором часу ночи, я махом допила холодный чай и задумалась.

Было ли мне стыдно из-за случившегося? Нет. Говоря нелитературным языком, каким говорит персонаж из популярного сериала: я просто «очешуела» от своей реакции на близость Третьего. В глубины мотивов и цепных реакций лезть не хотелось. Что случилось, то случилось.

Из раздумий меня вывел стук поставленной поблизости чашки — свою Артем держал в руках.

— Ну, давай, пошутить, — подражая дедовым интонациям, протянула я.

Третий засмеялся.

— С чего бы это я вздумал шутить? Ко мне в гости пришла красивая девушка, мы приятно пообщались, выпили чаю, затем вот, кофе.

Я поглядела на него из-под бровей, но решила воздержаться и тему не развивать.

— Так ты перейдешь к делу, или мы продолжим общаться исключительно как красивая девушка и, покоренный ее обаянием, мужчина? — криво улыбнулся Артем.

От его веселья не осталось следа — приготовился слушать.

В самом деле, подумала я — время позднее, мне еще домой возвращаться, да и Счастливчик, надо думать, в машине явно заскучал.

Отставила чашку, поглядела на Третьего, что к своему кофе не притронулся и заговорила:

— Ты прекрасно помнишь, при каких условиях мы познакомились. Не перебивай, — остановила жестом, увидев, что Третий собирается что-то сказать. — Все, что мне нужно от тебя — адреса тех двоих.

Кивнув, Третий склонил голову набок — посмотрел оценивающе. Так, что захотелось заерзать.

— Я так и думал. И что, позволь спросить, ты станешь делать, когда эти адреса окажутся у тебя в кармане?

— Это уже тебя не касается, — я выдержала его взгляд и забарабанила пальцами по столешнице.

— Как раз напротив, — встал из-за стола Артем. — Адреса дам тебе я, и тем самым возьму на себя ответственность за последствия. Да и любопытно. Так что — отрежешь яйца, вспорешь брюхо?

— Говорю — не твое это дело! — поднялась и я.

Задрала голову, чтоб видеть выражение лица, и поняла, что ничего Третий мне не даст, пока не получит ответы.

— Я просто пристрелю их, — сказала тихо, но от того не менее твердо.

Третий на миг даже перестал хмуриться. Хмыкнул.

— Из пальца? Ты хоть подумала, что достать оружие, пройти в дом никем незамеченной, выстрелить в живого человека, уйти без свидетелей, для тебя — нереально?! О моральной стороне я вообще молчу. Да у тебя просто рука не поднимется. И загребут тебя, если действительно пальнешь, спустя минут пятнадцать.

— Ты ничего не знаешь, — зло прошипела я, чем сама себя удивила, оказавшись, вплотную прижатой к Третьему. — Сделаю это без всяких проблем и колебаний: раз — и всё. Поверь, обойдется без сожалений и причитаний — убью, не раздумывая, и будь что будет.

Мы впились друг в друга взглядами, и что Третий увидел в моих глазах — не знаю. Может, уверенность в собственной правоте, может, непоколебимую решимость, но он моргнул и наваждение прошло. Я отодвинулась, обняла себя руками и стала ждать ответа.

— Допустим, — склонил голову набок Третий, — но зачем тебе братья за это дерьмо? Несколько лет прошло, живи спокойно и ни во что не ввязывайся.

— Надо, — безапелляционно рубанула я рукой.

Неужели не понимает, что мне необходимо отомстить. Просто для того, чтоб жить дальше. Такие мрази, как те двое, просто не имеют права топтать землю. Не имеют и всё. Даже если потом я сгнию в тюрьме, или психушке, мне надо. Позарез.

— Что же, твоя просьба ясна. Теперь хотелось бы услышать предложение. Как ни крути — это мои сослуживцы. Почти что друзья. Жаль, что укурки.

— Двести тысяч. В зарубежной валюте, разумеется.

Я ждала этого вопроса. Ради него я горбатилась над бумагами, ради него согласилась вести черную бухгалтерию, после чего шеф буквально готов был носить меня на руках.

Вдруг оказалось, что я мстительная, злобная дрянь с криминальными наклонностями, готовая вкалывать как проклятая, только бы пристрелить двоих ублюдков, поломавших мне жизнь. Впрочем, с учетом того, что я научилась принимать свои недостатки философски, знание это ощутимого урона не нанесло.

А вот реакция Третьего — она меня снова удивила.

На мое предложение он рассмеялся. От души: громко, со вкусом.

Неужели мало? Понятно, ему нелегко предавать друзей — кодекс чести и все такое, но двести тысяч долларов...

— Как банально, девочка. Чего-чего, но денег мне и своих хватает за глаза, —

отсмеявшись, ответил Третий.

— Тогда чего ты хочешь? — нахмурившись, поинтересовалась я.

Третий пугал нелогичностью, абсолютным равнодушием к деньгам — ведь такая сумма любого бы привела в восторг. Но, мужчина напротив смотрел на меня спокойно, без азарта в глазах, только искорки веселья догорали где-то в глубине зрачков. Тогда я впервые подумала, что ничто не мешает ему указать на дверь, выставив, таким образом, меня за порог — вон из своего дома, памяти, жизни.

— Дай-ка подумать, — сделал он театральную паузу, — всё, что я мог бы хотеть, у меня уже имеется.

— Выходит, заинтересовать тебя нечем, — протянула я и опустила глаза.

Как ни крути, а такого исхода не ожидала, и принимать поражение было обидно. И все же, не смотря на нарастающий в груди ком, я не стала унижаться: молить, просить, а переборов досаду, всего лишь бодро улыбнулась Третьему на прощание.

Затем вышла из кухни. Подобрала валяющееся пальто, накинула его на плечи и присела обуваться.

— И далеко собралась? — через мгновение спросил появившийся следом, Артем.

Отвечать не сочла нужным. От обиды казалось, что вот-вот умру, если перестану собираться.

— Я спросил — далеко собралась? — он наклонился, отобрал обувь из рук и зло зашвырнул ее куда-то вглубь коридора.

— Какого черта? — выпрямилась я и зло уперлась Третьему в грудь руками.

От досады чертовски хотелось плакать. Даже не так. Хотелось выть. Вот бы оказаться в машине, неспешно тронуться с места, а потом разогнаться на пустой трассе до свиста в ушах. И кричать, во весь голос кричать, пока не откажут связки. И чтобы не заканчивалась дорога и эта сумасшедшая езда! Пусть пропадом исчезнет память, прошлое, и эта дикая ночь наедине с Третьим.

— Я вспомнил, что кое-чего у меня нет. И я готов выменять это на адреса тех двоих придурков.

— И что же это? — отвлекшись на мысли и тепло его тела, что грело ладони, с некоторой заминкой, поинтересовалась я.

Третий улыбнулся краешком губ и ответил:

— Это ты. Я хочу тебя.

С минуту я смотрела на него недоуменно. Казалось бы, пора привыкнуть к тому, что Третий мастак на неординарные деяния, но это было слишком. Слишком абсурдным оказался ответ, слишком невероятным.

— Ты спятил? — других версий априори не было.

— Почему сразу спятил? Просто ничего другого мне не надо, — Третий сложил руки на груди.

— И что я должна буду делать? Мыть полы и посуду, заниматься с тобой сексом? Что

это вообще значит — хочешь меня. Меня как женщину, посудомойку, домашнего питомца? Я не понимаю! — перечисляя, начала злиться, забыв, что еще несколько минут назад хотела плакать.

Как, черт возьми, осознать, что кто-то вместо четверти миллиона долларов (без малого) выбрал обладание сумасшедшей девицей?

— Давай обсудим все это утром. Поздно уже. Обещаю, что завтра расскажу все, что ты захочешь узнать, — на этом Третий вздохнул и посмотрел на меня нарочито грустными глазами.

— Ладно, — кивнула я, — не пойму только, зачем ты зашвырнул мою обувь черт знает куда. Прикажешь босиком топать до машины? Ладно бы лето было, но на улице снег лежит, — я отошла к входной двери с намерением, во что бы то ни стало выбраться из дома этого странного человека.

Артем потер глаза:

— Предлагаю остаться с ночевкой. Опасно ехать в такой поздний час — уснешь ненароком и в кювет. К тому же — смысл уезжать, проводить в пути два часа, если утром мы решили встретиться. Бензин сэкономишь.

Логика в доводах бесспорно была, оттого я кивнула:

— Хорошо, останусь. Но все равно следует вернуться к машине — там у меня зверь, он голоден и явно заскучал. Думаю, нужно принести его в дом.

Третий поднял брови и только, хотя, наверняка решил, что таким образом хочу сбежать. В самом деле, кто поверит, что отправившись на встречу к незнакомому мужчине, можно взять в качестве моральной поддержки какого-то там зверя. Я бы не поверила.

Третий протянул ладонь и многозначительно глянул, приподняв бровь. Вздохнув, вложила в нее ключи от машины.

— Не упусти его, если вдруг начнет драпать. Счастливчик не очень-то любит чужих.

Сказав это, я скинула пальто и прошла в зал. Улеглась на диване, подложив под голову локоть.

На самом деле я не знала, как кот относится к чужакам, поскольку за все прожитое вместе время, никто посторонний не переступал порог нашего дома. Какая-то ревнивая часть сущности страстно желала остаться единственной привязанностью для Счастливчика — и желание это грело, поскольку имелись сомнения, что кто-то другой способен полюбить такую как я.

В висок стрельнула острая боль — пришлось прикрыть глаза ладонью, чтобы полегчало. Сознание затуманилось — то ли от боли, то ли от усталости, что вдруг навалилась на плечи. Как еще объяснить странные мысли и перемены настроения, что одолевали последние несколько часов?

Я закрыла глаза, уткнулась лицом в подушку и загадала желание — уснуть.

Через пару минут хлопнула входная дверь, вслед послышалось протяжное: «мау». Кот, всегда тонко чувствующий мою боль, мгновенно вычислил, где нахожусь, и, задрвав хвост, быстро запрыгнул на живот, а после и перелез на грудь — поближе к пульсирующему виску.

Третий, поглядев на семейное воссоединение, покачал головой, что-то хмыкнул под нос

и прошел дальше по коридору. Счастливчик заворчал, я снова прикрыла веки и погладила кота по спине.

— Постелю тебе в своей спальне, вторая комната — кабинет, так что там негде прилечь.

— А сам? — не открывая глаз, спросила я.

— А с тобой разве нельзя? — хмыкнул Третий. — После того, что мы проделали в прихожей, стесняться глупо.

— Кто сказал, что я стесняюсь? Проделанное в прихожей было случайностью — не более чем проявлением бушующих гормонов, а спать в одной постели — это уже куда более личное, чем простой трах в коридоре.

— Забегая наперед, скажу, что наши гормоны побушуют еще не раз, милая. Так что, придется сблизиться, — прокричал издали Третий.

— Я еще ни на что не согласилась, — так же громко ответила я.

Счастливчик нервно двинул ухом. Не иначе потому как вечер всё острее смахивал на историю в духе Льюиса Кэрролла.

— Куда ты денешься, — пропел в ответ Третий.

Отвечать не стала — сделала вид, что не расслышала — шутки утомили. Наверное, потому что, никакие это были не шутки.

Через несколько минут Третий по-джентельменски уступил свою опочивальню, и мы с котом без промедлений туда перебрались.

Уснула я на широкой чужой кровати, где простыни пахли липовым медом и мятой. Уснула, с мыслью о том, что чуднее вечер мне проводить не доводилось.

В палисаднике цвели яблони — их свежий, пряно-весенний дух кружил голову и будоражил просыпающуюся живность — к одному из раскрывшихся цветков как раз подлетел толстый шмель.

Он долго устраивался — то усаживался, то снова кружил неподалеку, но неизменно возвращался к заprimeченному цветку.

Земля под ногами была влажная, рыхлая — свежевскопанная. Отец обычно управлялся скоро — минут за двадцать, хотя и некуда было спешить. Он привычным, сильным движением втыкал штык лопаты в землю, повязывал на поясицу байковую клетчатую рубашку, оставаясь в белоснежной футболке, и после: работа вскипала. В скором времени закончив дело, и утирая лоб тыльной стороной ладони, отец оглядывал палисадник внимательным взглядом — подмечая новый фронт работы, и к этому времени мама как раз выносила из дома прозрачный графин с яблочным компотом.

Родители нередко устраивались на лавочке под кустом сирени — говорили о чем-то, иногда смеялись...

Сейчас у забора распускал первые листочки крыжовник — его густо растущие кусты давали щедрый урожай, и какое изысканное из него получалось варенье! Чудо, а не десерт! Соседи часто интересовались рецептом, да только все равно ни у кого не получалось повторить вкус того варенья. Выходило оно неплохим, причем, весьма и весьма — мама улыбалась, когда приносили на пробу, но все же... не хватало упругости ягодам — чтобы

лопались на языке, выпуская кисло-сладкий сок. И немудрено — ленились ведь сделать все тщательно. Мама же, перебирая бусинки крыжовника, всегда отделяла перезрелые, а те, что оставались в ведерке — зеленоватые, тугие, после фаршировала кусочком грецкого ореха. Забракованным ягодам применение находилось быстро — они все оседали в наших с папой животах. Мама же, посмеивалась только, и ловко наспиговывала орехами крыжовник. Ягоду за ягодой. Кропотливая это была работа — из крупного ведра собранных плодов получалось две-три небольшие баночки варенья. Зато, какое оно было на вкус — неповторимое. И радостно было открыть лакомство суровой зимой, когда за окном воет и стонет ветер. Трепетно было переливать его в стеклянную пиалу и подавать к душистому чаю, приправленному специями. И пусть много в кладовке хранилось заготовок: закатанные помидоры, хрустящие огурцы — все как один пупырчатые, размером с мизинец; нарезанные кружочками кабачки, соте из баклажанов, сладковато-острое лечо, закупоренные банки с черешней, вишней... то же варенье — смородиновое, клубничное... но, все равно не было ничего вкусней того — крыжовникового. Наверное, потому, что те вечера — пока сортировали, чистили, мыли, фаршировали — были уютными, семейными, теплыми, как мягчайшая кошачья шерстка. И вкус у варенья получался особенный, ни с чем другим несравнимый.

А земля и правда, рыхлая — ноги утопают в ней, вязнут. До лавочки бы добраться, не испачкав сандалии — как только в них по ранней весне пальцы не мерзнут. Лавочка старая — на ней ножиком выцарапано «Злата» и рядом пририсовано корявенькое сердечко. Скамейка еще влажная, но сидеть приятно, и дышится легко, свежо. Полной грудью дышится, как давно не бывало.

А яблони всё цветут, испуская дивный аромат — на него слетаются молодые пчелы, и, надо же — прогоняют неповоротливого шмеля — вот он, теперь кружит у волос.

Скрип калитки привлекает внимание, и отступают на задний план запахи, навеянные воспоминаниями вкусы, потому что замечаю — мама идет.

Она так молода, и так невозможно красива! Улыбается, смотря под ноги, и от глаз к вискам бегут лучистые морщинки. Хочется встать, кинуться навстречу, обнять, но почему-то невозможно пошевелиться.

Тело налилось странной тяжестью — и ноги, ноги словно свинцовые, а глупые на вид сандалии все-таки испачкались — на подошву толстым слоем налипла грязь. И эта приставшая земля так тяжела, что шагу ступить невозможно.

Смотрю на маму и понимаю, что она вот-вот пройдет мимо, даже не обернувшись, не заметив меня, не обняв. От обиды в горле застревают ком — такой плотный, что нечем дышать, на глаза наворачиваются горячие слезы. Хочется крикнуть «мама!», но губы склеились — сухие, только до ранок искушенные.

Мамочка одета легко — не по погоде: в летний, цветастый сарафан, а волосы сколоты в пышный хвост на макушке — кудри так и ластятся к плечам, вьются. Она подходит к дому, легко ступает на резное крылечко, протягивает руку к дверной ручке, и, словно слыша немой крик, оборачивается.

Ее лицо будто светится изнутри — добрые глаза лучатся любовью.

Оказывается, мы так похожи... и зря, зря все видели во мне только отцовские черты, ведь судить было так рано... те же скулы, разрез глаз, губы, волосы, походка, наклон головы.

Родной человек, мой! Как же я соскучилась! До впившихся в ладони ногтей, как заноз, до искусанных изнутри щек... и это такая бесконечная мука, почему-то быть без матери.

— Не плачь, — говорит мама.

Ее лицо стирается, постепенно размываются черты, но голос спокоен и ласков.

— Не бойся, всё у тебя, деточка, будет хорошо. Мы с папой любим тебя и гордимся, — она посылает последнюю улыбку, и легкий, как выпавшее из перины перышко, воздушный поцелуй.

По щеке катится слеза — щекотная, но стереть ее — нет сил.

Мамин силуэт исчезает, но остается палисадник, лавочка и яблони. Шмель, на ухо жужжащий. Запах весны — сладкий-сладкий.

И горе — такое острое, вдруг отступает. Вместо него в душе обосновывается умиротворение — мягкое, как кошачья поступь, и становится хорошо. Так хорошо, что высыхают слезы.

Когда я открыла глаза, оказалось, что солнце стоит в зените. Счастливчик спал в ногах, отчего те абсолютно затекли. Пришлось вертеть стопами, разгоняя кровь, и ощущения эти были непередаваемыми, но, они меркли по сравнению с послевкусием ото сна.

Мама приснилась впервые после похорон, и вот такой — бесконечно счастливой, красивой, я хотела бы запомнить ее навсегда. И еще — навестить бы, убраться на могилах, рассказать новости. Когда все закончится — обязательно.

От резких движений кот проснулся, потянулся, зевнул по всю пасть, так, что показалось розовое в темную крапинку, ребристое небо, и сиганул с постели. Надо думать, проголодался.

Из кухни плыл запах кофе, а так же слышались невразумительные песенки — такое бодрое хозяйское бормотание себе под нос. И как бы мне не хотелось бесследно испариться из этой комнаты, а еще лучше напроць с планеты, пришлось вставать и показываться живым существам в лице Третьего, и морды ускакавшего на звук лязганья приборов, Счастливчика.

У Третьего было отличное настроение, и я непроизвольно им залюбовалась. Он мазал горячие тосты сливочным маслом, и при этом что-то тихо приговаривал коту. Одет оказался по-домашнему — в белую футболку, синие джинсы; стоял босиком, будто не страшился зимних сквозняков. Глядя на чужие голые стопы, у меня по спине мурашки побежали — что еще взять с мерзлячки, что круглый год ходит в теплых носках.

Волосы у Третьего растрепались, на темечке возник вихрь, будто корова лизнула. Кот же сидел на подоконнике, ритмично бил хвостом и шурился на зимнем солнце. Со стороны казалось, что Счастливчик ведет себя донельзя пренебрежительно по отношению к хозяину дома — вроде бы как вертит носом, не слушая наставлений, но на самом деле кот просто отвлекся на воробья, что присел на карниз.

Идиллия и только.

Сама я отвыкла от таких пейзажей. Да и видела ли их вообще? Родители при мне особенно не миловались, предпочитая немо общаться влюбленными взглядами, да и погибли рано — не успела я и школы закончить.

Замуж выскочила, поспешив, но Вадим как-то не стремился к романтическим проявлениям — уходил на работу, когда я еще спала, а приходя, допоздна смотрел телевизор

и ложился спать. Все наши ласки и нежности сводились к супружеской возне под одеялом. А чтоб вот так — смотреть, как мужчина готовит тебе завтрак, варит кофе, мурлычет себе под нос замысловатый мотивчик... было в этом что-то притягательное, отчего хотелось улыбаться. Пусть даже этот мужчина откровенно заявил, что хочет исключительно секса в обмен на услугу.

Я хмыкнула в ответ на мысли, чем себя и обнаружила.

— Ты уже встала? Доброго дня, — поприветствовал Третий, обернувшись на звук.

— Привет, — просто сказала я.

Прошла к столу, налила кофе.

— Что твой зверь предпочитает на завтрак? Я спрашивал, но он, знаешь ли, не очень разговорчив, — Артем поставил на стол тарелки, открыл холодильник, а потом глянул на меня вопросительно.

— Сосиски есть? — подумав мгновение, решила, что лучше уж эта гадость вместо ничего.

Третий нагнулся, проверяя, есть ли, а потом кивнул.

— Будешь сосиску? — спросила я у кота.

Он повернул морду и лениво прищурил глаз. Третий на наше общение глядел, ухмыляясь.

— Вот не надо так смотреть, — проворчала я. — Это только кажется, что животные не понимают речи. На самом деле, Счастливчик нам с той двоим в интеллекте фору даст.

— Я молчал, прошу заметить, — хмыкнул Артем, и принялся нарезать сосиску монетками.

Когда кот получил свою порцию, мы с Третьим тоже взялись за бутерброды — через мгновение кухню наполнил оглушительный хруст, к которому примешивалось ритмичное кошачье чавканье.

Стоит отметить, что к беседе, решающей мою судьбу, мы перешли только после утреннего кофе.

Третий вышел на крыльцо покурить, я отправилась следом. Вдохнула морозный воздух и в голове сразу прояснилось.

— Что надумала? — повернулся новый друг, поднося к лицу зажигалку.

— Сперва скажи, что делать придется, — подняла брови я.

— Ну, в рабство не возьму, не трусь. А так, предложение простое: взамен полученных адресов переедешь ко мне на полгода. Естественно, к совместной жизни прибавляется регулярный секс. Ну, вот, пожалуй, и всё.

Артем затаился глубоко, потом выдохнул дым в небо, а я все еще стояла и ковыряла пальцем маленькую дырку в кармане пальто.

Сказать, что такое предложение не укладывалось в голове — значит, ничего не сказать. Профукать двести тысяч, обменяв их на сомнительное удовольствие наблюдать чужое недовольное лицо каждое утро...

— Артем, — впервые обратилась вслух по имени, решив, что так подвигну его на откровенность. — Скажи, ты вот сейчас серьезно? Напоминаю, что могу купить адреса за весьма щедрую сумму.

— Абсолютно серьезно, — ответил Третий и зашпильнул окурок далеко в сугроб.

— Но... — собралась опротестовать предложение, только он не дал.

В мгновение ока оказался рядом, положил руки на плечи и заговорил: серьезно, глядя в глаза, медленно выговаривая каждое слово.

— Знаешь, что такое навязчивое состояние? Когда мысль всплывает — самым странным, неожиданным образом, и становится невозможным сосредоточиться на какой-либо другой? Например, останавливаешься на красный, думая о работе, акциях, поворачиваешь голову и замечаешь, что в соседнем ряду, сидя в пассажирском кресле, красит губы милая девушка. И всё. Пропал. Думать можешь исключительно о губах.

— Не понимаю, — сглотнув, я помотала головой.

— Куда тебе, — хмыкнул Третий. — Ты же не знаешь, что захотев что-то однажды, я не могу жить, пока не получу желаемое. И пусть сейчас покажусь глупцом, но объясню тебе на пальцах очевидные вещи. Я тебя захотел. Так захотел, что во всех других девицах видел только тебя. Сильно звучит, не так ли?

Мне нечего было ответить.

— Как умная девочка, скажи — будь я в своем уме тогда, на поляне — отпустил бы? Вижу, что понимаешь. И все же, твоя красота сумела затмить разум — рискнув репутацией отряда, свободой сослуживцев и своей собственной, я тебя отпустил.

— Зачем? — спросила сухими, непослушными губами.

Склонив голову к плечу, Артем, подумав, ответил:

— Скорее, «почему». Чтобы встретиться снова. И смотри-ка, сбылось, и сбылось вовремя — сейчас я совершенно не нуждаюсь в деньгах, больше не завишу от чужих приказов. И всё, чего хочу — обладать той, чей образ не давал спать, не давал спокойно жить. Я хочу обладать красотой, девочка. Тобой, понимаешь?

Я не понимала. Не только того, что можно хотеть кого-то так сильно, что решиться на риск и поставить на карту всё, но еще и эпитетов, какими Третий сыпал. «Красивая», «обладать красотой». Немыслимо представить, что он действительно считал меня такой. О какой красоте вообще могла идти речь, когда те двое истоптали ее тяжелыми кирзовыми сапогами? И Третий не мог этого не знать.

И все же, от его слов делалось жарко. По-женски чуткая, самолюбивая сторона моей природы слушала неискушенные комплименты, гордясь и слегка смущаясь, а разум недоумевал — неужели эта часть сущности не отмерла? Выходило, что нет, она — существовала, пусть и кое-как.

Было еще кое-что, что хотелось бы знать.

— Так значит, наша встреча совсем неслучайна?

Услышав вопрос, Артем рассмеялся.

— Несмотря на манию, я вполне терпелив и дал достаточно времени, чтобы ты сумела принять новые обстоятельства, освоиться. Когда же стало ясно — справляешься, то показался на глаза.

Я совсем не была уверена в том, что «справляюсь», но опять же — не в том была суть.

Как ловко он все обставил. Так, что пришла сама, даже не подозревая, что силки давным-давно расставлены, и что на самом деле «жертва» — я.

— Значит ли это, что мое согласие на предложение не имеет принципиального значения? И ты возьмешь то, что хотел, не заботясь о том... — Третий не дал договорить,

стиснул ладони на плечах, наклонился еще ближе.

Я втянула морозный воздух с привкусом табачного дыма, с замиранием сердца ожидая ответа.

— Перестань. Если бы я хотел взять силой, то стал бы так долго ждать? Подумай, Злата, хорошо подумай. Я дам тебе то, чего ты жаждешь всей душой — возможность отомстить. Ты получишь то, о чем грезила, как в свою очередь и я сам. К тому же, то, как ты реагировала вчера, не дает усомниться — то, от чего в жилах у меня кровь стынет, испытываешь и ты, девочка. Так скажи — что теряешь, давая согласие?

Я ничего не теряла, это было ясно, как белый день. Но было еще кое-что, о чем умолчать я была просто не в силах.

— Ты понимаешь, что теряешь четверть миллиона? Хорошо, — видя, как сходятся на переносице его брови, сказала, — не перебивай. Так вот, вместо возможного богатства, ты получаешь порченное яблоко. Подумай, как следует, так ли ты хочешь получить его?

— Перестань задавать дурацкие вопросы, — сказал Третий, а потом умолк и поцеловал меня.

Очнулась я из-за его стога — откровенно тягучего, и от этого неконтролируемого звука низ живота моментально налился тяжестью. Дышали тяжело, почти задохались. Его руки оказались под моим свитером — на груди, мои пальцы как раз собирались расстегнуть пряжку ремня, и все это — на морозе, почти рухнув в мерцающий на солнце снег...

Запинаясь, стараясь не отрываться друг от друга надолго, мы, как могли споро, перебрались в дом.

Руки Третьего — прихваченные морозным воздухом, охладили кожу, оставляя за собой дорожки мурашек...

Все, что запомнилось — невероятной силы потребность в прикосновениях, поцелуях. И восторг, когда я получила все это сполна...

Третий курил, обняв меня свободной рукой. Мы лежали на паркете у камина — аккуратно на волчьей шкуре. Из неплотно закрытой входной двери тянуло сквозняком, отчего мерзли ноги, только было так томительно, тягуче хорошо, что шевелиться — укутываться в плед, закрывать створку, было абсолютно лень. Мысли текли неторопливо, вяло. Одна билась резвее остальных — черт возьми, случилось чудо. Оно заключалось в том, что я перешагнула-таки рубеж, и более того — получила от секса колоссальное удовольствие. Дважды. А если вспомнить и вчерашнее...

Третий пошевелился, чем отвлек от дум, затушил сигарету в бронзовой пепельнице, и после спросил:

— Так ты согласна?

На что получил беззадумный ответ:

— Конечно.

К следующему вечеру вопрос с переездом был решен. Ничего особенно важного я перевозить не стала — ограничилась котом, ноутбуком и небольшой сумкой с вещами.

Сидя на диване в новом доме, попивая чай и наблюдая, как Счастливчик обшаривает новые просторы, я думала о странном спокойствии, что снизошло на душу подобно манне небесной.

В подобной ситуации — весьма и весьма нестандартной, мне следовало бы если не паниковать, то точно расстраиваться — план рухнул, и пока никаких адресов я не получила. Обзавелась сожителем, и только. Но, я не особенно грустила. Цель всегда оправдывает средства.

Я сидела на диване, смотрела на хитрую, пушистую морду, нацелившуюся на стоящую близ окна герань, с явным намерением пожевать листок-другой, и ощущала безмерное спокойствие. Оно разливалось, плескало в крови, поблескивало, как искрится море в погожий солнечный день. Где-то внутри я в полной мере осознавала — все, что задумала — сбудется.

А ожидание... пара лет минула, а несколько лишних месяцев, это не так уж и много — подожду.

Допивая чай, и наблюдая, как Счастливчик дожевывает лист несчастного цветка, я улыбалась, ведь новая страница в жизни началась.

Жить с Третьим оказалось непросто. Не только потому, что он был подобен лукошку с яркими, ароматными ягодами клубники, в то время как я олицетворяла образ аллергика — искушалась, засматривалась, порывалась надкусить хоть одну ягодку, зная — нельзя! Нет, не только поэтому. Еще я отвыкла делить с кем-то быт. С мужем было легко — мы разминались ежедневно, не успевая утомиться от переизбытка общения. С Мариной тоже — я была не в том состоянии, чтобы замечать подобные мелочи, как, например, застрявшие крошки в тостере.

Нет, Артем не сорил и не оставлял за собой беспорядка, отнюдь — он был педантичен, по-военному собран и любил минимализм. Только вот я все равно смущалась, сталкиваясь с ним в дверях ванной или кухни — заспанная, растрепанная. Стеснялась своего аппетита — потому что любила трапезничать через каждые три часа, и дело не ограничивалось легкими перекусами: порции были щедры. И не то чтобы я ела впрок, наоборот — пища усваивалась быстро. Просто голод я терпеть не могла с самого детства.

Третий ни единым жестом не выказывал удивления из-за моих странностей, не шутил на тему неумного аппетита, но я стеснялась и делала глупые вещи: додумывала за него и накручивала себя, изводясь. Пряталась от него, уходила бродить по лесу, не забывая, впрочем, захватить с собой пряников и термос с какао.

И все же, не смотря на «притирку», мне нравилось находиться в том доме, нравился сам хозяин.

Я наблюдала за ним — постоянно, даже когда задирала нос и отворачивалась, делая вид, что надулась на очередную глупость, сказанную в шутку.

Третий оказался весьма занимательной личностью. Он часто бывал весел, немного беспечен, что проявлялось в некоторых мелочах, еще любил острить — на разные темы, но эти качества виделись мне не более чем умелой маскировкой. Что же на самом деле скрывалось за «фасадом», я не знала, поскольку не имела нужного уровня доступа для доверия, не умела забираться под чужую кожу, да и незачем было — я была не тем

человеком, чтобы вынюхивать и лукавить.

С уверенностью я могла сказать только то, что Третий был умен, по-своему расчетлив и безмерно терпелив. Я такими яркими качествами отнюдь не обладала, поэтому неосознанно прониклась к Третьему уважением.

Военное прошлое так же оставило некоторый отпечаток в привычках: Третий вставал рано, еще до восхода, всегда в одно и то же время. Принимал холодный душ (однажды, когда мне не спалось, столкнулась с ним в дверях ванной, впечатавшись в полуголое, холодное до мурашек тело), после банных процедур пил кофе, ел тосты с сыром и садился за компьютер работать. В это время как раз светало, кабинет наполнялся первыми солнечными лучами, в которых застывали мелкие пылинки. И вот такие тихие, умиротворенные утренние часы кому-то постороннему могли показаться идеально-картинными, но на самом деле они были абсолютно настоящими, живыми: Третий любил встречать восходы за работой. Я пристрастилась поневоле — станешь ли спать, когда мужчина, чье тело приятно греет спину, (да, мы часто засыпали вместе), вдруг резко, без звона будильника, как по щелчку встает, а потом по тебе проносится с невнятным «мррр» толстая туша одноглазого. И так — почти каждое утро.

Что за должность занимал Третий, тоже было не ясно. Он увлекался чтением бумаг, много печатал, общался по телефону, но те разговоры мало что проясняли. Признаться, особенно я и не вникала, но было ощущение, что Артем недоговаривает намеренно. Такая суть вещей не могла задеть, поскольку я не считала себя особенно обидчивой (на этом заключении вполне можно засмеяться); право слово, личные дела на то и личные.

Дальше день продолжался по расписанию — что так же было остаточным явлением от прежней военной службы. По режиму чаепитие, еще работа, перекур, обед, вылазка в город, поздний ужин в ресторане — в том самом, близ моего дома.

В целом, через некоторое время, когда я перестала стесняться и нервничать по пустякам, жить с Третьим стало просто. Он не требовал выполнения никаких сверхъестественных задач, был внимателен, нежен и слегка насмешлив, и всё в совокупности меня вполне устраивало.

Подстроившись под его режим, я так же удаленно работала, что приводило шефа в восторг и выливалось в виде денежных премий. Стоит заметить, что сумма на моем банковском счете скопилась прямо-таки фантастическая. Раньше услышав такую цифру, я бы только округлила глаза и замечталась, а теперь не знала, на что тратить — у меня было всё, чего только хотела.

О смысле совместного бытия и человеческих странностях больше не думала — решила, что у каждого свои тараканы.

Было ясно, что по истечению срока мы с Третьим разойдемся, как разминаются судна на океанских просторах. Разойдемся мирно, почти по-семейному, без глупых ссор и битья посуды. Он пресытится, удовлетворив свою давнюю прихоть, сполна отведав желаемого, а я — получу адреса и сделаю то, к чему стремилась. К тому же, зная любовь Третьего к длинноногим блондинкам (каждый день разным), я была уверена на все сто — за шесть

месяцев он утомится от моих однообразных ласк, от привычных поцелуев. Устанет от дурацких бытовых привычек, будь то выколупывание мякиша из белого хлеба, неумный жор, головные боли от бессонницы, или перфекционистическая любовь к порядку. Словом, я была спокойна — при расставании обойдется без конфликтов.

Я потеряла счет неделям, поскольку они были однообразны.

Морозы за окном и не думали отступать, наоборот крепчали, разукрашивали стекла разнообразными узорами, но пробраться в лесной домик им оказалось не под силу — внутри было тепло и уютно. Повезло, что Третий тяготел к комфорту во всех его проявлениях — полы с подогревом не давали ногам (естественно, в шерстяных носках) мерзнуть, пышущий камин и подавно поддурманивал щеки. Сидеть в кресле с ортопедической спинкой и вовсе было приятно, а закинув ноги на стол, и болтая по скайпу с Маринкой — вдвойне.

Подруга увлеченно рассказывала о новой работе, интересных перспективах, о незначительных событиях, произошедших в бывшем когда-то родным, городе. Я слушала, улыбалась, кивала, любовалась подругой — она как раз эмоционально жестикулировала, поэтому не заметила, как подошел Третий. Он положил руки мне на плечи, мимолетно поцеловал в висок, приветливо помахал Маринке, на что подруга открыла рот, да так и позабыла его прикрыть.

Третий чинно помассировал мне шею и плечи, пробормотал кое-что неприличное на ухо, а потом удалился, как ни в чем не бывало. Нужно заметить, подруга всё так же молчала.

— Ну, довольно уже продемонстрировать недоумение, — копируя интонацию деда Вити, протянула я.

— Ты всегда была скрытной, но чтоб умолчать о таком мужике, это надо вообще зазнаться! — обиженно сказала Маринка, но я знала, что она только делает вид.

— Обыкновенный мужик, — пожав плечами, ответила я.

Признаться, лукавила немножко, желая услышать, что на самом деле думает подруга.

— Ври, да не завирайся, — хмыкнула та. — Сама знаешь, что он красавец. Из тех, за которыми увиваются бабы всех возрастов. Есть в нем что-то загадочное, мужественное и даже порочное...

— Ого, куда тебя занесло, — засмеялась я. — Романов любовно-мистических начиталась?

— Романы больше по твоей части. Я за всю жизнь только уголовный кодекс пролистала. И то, только для того, чтоб спать по ночам спокойно, зная — совесть чиста. Златка, вот скажи, отчего ты такая противная? Завела мужика, и хоть бы словом обмолвилась! Расскажешь? — Маринка даже устроилась удобнее, готовясь внимать.

Пришлось ее разочаровать. О том, что заводят собак, а с мужчинами встречаются, я тоже упоминать не стала.

— В другой раз.

— Скажи хоть — серьезно, или так?

В ответ я пожала плечами и улыбнулась от уха до уха. Зная эту «придурковатую» улыбку, подруга поймет — подробности отпадают.

— Ладно, раз ты пришла в себя от всего, что было, можно рассказать последние

новости. Я, знаешь ли, страсть как тяготилась. Еще неделю назад узнала, — протянула загадочно Маринка, и мне на мгновение показалось, что в ее глазах мелькнула злость.

Она не знала того, что случилось со мной на самом деле, но ее вступление все же насторожило. Что еще там могло случиться?

— Не томи, — уже без улыбки поторопила я.

— Он завел постоянную подружку. Натыкаюсь на них, как назло, чаще обычного, — Маринка зажмурила один глаз, а другим наблюдала за моей реакцией. Только я не могла взять в толк — кто этот загадочный «он».

— Кто? О ком речь? — подняла брови, силясь понять.

— Ты серьезно? — подняла брови подруга. — Вадим твой, чтоб ему провалиться, — Марина опустила глаза, а я молча уставилась на нее.

Я о нем позабыла. Правда.

Новая жизнь была полна заботами, прогулками, кучей работы, беседами с дедом, планами, теперь еще вот Третьим, а что до прошлого — замужества, позорных обвинений, некрасивого развода, всё это осталось далеко-далеко позади.

Напоминание о муже отдалось затаенной болью в груди — далекой, почти неслышной, саднящей. И это ощущение было нормальным: пусть утекло много воды — да, разлюбила, но так и не смогла простить.

— Он давно не мой, — машинально поправила я.

— Да, конечно, прости, если это неприятно.

— Брось, — поморщилась я, хоть приятного, в самом деле, было мало. — И что за подружка? — как на автопилоте поинтересовалась я, хотя ничего слышать не хотелось — неинтересно потому что было.

— Полная твоя противоположность, — хмыкнула Маринка. — Полноватая, коротко стриженная брюнетка. Симпатичная, но с тобой и рядом не стояла.

— Маня, — перебила я, — не старайся, на самом деле мне все равно.

— Ладно, — погрустнела подруга. — Прости.

Помолчали.

Дальше разговор скатился к обсуждению новинок кинематографа, погоды и прочей чепухи. Распрощавшись, виртуально расцеловавшись, мы разошлись спать, ибо время было позднее.

Я выключила ноутбук, откинулась на спинку, запрокинула голову, зажмурилась...

С Вадимом мы познакомились на дне рождения общего знакомого, куда меня занесло совершенно случайно. Он заметно выделялся среди гостей — высокий, широкоплечий красавец-брюнет. Проводил до дома, попросил номер телефона, через час позвонил, а следующим вечером приехал и пригласил на свидание. Я влюбилась в него сразу — с первого взгляда, от того ухаживания принимала охотно.

В то время я училась в университете на первом курсе, и уже в те дни жизнь меня особо не баловала. Я держалась особняком от сокурсников и студентов общего потока — по разным причинам, но в основном от того, что времени для общения, компанейских посиделок — не находилось. Зачеты сдавались с трудом, потому что конспекты списывать было практически не у кого, а посещать абсолютно все лекции не было возможности — следовало работать, чтобы прокормиться. Помню, после подработки, (что я только не делала: переводила на родной язык всякую зарубежную чепуху, раздавала листовки, мыла

посуду в китайском ресторане), я спешила на кафедру — попросить у преподавателей планы-конспекты. Мне было необходимо догнать материал, чтобы не нахватать хвостов, и преподаватели, завидев меня в кабинете, не упускали возможности укорить или усюветить. Смотрели они по-разному — одни недоуменно, другие с долей злости и высокомерия. Да, выглядела я так, что никому и в голову не приходило — прогуливаю не потому, что ленива, а потому, что дома есть нечего. Впрочем, находились и те, кто понимал и давал материал без единого лишнего слова.

Особенно меня не любил заведующий кафедрой, чем, безусловно, мне и запомнился. Он был молод, красив, на редкость умен — читал лекции, ни единого раза не заглянув в свой конспект, а спрашивал на семинарах так, что студенты выходили из аудитории с небывалым чувством облегчения, а, бывало, что и в слезах. Еще, наш великолепный Николай Николаевич славился небывалой едкостью и довольно острым чувством юмора. И вот он — сладкая мечта многих студенток (ведь девочки так любят плохих мальчиков), стоило мне переступить порог его святая святых, откладывал в сторону бумаги, которыми до того занимался, и поглядывая с видимым удовольствием, принимался за «десерт».

— «Что, Полещук, — говаривал Николай Николаевич, — решили осчастливить нас своим присутствием? Ах, бросьте, наши крепостные глаза не могут выдержать вашего барского великолепия. Верно, коллеги?» — что бы он ни говорил, всегда обводил взглядом улыбающихся преподавателей.

— «Мы слепнем, неумолимо слепнем, Полещук! Помилуйте, и являйтесь почаще, чтобы наши глаза привыкли к вашей сиятельной особе, или не являйтесь вовсе».

На все такие вот эскапады я реагировала довольно спокойно: улыбалась (полагаю, кривовато), делая вид, что мне не обидно совсем, а на самом же деле — закипала. Хотелось от сердца высказаться, а еще лучше схватить преподавателя за грудки и, нос к носу, приблизившись, сказать, чтоб катился со своими шутками ко всем чертям. Но, ясное дело, молчала — получить диплом стало делом принципа.

Отчего заведующий нашей кафедрой так взелся, я не знала. Впрочем, может быть, он так общался со всеми.

В то время я была одна. Настолько одна, что даже поговорить было не с кем.

Со школьными друзьями порвала сразу после выпускного — никто из них не поддержал в тяжелую минуту: отвернулись, словно чужими людьми были друг для друга. В принципе, так оно и было, но поняла я это не сразу. Всё ждала звонков, дружеской помощи, но никто так и не позвонил, правда, денег собрали. Хотя, может, финансами скинулись учителя — конверт передавала классная руководитель.

Со своей бедой в эмоциональном плане я справлялась в одиночку. Тогда это было больно — сердце будто сжималось, и сделать вдох удавалось с трудом — сквозь зубы, сквозь многотонную плиту, что давила на грудь. Я почти не плакала, слезы пришли много позже — лились, а я задыхалась, съежившись в комок. Рыдала, и той горечи не было конца.

Причиной всему — и что работать приходилось много, и что друзей растеряла, было горе. За плечами, тяжелыми, черными, совершенно не запомнившимися днями, остались похороны родителей. Они попали в автомобильную аварию и оба погибли в одночасье. Это случилось как раз перед выпускными экзаменами, когда уже был выбран ВУЗ, подготовлены документы, а я, как не в себя поглощала килограммами шоколад: зубрила билеты по истории и литературе.

Стоит ли говорить, что известие стало шоком?

Я хотела бросить всё — и экзамены, и поступление, но потом вспомнила, как родители мной гордились, как хотели, чтобы выучилась. Потому постаралась сделать так, чтобы они остались довольны, пусть даже никогда теперь и не узнаю — были ли. С высоты небес, наверное, не так видно, что на Земле творится.

Весь первый семестр в университете меня преследовала затяжная депрессия. Горечь и боль потери заставляли замыкаться в себе, не подпускать на дистанцию ближе необходимого никого из новых знакомых. И все же, я старалась настроить себя, как-то починить, и влюбленность в Вадима тогда спасла меня.

Уже и не вспомню, как я оказалась на том дне рождения. Вроде бы шла с работы, как вдруг знакомый бывшего одноклассника подхватил меня под руку. Он был слегка навеселе, и кричал на всю округу, что ему сегодня исполнилось двадцать. Кажется, я поздравила, пожелала здоровья и всех благ, но никто толком меня тогда уже не слушал, ибо тащил на праздник, держа за руку, и как ни вырывалась, улизнуть не сумела.

Вадим во всех смыслах оказался первым — в эмоциях, что вызывал, в сексуальной близости, в отношениях. На втором курсе мы съехались, еще через год поженились. И неплохо жили до того самого дня...

Открыла глаза, усмехнулась горько — воспоминания подняли со дна души болезненную мусть. Сколько бы я не храбрилась, упоминания о Вадиме были тяжкими, поскольку его предательство подкосило похлеще надругательства.

И все же — хлопнула ладонями по коленкам — Вадим остался в прошлом. Пусть катится к чертям вместе со своей брюнеткой. Мне всё равно.

Подумалось мельком, что дед вполне мог быть прав — когда-нибудь бывшему мужу аукнется. Вселенная всегда раздает долги.

Кивнула в такт мыслям, поднялась, потянулась и отправилась искать Третьего.

Лунный свет бледно озарял кухню. Третий сидел за столом в темноте и вертел в руках пустую чашку. Я потянулась к выключателю, но услышав ёмкое: «нет», руку отняла. Остановилась на пороге, не зная, куда себя деть — отчего-то стало до невозможного неловко.

Третий был серьезен, погружен в какие-то свои думы, и казался угрюмым, даже слегка злым, и я почувствовала себя лишней здесь — в этом доме.

Хотела уйти неслышно, но он вдруг поднял взгляд, сурово нахмурился и протестующе покачал головой. Я затопталась на месте, недоумевая, отчего так неуютно стало, будто бы опустело что-то внутри.

Перемены в настроении Артема только добавляли удивления — совсем недавно он был мил, беззаботен, волновал своей близостью, а теперь будто оказался недостижим.

Да, он слышал наш глупый женский треп, Маринка сказала: «твой Вадим», но вряд ли Артема взволновало это. Опять же — до подобных мелочей дела ему никакого нет и быть не может, поскольку мы не зарекались хранить друг другу верность и, как в сказке, умирать в один и тот же день.

И, казалось бы — думаю я стройно и логично, только вот что-то озаботило Мидаса

настолько, что сам он в мгновение ока стал замкнутым, отрешенным, злым.

— Что случилось? — осмелилась я нарушить вязкую тишину.

— Ничего такого, что я не смог бы пережить, — насмешливо протянул Третий, но насмешливость эта оказалась такой фальшивой, что не обманула бы и ребенка.

— И все же? — дернула плечом, силясь понять, что на самом деле происходит.

— Скажи-ка мне, девочка, на что ты, в самом деле, готова пойти ради заветных адресов? — Третий недобро прищурился, а у меня по коже дрожь пошла.

— О чем ты?

— Я тут подумал, и понял, что условия сделки были несколько примитивными, их нужно подкорректировать.

— Не понимаю, — я сглотнула предательский ком, что стал в горле. — Ты хочешь поменять условия? С чего бы?

— Говорю же, слушай внимательнее, — жестко усмехнулся Третий. — Как далеко ты готова зайти? Если, например я пожелаю небольшой услуги в дополнение к остальному, откажешь?

— Ты можешь объясниться? — резче, чем хотелось, спросила я, и шагнула к столу, за которым сидел Третий.

Он поднялся внезапно, бесшумно отодвинув стул, и вдруг оказался рядом. Одним незаметным движением намотал мои волосы на кулак, запрокинул голову, приблизился — нос к носу.

— Говорю, что условия меняются, — очень медленно заговорил, смотря в глаза.

В его зрачках плескалась злость, и как мне с перепугу показалось, боль.

— Я не дам тебе адреса, пока ты не согласишься на небольшое дополнение, — перевел взгляд на мои губы, а я пошевелилась, силясь вырваться из захвата.

Стоит ли говорить, что тщетно.

— На что именно? — пересохшие губы не слушались.

Кружилась голова.

Я не смогла бы сказать, что пугало больше — внезапное изменение в планах или искорки сумасшествия в глазах Третьего.

— На убийство, — ответил Третий и отпустил меня.

От внезапной свободы я покачнулась, но на ногах устояла.

— Это смешно, — жестко сказала в ответ. — Я и так сделаю это.

— Я говорю об убийстве другого человека — не одного из тех придурков.

— Кого же? — разговор явственно смахивал на горячечный бред, но таким уж был.

Третий усмехнулся. Жестоко, непримиримо. Стало ясно, что задумал он что-то каверзное, неприятное. Перемена в его поведении пугала до чертиков. Особенно настораживало то, что я не знала причины этих перемен.

Он снова оказался рядом — высокий, сильный, гибкий, он возвышался надо мной на добрую голову, нависал, почти угрожая.

Я снова облизала губы — мысли почему-то унеслись куда-то далеко, в неправильную сторону.

— Ты убьешь своего бывшего мужа, — сказав это, Мидас впился взглядом в мое лицо.

Я же опешила.

— Ты спятил, — ответила спустя время, когда удалось собраться с мыслями.

— Повторяешься, слышал уже как-то.

— Зачем это нужно? — я, в самом деле, не понимала. — Какой-то бред!

— Я всё сказал. Или так, или никак. Решай, а если условия претят — выметайся отсюда, и больше не мелькай перед глазами. В конце концов, моя доброта не безгранична, — что он имел в виду, я так и не поняла. Разволновалась из-за новых условий, а еще из-за личности Третьего — был ли он в тот момент настоящим, или то была одна из его многочисленных масок?

Третий вышел из комнаты, не бросив напоследок в мою сторону и взгляда, а я вдруг ощутила, что стены сжимаются. Чувство было новым, странным, отчего стала задыхаться — и что послужило причиной приступа, тоже было не ясно. Слишком много вокруг темных пятен — в отчаянии подумала я, распахивая входную дверь.

Почти скатилась с крыльца, перегнувшись через резные перила, задышала часто, а когда чуть полегчало, отправилась куда глаза глядят.

Мороз инеем серебрил волосы, но я не чувствовала холода — во мне клокотала обида.

Было непонятно — какого черта на Третьего нашло? Надумал менять условия — мало того, что на пустом месте, так еще на такие идиотские дополнения! Кто вообще делает так?

Словом, объективностью и ясностью мышления в тот миг я похвастать не могла (как и здравым смыслом). Забрела в лес, и в волнении расхаживая, вытоптала дорожку, хоть снега сперва было почти по колено.

Не знаю, сколько времени прошло, когда я надумала возвращаться. По пути к домику, увидела знакомую фигуру — Третий шел навстречу, светя фонариком под ноги. Во рту сигарета, волосы взлохмачены, лицо бледное, куртка нараспашку.

Увидел меня, остановился.

Приблизилась, а Третий вдруг самым обидным образом схватил меня за ухо, как какую-то малявку.

— Ты, что, идиотка чертова, совсем из ума выжила? — заорал, дыхнув в лицо дымом, и потянул меня к дому как на буксире. — В двадцатиградусный мороз в одних тапках, без куртки, — он затащил меня в дом, не давая возможности и рта раскрыть.

Беспрерывно матерился, больно толкал в спину.

И пока он говорил и злился, я вдруг поняла, что отошла — от обиды, от дурацких эмоций.

— Не знаю, что нашло на тебя, но если это так важно, я могу, — щеки начали гореть, отнюдь не от стыда, а от тепла, что защищало кожу похлеще мороза.

Навалилась такая тяжесть, будто небо на плечи упало, по недоразумению перепутав меня с Атлантом. Наверное, от тяжести и разморившего тепла, заплетался язык, и говорила я невнятно.

Впрочем, Третий не очень-то и слушал. Он достал водку, налил стакан — до края, зажал мне нос пальцами и силой влил жидкость в рот. Я подавилась после первого глотка, но допивать все равно пришлось, хоть часть вытекла за шиворот.

Задышала, как пес, высунув язык — ох и горько было, страсть. И как пьют только эту гадость, чистый спирт ведь.

Минут через пять я по-глупому рассмеялась и стала неровно водить пальцем по широкой груди Третьего, пьяненько ухмыляясь и строя из себя непонятно что. На тот

момент на ногах я стояла весьма условно — на голодный желудок водка основательно разжижила мозги.

Третий не обращал на мою возню внимания — раздел рывками, потащил в ванную, сунул под сущий кипяток, а потом еще и растер полотенцем докрасна, как какую-то куклу. Признаться, стены тогда уже здорово вращались, и что было в какой последовательности, запомнилось плохо.

Кажется, Третий вылил на грудь остатки спиртного, растер еще раз, закутал в плед, отнес в постель и укрыл сверху одеялом, а затем пробормотал что-то о тупицах. Но, дальше я расслышать не сумела: веки закрылись — такие тяжелые, что поднять их так и не получилось.

Проснулась от щекотки и невыносимой жары. Ломило кости, во рту было сухо, а спине наоборот — влажно. Счастливчик устроился на груди, и, сопя, щекотал подбородок колючими усищами. Я с трудом выбралась из кокона — двух одеял, пледа, и смогла наконец-то почесать подбородок, прогнав кота.

Полежав чуток с закрытыми глазами, вспомнила все, что случилось накануне. Удивительно, но при свете дня случившееся показалось не таким уж и скверным. Что с того, что у Третьего произошел припадок ярости — ладно, все мы немножко чокнутые. Поменял условия — ничего невыполнимого, посмотрим, как обернется. С такими философскими мыслями я встала — необходимо было привести себя в порядок.

Третий работал.

Я вошла к нему без стука, решив прояснить всё раз и навсегда.

— Как я могу верить тебе после вчерашнего? Что помешает тебе придумать иной повод, чтобы не давать адреса или подкинуть еще более бредовое условие? Твой поступок бесчестен! — Я скрестила руки на груди, защищаясь. Третий дочитал, только потом поднял на меня взгляд.

Сегодня он был заметно спокойнее, только бледней обычного.

— Даю слово, что больше не будет дополнений, изменений и тому подобного.

— Теперь уже не знаю, чего стоит твое слово, — вздохнула глубоко, не зная, как он отреагирует на это замечание.

Оказалось, что спокойно:

— Я сказал, что дал слово. Больше мне добавить нечего.

— Ты объяснишь, что нашло на тебя, и зачем понадобилась смерть моего бывшего мужа?

Третий молчал. Смотрел на меня прямо, без каких бы то ни было эмоций во взгляде. Я силилась угадать — ответит ли вообще, и если да, будет ли сказанное правдой.

— Скажем, — наконец, Артем нарушил тишину, — что это простая прихоть.

Теперь с ответом помедлила я.

— Я соглашусь на новые условия, если ты дашь мне адреса уже сегодня. Или так, или я уеду, — услышав это, Третий усмехнулся.

— И что будет дальше, если адреса я тебе действительно дам?

— Проверю — настоящие ли они, и не лукавишь ли ты, а после выполню свою часть

сделки.

— Не пойдет, — категорично сказал Третий, а я, усмехнувшись краешком губ, вышла из кабинета.

Не торопясь, собрала вещи, подхватила кота и, не прощаясь, уехала.

Проводить меня никто так и не сподобился.

Злость клокотала, бурлила.

Импульсивное бегство (как еще можно было назвать это безумство), обернулось для меня полным провалом в планах, стало абсолютным фиаско, для грезящей о мести, души.

Я исходила вдоль и поперек квартиру, запустив руки в волосы, думала, гадала, но ничего дельного — того, что могло исправить ситуацию, на ум не шло. Вернуться, прогнувшись? Но, что тогда помешает Третьему крутить мной, как куклой?

Да, я готова была на все ради тех адресов — как последняя дрянь и самая злопамятная на свете мразь. Потому что действительно хотела мести всем сердцем. И вот сейчас — почти вплотную подойдя к осуществлению желаемого, я осталась ни с чем из-за порывистости.

Признаться, это чертовски злило, вот я и гневалась на себя, на свою глупую натуру.

Я безвылазно сидела дома, много работала: наказывала себя, заставляла корпеть над скучными цифрами.

Время шло.

Пусть и постепенно, но раздражение от несбывшихся замыслов, отошло на второй план. В один из пустых дней я поняла, что скучаю по Третьему, и осознание это было неожиданным, даже слегка досадным.

В гулкой, какой-то слишком большой для дамы с котом, квартире, сделалось вдруг уютно.

Лесной домик манил воспоминаниями о живом огне, древесном запахе, от которого кружилась голова, тосковалось по морозному утру, когда не приходилось томиться одиночеством, а уютно спалось в нагретой Третьим постели.

Серые, стылые, какие-то бесполезные, утратившие всякий смысл будни раздражали, и я вовсе перестала выбираться на улицу. Ела мало, все больше пила чай, заедая его сдобными сухарями с изюмом, пачка которых нашлась на кухне. От подобного рациона похудела на несколько килограммов, что заострило скулы, и я сделалась похожа на заморыша.

Засиживалась в интернете до утра, даже засыпала с ноутбуком на коленях — смотрела кино, читала книги, лазила по разным сайтам. Бездельничала и бессовестно тратила время зря. От такого образа жизни обзавелась воспаленными капиллярами в глазах и дурным настроением.

Скучала.

Скучала по странным прогулкам — когда снег в лицо и северный ветер, когда ладони примерзают к заиндевшим перилам мостовой, но дышится до невозможного легко, а в

голове делается ясно. По Третьему скучала — насмешливому, непонятому мужчине, кто так и не сделался ближе, хоть и прожили вместе порядочно времени.

Через несколько дней метания надоели. Я уже сама не понимала, чего хочу и что на самом деле чувствую, знала, что так дальше продолжаться не может — необходимо либо решаться на поступки, либо смиряться с реалиями и как-то жить.

Подошла к зеркалу, взглянула на отражение без приязни, сгребла в кулак ключи от машины и поехала в ресторан.

Я знала расписание Третьего наизусть. Знала, что застаю его там, в компании очередной блондинки, если конечно он не надумал изменить вкусам за такой маленький срок.

Он ужинал за своим — привычным уже столиком. Напротив, клюя листики салата, устроилась длинноногая красавица. Я удовлетворенно усмехнулась про себя — хорошо, что догадливость осталась на высоком уровне.

Знакомый метрдотель, смотря по-прежнему с какой-то отеческой внимательностью, провожая, спросил, желаю ли отдельный столик. Я не желала.

Вблизи девица оказалась так себе: нос был явно длинноват, рисунок губ недостаточно капризен. Нельзя сказать, что отметила я это со злорадством, скорее с долей удовлетворения.

Села бесцеремонно — рядом с ней, на диванчик, и, скрестив руки на груди, уставилась на Третьего.

— Тебе было весело? — спросила, выгнув бровь.

Стыдно признаться, но мне было до чертиков неприятно, что он, судя по всему, не очень-то и скучал, в то время как я — разрывалась между остатками гордости и желанием его увидеть.

Третий принялся молча разглядывать меня, оставив в сторону приборы. В глазах его мне почудилось мелькнувшее раздражение пополам с облегчением и некоторая доля удовлетворения.

Девица же, не донесла до рта бокал с вином: так и сидела — выпучив глаза и часто моргая. На ее лице было написано явное возмущение и острое недовольство от прерванной трапезы.

— Артёмчик, — протянула, отвернувшись, и спросила так, будто вместо меня было пустое место:

— Кто это?

Вопрос, как я и думала, остался без ответа. Третий умел ставить на место и молчанием, и поворотом головы.

Пользуясь паузой, я сказала:

— Если договор еще в силе, то знай — я согласна. Если что, ты знаешь, где меня найти, — сказав, поднялась, и ушла, высоко подняв голову.

Метрдотель любезно подал верхнюю одежду и напоследок покровительственно

улыбнулся — похоже, это уже вошло в привычку.

Выйдя из ресторана, я шумно выдохнула, почувствовав небывалое облегчение.
— Чертов сукин сын, — пробормотала себе под нос, — все нервы вымотал.

Он заявился спустя полтора часа. Я как раз допивала вторую чашку чая, и дожевывала имбирное печенье, купленное, по пути домой. На свежем воздухе аппетит разыгрался зверский.

Идя отпирать дверь, подумала, что Третий явно не торопился — небось, доужинал в спокойной обстановке, и успел «потанцевать» девицу на заднем сидении джипа. Парковка близ ресторана — самое то для таких дел: укромная, обделенная светом фонарей.

Третий был слегка хмурым, а в остальном — вполне довольным — как котяра, досыта объевшийся сметаны. Я кивнула ему и, махнув рукой, прошла в комнату.

Налила чаю, протянула кружку, поставив ее на стол, а потом только спросила:
— Так что, уговор в силе? Я убиваю Вадима, ты отдаешь адреса?

Третий стоял в излюбленной позе: небрежно оперевшись о косяк и сунув руки в карманы.

— Я не только даю адреса, но и помогаю дельным советом, — ухмыльнулся он.

В ответ на небывалую, неожиданную, даже, щедрость, я лишь подняла бровь. После, кивнула, не став тянуть многострадального кота за хвост:

— Заметано.

Я думала, что он уйдет, как только мы договоримся, но Мидас по-прежнему стоял и наблюдал за мной. По его лицу блуждала глумливая ухмылка, и мне захотелось стереть ее, во что бы то ни стало.

— Соскучилась? — спросил лениво.

— С чего бы? — поднеся чашку к губам, спросила я.

— Не ври, — Мидас отлепился от стены и прошел вглубь комнаты. — Я, вот, жуть как скучал.

Заслышав такое, я рассмеялась.

— Видела я, как ты скучаешь!

— Ты о девушке? — поднял брови он. — Брось, это просто антураж.

— О, теперь это так называется? — протянула я и отставила прочь пустую чашку.

Закинула ногу на ногу.

— Ты ревнуешь? — проникновенно спросил Третий, блуждая близ кресла напротив.

— Шутишь? — улыгнувшись, поинтересовалась я. — У меня тоже был «антураж» — даже несколько. Позавчера с барменом, а дня три назад с топ-менеджером из нашей конторы.

Мидас моргнул, и лицо его враз переменилось — из черт исчезло веселое легкомыслие. Только на губах осталась кривая, приклеенная улыбка.

— Думаю, что тебе не стоит так шутить, — мрачно изрек он.

— Отчего же? — подняла брови я.

Нутром чувствовала — перегибаю палку, но остановиться уже не могла.

— Оттого, что оговоренные полгода еще не прошли. Я не привык делить своё с кем-то

другим.

— А мне казалось, что сделке конец, — я притворно поднесла ладонь к губам в недоуменном жесте.

И снова Мидас оказался рядом в мгновение ока. Выдернул меня из кресла — сильным рывком, и я впечаталась в его грудь, громко щелкнув зубами.

— Я скажу, когда ей придет конец, — зло сощурился глаза, сказал Третий, и больно укусил меня за губу.

Я схватила его за воротник рубашки, расцарапав кожу на ключицах и укусила в ответ. Не знаю, какой демон овладел мною в тот момент — какая-то дикая, первобытная сила заставила слизать выступившую кровь с губы Третьего и лизнуть снова. И снова. Его руки прижали меня с такой силой, что затрещали ребра.

Мы сплелись языками и принялись целоваться, как сумасшедшие. Во рту перемешалась наша кровь, но ржавый привкус только добавлял огня — той самой специи, от которой напрочь сносило голову.

Третий вытряхнул меня из домашнего платья, нижнего белья. Сунул два пальца между ног, отчего я неприлично громко застонала. Повращал ими внутри, а когда я уже готова была расколотся, вынул их и демонстративно облизал, сунув пальцы в рот. От этого действия ноги у меня подкосились совершенно.

— Сладкая девочка, — сказал Третий, глядя мне в глаза. — Я так хочу тебя, что вот-вот спячу...

Счастливчик Третьему обрадовался. Забрался к нему на живот, пока мы расслабленно валялись на полу, и принялся мурчать, меся лапами кожу.

— Ты понимаешь, что мне придется вернуться? — я повернулась лицом к Артему, решив хотя бы изредка называть его по имени.

Пусть даже про себя.

— Вряд ли это займет много времени. Пара дней в пути, день на заказ, и дорога обратно. Меня заботит другое — ты понимаешь, что придется убивать? Думаешь, это так легко и просто? — Третий почесал кота за ухом, чем вызвал новый шквал урчания.

Мне ответить было нечего. Одно дело представлять, другое — делать.

— Расскажи мне о нем, — вдруг попросил Третий.

Он повернулся набок, подставил под голову руку. Кот клубком свернулся возле живота, щекоча мехом кожу.

Я устала удивляться переменам в настроении любовника и его странным просьбам, потому только спросила:

— Что именно?

— Не интимные подробности, если ты об этом, — скривился Третий, снова явив миру собственническую злость, — поведай о привычках, пристрастиях. Ты, наверняка, успела вдоль и поперек изучить муженька. Интересно узнать подробности, которые впоследствии могут помочь делу.

В самом деле, мысленно хмыкнула я, — с чего взяла, что он жаждет узнать о чувствах, эмоциях и прочем. Никому не нужны эти сопли — подумала неожиданно зло, и прикусила губу, силясь вспомнить привычки Вадима.

Рассказала о всяких глупостях: что бывший терпеть не может каши, молоко и сухофрукты, что до смешного самолюбив: не пройдет мимо зеркала, даже если окажется в зеркальной галерее — обязательно остановится у каждого.

— Да уж, как пристроить эти знания — ума не приложу, — скривился Третий и укусил меня за обнаженное плечо.

— Иди ты, — оттолкнула я его, поднялась и пошла в ванную.

Проснулась среди ночи вся потная, с опухшим языком во рту и дичайшим ощущением ужаса, чего уже давненько не случалось.

Открыла глаза и уставилась в потолок. Как назло, на нем не было ни малейшей трещинки, поэтому взгляду не за что было зацепиться. Сердце колотилось где-то в горле, руки мелко подрагивали. Одеядло показалось пудовым, а подушка сделалась раскаленной добела. Лежать и немо открывать рот, словно выброшенная на берег рыбина, больше не было сил, поэтому я откинула уголок ватолы, не боясь разбудить Третьего, и отправилась в ванную.

Мне было натурально плохо, как может быть нехорошо человеку, переживающему один и тот же кошмар снова и снова.

Я открыла ледяную воду, напилась прямо из-под крана, потом умылась. Кожу сковал холод, но этот дискомфорт был ничем по сравнению с той дикой тоской, что навалилась после сна.

Пережитые картинки то и дело мелькали перед глазами, подобно белым мушкам.

— Нет, — мычу я. — Нет, не надо, пожалуйста.

— Да, давай, постони еще, — подбадривает один из двоих, и оглушительно громко хлопает меня по заду, не прекращая вдалбливаться в сухое нутро.

Я стону, но не потому, что он так сказал, а потому что внутри все дико горит и печёт. Придатки и матка словно ссохлись и поскрипывают от каждого движения, а когда член входит до упора, живот пронзает болезненный спазм.

— Она хорошая девочка, — одобрительно гладит меня по голове второй. — Давай поменяемся, рот у нее так же сладок, как, наверное, и дырочка. Да? Она ведь сладенькая?

Слышится возня, плевков, и действие продолжается.

Мне хочется завалиться набок, потому что колени и локти натерлись до крови. Жесткая холстина, на которой я стою, отнюдь не шелковое покрывало, и это не упрощает и без того скверное положение, а они все меняются и меняются. Курят, смеются, и накачивают меня, накачивают...

Подняла голову, уставилась в зеркало — оно было покрыто мутными капельками, кое-где испачкано зеленой зубной пастой. Надо же, подумала я, — зеленая паста закончилась уже месяц как, неужели не убиралась с тех пор?

Со злой ехидцей всматриваясь в отражение: глядя на белое, как полотно, лицо, на губы, синие от холода, я решила, что в гроб определенно краше кладут.

А еще, нужно скорей убраться, срочно навести порядок — тогда и согреюсь, и разругаюсь.

Я отыскала желтые резиновые перчатки, натянула их на еще влажные руки, достала ведро, тряпки, большущий ящик с чистящими средствами, и работа понеслась.

Через час ванная комната была вымыта, выскоблена и вычищена, металлические вставки натерты до блеска.

В процессе я определенно согрелась, даже взмокла — то и дело пришлось утирать пот со лба локтевым сгибом.

Ползала на карачках и думала — откуда вокруг столько грязи, черт возьми? Особенно в никчемной жизни.

Еще спустя одну минуту, блистала кухня. Я вся пропахла хлором и другими едкими примесями, волосы прилипли к затылку, хоть основная их часть была скручена в бублик на макушке. Но, запах химикатов и прилипшая к спине футболка были сущей ерундой. Куда более важным было чувство удовлетворения от собственного труда. Хромированные поверхности блестели, все предметы интерьера находились по местам. Всё вокруг было идеально, ровно, начищено, глянцево.

Устроившись на высоком деревянном пороге с чашкой крепчайшего кофе, я наблюдала рассвет. Его было прекрасно видно из французского кухонного окна.

На востоке разлился сперва густо-сиреневый, едва различимый цвет на фоне темного неба, потом он быстро набрал обороты и стал меняться: из розоватого в красный, затем стал ярко-алым, оранжевым, багряным...

Я устроилась боком, оперлась ноющей спиной об стену, поднесла к лицу чашку с кофе — еще слишком горячим для глотка, но слишком ароматным, чтобы не вдохнуть. В ноздри, сквозь кофейное амбре пробился еще и запах резины — перчатки валялись неподалеку, пахли именно пальцы.

Усмехнулась.

Встречать новый, пока еще неторопливый день со старым грузом проблем, страхов, с отголосками былой боли, было так неправильно, что хотелось с удовольствием забыть обо всем, вычеркнуть, сжечь.

Но, не получалось. Если бы мне предложили стереть память, я бы согласилась не раздумывая.

Встречать умопомрачительные, тихие и божественные в своей великолепии рассветы наедине с собой, в ладу с собственным «я», когда нутро не сжимается от тревоги и страха, когда будущее видится безмятежным и счастливым — это так здорово! И так недостижимо.

А ведь когда-то эти чистые рассветы в моей жизни могли бы быть.

Уже после трагедии, случившейся с родителями, но до всего того дерьма, что случилось позже, я не любила предрассветные часы — думалось, что они самые мрачные, ведь крошечная тьма за окном только перед самым восходом.

Я не любила темноту, не любила одиночество.

Тогда приходилось вставать рано из необходимости попасть в университет к первой паре: не было времени задержаться у окна дольше, чем на три-четыре минуты. Нужно было успеть собраться, перекусить, и выйти пораньше, ведь все маршрутки по обыкновению битком. Оттого, чаще всего рассветы я пропускала.

Когда же выходила на улицу, солнце уже набирало обороты и обыденно-размеренно плыло по небу.

Из часа в час, изо дня в день.

Я топала к остановке, глядя под ноги, хмурилась и распихивала людишек локтями, силясь занять в транспорте более-менее удобное положение. За годы поездок мне оттапывали ноги, щипали за бока, отрывали пуговицы, мяли доклады, пачкали одежду, и я злилась, бурчала, что университет находится так далеко от дома, что нет своего транспорта, что приходится ездить в час-пик.

Глупая, кто бы мне сказал тогда — оглянись, солнце светит!

Только теперь, сожрав целую кучу гнуса, я поняла — это было лучшее время: благодатное, беззаботное. Там я еще могла улыбаться — лучисто, а смеяться заливисто, задорно.

Это была такая пора, когда кажется, что перед тобой — да что там, у самых ног лежит весь мир с его возможностями и открытыми настежь дверьми. И не случится ничего плохого, просто не может случиться! Ужасное происходит где-то далеко, в чужих домах, на незнакомых улицах, но не здесь — не с тобой.

Это было время наивности и юношеского максимализма. Я бы отдала все деньги, лишь бы туда вернуться. Вдохнуть неиспачканный предательством воздух, пройтись по спокойным улицам в умиротворенные предрассветные часы.

А еще... если бы удалось позаимствовать машину времени, вот бы вернуться в детство!

Заглянуть бы одним глазком, пережить снова один из былых деньков — да хоть тот, когда родители подарили мне первого питомца.

Это произошло задолго до студенческих будней — мне было около девяти лет.

Помню, что рисовала мультфильм. Да, не ленясь и не спеша, сцену за сценой, живописала «Кота в сапогах». Переводя пожелтевшие листы и высунув язык от усердия, я выводила карандашом рыжего, зеленоглазого котяру в залихватски заломленной шляпе с торчавшим белым пером, когда на кухню заглянул папа.

Помню, что он был в куртке — стояла зима, но дома было натоплено, жарко. Я сидела в футболке и колготках — домашних, с огромной латкой на пятке, и удивилась, что войдя на кухню, папа не снял верхней одежды.

— Дочечка, — позвал отец, и я подняла на него расфокусированный взгляд. — Я кое-что тебе принес.

— Что принес? — рисунки наскучили враз. Я обожала подарки.

Папа рассмеялся, из уголков его зеленых глаз разбежались лучистые морщинки.

— Точнее сказать кого. Смотри, — он распахнул куртку, полы стремительно разошлись, и из-за пазухи показалась остроносая мордочка с черными, влажными глазами.

— Тяф! Тяф-тяф! — увидев меня, пес залаял, а я завизжала и принялась бегать вокруг отца.

— Папа, кто это? Он останется с нами?

— Конечно, он твой. Кажется, эта порода называется карликовый пинчер, — говорил отец, но я, если честно, уже слушала вполуха, потому что игралась с малюсеньким псом.

Шерстка у него была песочного цвета, а на спине имелась более темная, почти черная полоса. Уши огромные, торчком, а мордочка треугольная. Он был до невозможного смешным, и я назвала его Басиком.

Мы жили в частном секторе, и животных во дворе было много — и другие собаки, и коты, но отчетливо запомнился именно Басик, а еще старый и мудрый, угольно-черный кот Васька. Помню, что как-то дверью прищемила Ваське хвост, а потом рыдала, вымаливая прощение — так мне было его жалко. Помню, он смотрел на меня своими неземными глазами, с узкими лезвиями зрачков, и нервно постукивал по ковру поврежденной конечностью. Когда же я стала подвывать и захлебываться — так отчаянно мне хотелось Васькиного прощения, он таки ткнулся мордой в мое мокрое от слез лицо.

Потом, годы спустя он ушел из дома — умирать, как сказала баба Надя, которой я пожаловалась на одиночество. И снова я рыдала, мечтая, чтобы кот вернулся...

Жаль, что машины времени у меня все же нет.

Есть воспоминания — вот такие, бессвязные и отрывчатые, но драгоценные, как истинные жемчужины. И достаю я их редко, в основном после ночных кошмаров. Осторожно рассматриваю, бережно перебираю, потому что боюсь испортить или потерять. Вдоволь погрузив, а чаще всего — поплавав, я прячу их обратно на задворки памяти, в лелеемый сундучок с надписью: «Детство, где папа и мама еще живы».

Понемногу справившись с ознобом от ночного кошмара, я попивала терпкий кофе, и смогла забыть кислый привкус досады, появившийся после дурного сна, на пряный, приятный.

Никуда не делась горечь от пережитого в старой кибитке, но я смогла собраться, сумела вышвырнуть из сознания желание броситься с двенадцатого этажа головой вниз.

Я знала, что через некоторое время снова приснится эта жуть, а в подкожной капсуле снова соберется гной, опять образуется нарыв. И снова я буду вычищать квартиру до блеска, обжигаться кофе и сожалеть об упущенных возможностях. Может, снова пойду мести заснеженные улицы, спасать бродячих котов от бешеных собак, но я вскрою свой нарыв сама.

Вымету из головы навязчивый бред о глотке коньяка, горячей ванне и острой бритве. Я вспорю свою боль раскаленным скальпелем — без чьей-либо помощи. Справлюсь. Забью голову чем угодно — предположительным месторождением новой золотой жилы, куплю деду на стрельбище новое оборудование или перееду жить на Аляску, но я отвлекусь, забудусь.

Потому что в жизни еще может случиться что-то хорошее, что-то стоящее. Вполне возможно, что я еще буду счастлива.

Я не поддамся мыслям о горсти снотворного. Потому что помню то отчаянное желание жить и дышать, появившееся, когда на летней поляне, мне ткнулось в грудь холодное дуло.

И я знаю, отчетливо знаю, что пожалею: несясь из окна со скоростью света, не успею моргнуть, но успею передумать: за миг до того, как меня расплющит сто миллионов

атмосфер, и голова, как перезревший арбуз расколется вдребезги на заснеженном асфальте.

Когда алкоголь сшибет страх и расширит сосуды, а горячая вода подарит ощущение невесомости, я буду смотреть на глубокие продольные борозды. Буду смотреть и хмельно отмечать, как быстро пульсирующими фонтанчиками вытекает густая, черная венозная кровь — сама жизнь. И успею обругать себя последними словами перед тем, как навеки отключиться, прокляну за то, что струсила, что сдалась.

А когда, запихнув в рот горсть противных, липнувших к нёбу, таблеток, проснусь через полчаса от дикой, разъедающей пищевод рвоты, то буду плакать горькими, крокодильими слезами и умолять вселенную дать мне еще один шанс: пожить, подышать, последний раз! Буду обещать и клясться, что больше никогда и ни за что не совершу ни единой глупости, только, пожалуйста, пожалуйста, пусть эта желтая пена перестанет литься изо рта! И будет чертовски, чертовски жаль, когда вселенная останется равнодушной. Когда даже самый главный инстинкт — самосохранения, не поможет достать мобильный из заднего кармана, потому что руки уже отнялись, а изо рта хлещет не пена, а какая-то жуткая липкая дрянь. И даже валяйся телефон под носом, и дежурь бригада скорой помощи за углом, все равно толку будет чуть. Потому что мозг умрет и я вместе с ним.

Я знаю всё это, потому что помню, как безгранично, истово, пламенно хочется жить перед самой смертью.

Рассвело.

Небо на востоке озарилось бледно-розовым цветом, окрашивая бледную, не успевшую уйти с небосклона, луну.

— Что случилось? — Третий присел на широкий порог, обнял меня за плечи.

— Все в порядке, — улыбнулась я.

Наверняка кривовато, но, думаю, что вполне уверенно.

— Ты что, мыла полы? — Третий недоуменно округлил глаза, когда наткнулся взглядом на ведро и перчатки.

— Было чертовски грязно, — покрутила носом я.

— Да? Я не заметил.

— В этом весь ты — не замечаешь гадости, даже если она находится у тебя перед носом.

— Порой ты говоришь такие несусветные глупости, — Третий сжал плечи, притянул к себе и поцеловал в висок.

Я на секунду закрыла глаза, а потом встала.

— Будешь кофе?

— Можно, но сначала в душ. Ты со мной?

После того, как я на карачках вылизала весь дом, мне определенно нужно было пойти в ванную.

И я отправилась — с ним.

В том, как раздевается мужчина — нет ничего сексуального. Раз, — долой футболка. Два, — он стянул с себя портки вместе с трусами. Три, — он наг и готов к дальнейшему действию. И все же, в этой безыскусной простоте есть что-то, от чего невозможно зажмуриться или отвернуться. По крайней мере, так было со мной, пока раздевался Третий.

Может, причина была в нем самом, потому, что тело его было безупречно: жилисто, упруго, с наличествующими кубиками и прочим добром, что приобретается ценой тренировок и правильного питания. А может быть, я не могла оторвать взгляда, потому что он смотрел на меня с первобытной жадностью: так глядят на то, чем до безумия мечтают обладать.

Я скинула легкий халат, медленно потянулась к застежкам бюстгалтера, услышала, как шумно Третий сглотнул — словно не видел меня обнаженной десятки раз. Будто только одним видом я вызывала у него повышенное слюноотделение — как конфета, что манит яркой оберткой, а потом сладко тает на языке.

Подняла на него глаза, прекратив раздеваться.

Я никогда не умела соблазнять. Да, именно так. Не была способна томно закатывать глаза, облизывать губы или, например, нарочито крутить попой. Искусство соблазнения было для меня недоступно, но не потому что я была неуклюжей медведицей или чопорной ханжой, не чувствующей куража. Отнюдь. Просто внутри имелась некоторая эмоциональная неловкость. Все эти кокетливые взгляды из-под ресниц, зазывные жесты и лишние телодвижения, казались мне со стороны чересчур искусственными, наигранными — уж лучше обойтись и не смешить народ, если не имеешь способности валить мужчин десятками — одним только взмахом ресниц.

Третий, со своим голодом в блестящих глазах, заставлял усомниться — так ли я нелепа, как привыкла думать.

Он протянул руки, обвел пальцами полушария груди, что виднелась из бюстгалтера. От его теплого касания по коже побежали щекотные мурашки.

— Золотая девочка, ты сводишь меня с ума, — руки его уже бродили за спиной.

Секунда, и верхняя часть белья упала на пол, а шершавые, но нежные ладони продолжили поглаживать спину: то кругами, то широкой дугой.

Я провела руками по его безупречной груди, спустилась к животу, утопила пальцы в мягкой дорожке волос, бегущей от пупка вниз. Третий хрипло рассмеялся:

— Это то, о чем я говорил — ты еще ничего не сделала, а я уже на пределе.

Он наклонился, поцеловал в уголок губ, спустился поцелуями по шее вниз — к груди. Обхватил губами напрягшийся сосок, от чего сердце мое затрепетало и забилося неровно, рвано.

Я зарылась руками в его волосы, потянула вверх, а когда Третий распрявился, поцеловала — влажно, изучая языком его рот, покусывая еще не зажившие губы. Он прижал меня к себе с силой, ухватив за ягодицы. Потеря напряженным пахом и от этого нетерпеливого движения ноги у меня натурально подкосились.

Мидас ухватил меня, усадил на стиральную машину, стянул трусики — не прекращая ласкать, посасывать мой язык. Я дышала через раз — так хотелось почувствовать его в себе, ощутить приятную тяжесть напряженного тела. Он провел ладонью у меня между ног,

хрипло выдохнул, почувствовав влагу на пальцах, потом притянул к себе, подхватив под коленки, и тягуче медленным движением скользнул внутрь.

Я не сдержалась — застонала.

— Да, не сдерживай себя, девочка, — одобрил Третий и втянул воздух сквозь зубы.

Плавно задвигался.

— В тебе так тесно и так непередаваемо горячо! Да, милая, кричи. Громче!

С каждым откровенным словом, что вылетало изо рта, Третий входил в меня порывистой, вбивался до упора.

Выводя узоры на его груди, я не сдерживала себя: кричала. Артем же принялся ритмично поглаживать клитор, и эти касания сводили меня с ума — распалили, разжигали, будили дремлющую лаву внизу живота. Я уже почти умоляюще хныкала, когда его средний палец скользнул вовнутрь и задвигался параллельно члену, а большой все продолжал тереться о пульсирующий комочек.

От разлившегося удовольствия я вскрикнула, а Третий двинулся плотнее, задевая внутри мифическую точку, ударяясь об нее каждый раз...

Палец ритмично терся. С каждым толчком дышалось все чаще, сердце колотилось в бешеном темпе, и я почувствовала томительный, набирающий обороты ком — он родился где-то в животе, зашевелился, задрожал, а потом вдруг лопнул, заполняя все внутри сладким, непередаваемо сладким теплом. Брызги этого тепла осели повсюду, пара вытекла из уголков глаз и побежала к вискам, а я все не могла перестать пульсировать и содрогаться. Не давая опомниться, Третий требовательно схватил меня за волосы, не болезненно — на грани острого удовольствия, прикусил нижнюю губу, лизнул подбородок и задвигался внутри так часто и глубоко, что шлепки эхом отскакивали от кафельных стен. Я не успела крикнуть и даже охнуть, как куда более острый, громадный ком прокатился по нервам и сокрушительно взорвался, затопляя все существо непередаваемым блаженством.

— Черт, как же потрясающе ты кончаешь, — на одном выдохе рыкнул Третий и замер, выпуская тепло из себя в мое нутро.

Я не могла собрать себя до кучи — растеклась, разнежилась. Шевелиться было абсолютно лень — невозможная истома не прошла, ноги дрожали, руки тряслись. Третий погладил мне коленки, поднял к потолку лицо — нахмуренное, еще хранившее отголоски оргазма.

— Ты сводишь меня с ума, — выскользнув из меня, он коснулся еще напряженного соска.

Я прикусила губу, чтоб не застонать.

— Наверное, поэтому ты говоришь мне всякие гадости, — голос был низким, и я кашлянула.

— Разве гадость сказать правду? Знаешь, что происходит, когда на тебя накатывает оргазм? Твоя и без того узенькая, горячая девочка сокращается, сжимая меня изнутри. Это непередаваемо сладко — по-другому просто не скажешь. — Третий расслабленно улыбался и настраивал воду в душе, пока говорил, а я почувствовала, как отчаянно краснеют щеки.

— Ты меня смущаешь, — уткнула пылающее лицо в ладони и услышала смех.

— Потрясающее начало дня. Ну, залазь под воду. Или тебя на руках отнести, принцесска?

Не давая ответить, Третий подхватил меня под коленки, стащил со стиральной машинки

и поставил под теплые струи.

Я фыркнула и брызнула на него водой — чтоб не зазнавался.

Смеясь, Артем забрался ко мне, где мы порядком наплескались, а также наласкались — неторопливо, пенно, тягуче-сладко.

Кошмарная ночь трансформировалась в прекрасный день. И это меня до сумасшедшего воодушевило.

Мы завтракали, не спеша и не суетясь. Тему, что словно дамоклов меч зависла над нашими головами, пришлось поднять именно мне. Не выдержала, потому что томилась неизвестностью и неопределенностью.

— Ты отправишься со мной? — спросила, лениво помешивая чай ложкой. — Поездка займет несколько дней. Плюс ко всему, я совершенно не представляю, как сделаю это.

— Ты действительно готова? — с искорками лукавства в глазах, поинтересовался Третий.

Сам он просматривал новости на планшете, пил кофе большими глотками. В целом его поза казалась расслабленной, а выражение лица — дружелюбным и открытым, но я уже научилась отделять зерна от плевел, и знала — это не более чем отрепетированный спектакль. Пьеса — для меня одной.

На самом деле он напряжен и рыщет взглядом по моему лицу, стараясь отыскать малейшие мимические подтверждения лжи, притворства. Гадает — в самом ли деле планирую убить своего мужа, либо же ловко вожу его за нос.

Я задумчиво посмотрела на Третьего, пожала плечами и ответила совершенно искренне:

— Не знаю, готова ли, но я сделаю это, потому что мне позарез нужны адреса тех двоих. Понимаешь, они нужны кровь из носу! — на последней фразе я свела брови на переносице — произвольно, только от мысли о заветных адресах.

— Понимаю. И да, постараюсь уладить дела за сегодня, чтобы завтра отправиться. Закажи билеты.

— Завтра? — как бы я не торопилась, это было слишком быстро. — Но я не знаю, как все сделать, и вообще...

— На месте разберемся. Не поднимай удивленно бровки, детка, Фортуна благоволит рисковому, — на этом Третий подмигнул и поднялся из-за стола.

Мне осталось только вздохнуть поглубже, и постараться унять дрожащие от накатившего адреналина, руки.

Пока убирала со стола, Третий быстро оделся и уехал по пресловутым делам.

Немножко помучившись, я позвонила деду и, не вдаваясь в подробности, сказала, что планы немного поменялись, и я приеду позже оговоренного срока. Рассказала, что пока — все в порядке, попросила не переживать и не бросаться на розыск. Спросила, в порядке ли он сам, на что мне было высказано много красочных деталей. Вроде той, что я — гадкая девчонка, что молодежь не имеет никакого уважения к старикам, что на стрельбище

появился новый завсегдатай, и дед намерен перекрутить его на фарш, а затем отдать тот в виде тефтелек своим алабаям. Расспросив Виктора о новичке, выяснила, что желание скормить паренька собакам появилось из-за того, что доморощенный Ворошилов прострелил дедову теплицу, и с перепугу чуть не убился сам, когда удирал от хозяйского гнева. Я рассмеялась, представив себе такое эпичное зрелище. Мы еще немного поболтали, я передала собакам привет и пообещала звонить чаще. Попрощавшись с дедом, прошлась по квартире, чувствуя, как волнами накатывает волнение.

Ноутбук стоял на столе, манил ярким экраном. Зазывал зайти на сайт и одним кликом заказать билеты, но я медлила.

Я сто раз обдумала принятое решение, стараясь не допускать никаких сомнений. Но, нет-нет, а ёкало сердце, закрадывалась предательская, трусливая мыслишка откреститься от задуманного, пока не поздно.

Мечась по комнате, я подумала, что так и спятить недолго: одна часть меня подталкивала к компьютеру, другая советовала бросить дурную затею к чертям собачьим. Всё же, я поддалась безумию. И заказала билеты.

Из-за непогоды авиа-рейсы были отменены — надвигался шторм, пришлось брать два билета поездом. Передвигаться железной дорогой было много дольше, но если задержаться здесь еще на день, в голове снова может поселиться зернышко сомнения, а этого мне было никак не нужно.

Третий мои опасения чувствовал кожей, поэтому на железнодорожный путь согласился без всяких разговоров.

Вечером того же дня мы наспех собрали сумки и через несколько часов уже ели курицу-гриль, запивая ее сладким чаем из высоких стаканов в железных, кованых подстаканниках.

При въезде в родной город ничего внутри не дрогнуло, сердце не забило чаще — и понятно вроде бы: вокзал, суета, реки уходящих вдаль рельс, монотонный перестук колес и неразборчивый голос из динамиков — от чего взволнованно дышать? Подумала, что замрет что-то в груди, когда поглазею в окно на проспекты, когда пройду по улицам...

Но нет.

Смотрела вокруг и ничего не узнавала — не хотела узнавать.

Этот город стал ассоциироваться только с болью и саднящей досадой, что засела под кожей толстой занозой. Здесь погибли мои родители, тут меня изнасиловали, в этом месте меня предал самый дорогой человек.

Оглядывалась, смотрела вокруг и как впервые — видела. Приграничный городок, не большой и не маленький, полумиллионный, он на удивление ярко пестрел контрастами. Рядом с уныло-серыми девятиэтажками ютились одноэтажные домишки — где-то покосившиеся, с залатанными крышами, где-то крепкие, с новенькими окошками. Лаяли собаки, на заборе то тут, то там «висели» подвыпившие граждане, и складывалось однозначное впечатление — здесь царство нищеты и запустения, но завернув за угол, взгляд

упирался в новенький торговый центр или шикарный особняк в стиле барокко, и такое соседство сбивало с толка. Как только это разнообразие раньше не бросалось мне в глаза?

Словно и не прожила тут долгую жизнь — все чужое: и дома, в основной массе серые, невзрачные, и люди — однообразная унылая толпа, одетая в темные одежды. Шапки, пальто, пуховики, сумки и перчатки — сплошь черная цветовая гамма. Будто повсеместный траур, поглотивший нацию: ни единой яркой детали, ни одного цветового пятна. Спешащие люди, иногда со скорбными выражениями на лицах, порой со зло поджатыми губами, они казались ненастоящими — ведь не могут быть все, как один.

Впечатление усугубляла погода: низкое свинцовое небо, грозящее вот-вот разразиться мелким противным дождем, а то и колючим снегом, северный ветер, пробирающий до костей, заставляющий ежиться и зарываться носом в шарф.

На фоне серости и холода убогость строений и однообразие, скудность, отсутствие индивидуальности — казались фантазмагорией.

Я передернула плечами, закрыла на мгновение глаза, вдохнула глубже обычного. Прохладный, влажный воздух прояснил мысли. Вспомнила, что приехала сюда отнюдь не критиковать архитектуру и чужие вкусы.

Словно поймав меня на предательской мыслишке, Третий вдруг пристально посмотрел в глаза, будто искал в них сомнения или проблески жалости. Я улыбнулась, не знаю, насколько искренне, может, чуточку вымученно — дорога утомила.

Я знала, что Третий наблюдает, готовится в любую минуту услышать мое отчаянное «передумала». Он не понимал, что как бы я не терзалась и не мучилась, не отступлю.

Есть люди, для которых намеченная цель — основной приоритет, краеугольный камень. Я — такой человек, и если на пути к цели придется лгать, делать невозможное лицо, убивать, то я пойду на это. Не с легкостью на душе — если хоть кого-то это сможет утешить. Вполне возможно, сама сожру себя после содеянного, но сделаю всё, что нужно.

Третий не знал, не верил, что я настолько хладнокровна. Не предполагал, что в скором времени его ждет небывалый сюрприз.

Мы сняли номер в гостинице, быстро распаковали нехитрые вещички, вымылись с дороги.

Я заказала кофе в номер и пока его варили, сгрызла ноготь на указательном пальце левой руки. Черт возьми, не подозревала, что нападет такой мандраж — впору было успокоительное пить, потому что сердце уже тогда колотилось в горле, а я ведь еще не знала, как буду осуществлять задуманное.

Третий вышел из ванной с влажными еще волосами и пока одевался, посматривал с большой долей иронии.

— Что, струсил, зайчишка серенький? — улыбнулся Мидас совершенно неуместно, словно имел в виду катание на горках, а не убийство.

Я предпочла пожать плечами, но руки от лица убрала подальше — чтоб не изгрызть все ногти — при таком-то внимании.

— Как ты думаешь поступить? Набросишься на бывшего и задушишь голыми руками, а потом сошлешься на состояние аффекта? Или нет, ты заколешь его ржавым ножичком из

тех, которыми шпарты открывают. Угадал? — Третий глумился совершенно непостижимым образом, но это возымело интересный эффект.

Я вдруг совершенно успокоилась. И решение, что было мною принято в тот миг, показалось правильным, логичным.

— Осмотримся сперва, — буркнула в ответ, чтоб не расслаблялся.

Принесли кофе, который мы пили второпях.

Третий продолжал посматривать с ехидцей, словно не верил мне ни на грош. Я решила пропускать мимо ушей эти его прибаутки.

На улице смеркалось — прибыли мы под вечер, пока купались и вовсе сумерки на плечи опустились.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался Третий, когда вышли на улицу.

— Мы идем в гости к моему мужу, — ответила я, пряча лицо от ветра.

— С ума сошла! — восхитился Мидас, и вдруг засмеялся. — Ладно, посмотрим, что выйдет из этой сумасшедшей затеи.

А ведь затея, в самом деле, была сумасшедшая.

Убить человека только потому, что кто-то так хочет, и взамен получить возможность убить еще двоих.

Мы шагали по городу — размеренно, будто бы и не торопясь. От гостиницы до моего бывшего дома было всего пять остановок, поэтому, не сговариваясь, отправились пешком. Третий город знал не хуже моего, поэтому ориентировался споро, и никаких лишних вопросов не задавал. По пути я зашла в аптеку, как раз разболелось горло. Третий остался у входа — покурить. Провизор отпустила мне пастилки, даже не взглянув в лицо — видно, озабочена была чем-то.

До моего дома оставалось метров сто, и ноги туда идти отказывались, поэтому я все замедляла шаг, замедляла, и вышло так, что вроде бы не иду уже, а натурально плетусь, почти, что на месте перетаптываюсь.

Стоит ли говорить, что такое ребячество подняло Третьему и без того неплохое настроение.

В окнах бывшей квартиры горел свет. Не могу сказать, что почувствовала, когда увидела это. Были видны бежевые плотные шторы в зале — я покупала их, когда мы съехались, но еще не расписались. Сколько времени прошло, сколько произошло событий, в корне меняющих и характер, и душу, а шторы — надо же, всё те же.

— Я позвоню в дверь, а ты — приготовься. Когда Вадим откроет, твои действия будут зависеть от его реакции. Пустит в квартиру — замечательно. Если же — нет, тогда сделай так, чтоб пустил. Зазноба его — живет отдельно, но вполне может коротать время и у него. Сделай так, чтоб не пищала, если выйдет вслед за Вадимом.

Мы стояли у подъезда, я крутила на пальце ключ от домофона — он так и остался на связке ключей. Не думала, что пригодится — но, вот ведь как.

Третий на инструктаж отреагировал забавно — округлил глаза и приложил кулак к

груди.

— Будет сделано.

— Хватит валять дурака, — разозлилась я, потому что не до шуток было, ой как не до шуток.

Беда Третьего была в том, что он так и не понял, что я серьезно. Он продолжал думать, будто я струшу и убегу, едва к звонку потянется рука.

Я поднесла серый пластиковый кругляшок в форме медиатора к кодовому замку, и тяжелая дверь отворилась с небольшим писком.

В подъезде пахло знакомо — тетя Валя с первого этажа к вечеру жарила для мужа картошку, и дух стоял на весь этаж. Сколько помню, муж тети Вали вечером ел картошку — ею пахло из окон летом, а зимой запах сочился в подъезд...

На второй этаж поднялись мигом. И вот она — знакомая железная дверь с круглым набалдашником на ручке. Коврик у двери яркий.

Все, как и было несколько лет назад.

Третий поглядывал на меня с любопытством, и в его глазах так и мелькали искорки неверия пополам с ехидством. Но, не смотря на веселье, видно было, что он подобрался, настроился.

Я не стала тянуть, просто взяла да и зажала пальцем звонок. Трель раздалась на всю площадку. Кивнув головой — то ли в знак уважения, то ли просто, потому что мышцу потянуло, Третий встал рядом и приготовился действовать.

Дверь открыл Вадим.

Окинул нас быстрым взглядом и глаза его при этом натурально округлились, из чего я сделала вывод — не ожидал. Воспользовавшись секундным замешательством, я потеснила бывшего мужа и зашла в квартиру, Вадим, не ожидавший такого поворота, пошел за мной, наверняка, с намерением разразиться гневной речью. Третий двинулся за ним.

— Что тебе надо? — очнулся от первого удивления муж, когда я уже находилась в зале.

— Я пришла за вещами. Все добро, что мы нажили, просто не могло уместиться в те две скудные сумки.

Обернулась к мужу и посмотрела на него — отстраненно, как будто со стороны.

Мой бывший — красавчик, который знает себе цену, оттого самолюбив и чрезмерно горд. За прошедшее время он почти не изменился, разве что стрижку сменил и немного похудел. Наверное, его новая зазноба не печет грибные пироги и не запекает мясо с овощами. Не изобретает новенького меню на каждый вечер, чтоб ни дай боже, не повториться. А я, как дура — так старалась, голову морочила, что бы он потом плюнул мне в лицо.

Это все подумалось как-то мельком и осело на задворках сознания.

Эпицентр мыслей роился вокруг дела, за которым мы прибыли. Конечно, это был отнюдь не поход за вещами.

Но, бывший этого не знал, оттого и надул щеки.

— Что-то не припомню никакого нажитого добра. Разве что ремонт за общие деньги делали, а обставлял квартиру я сам. Или ты за окном пластиковым пришла, да еще и любовничка своего прихватить не забыла? Для моральной поддержки, так сказать, — злоба в голосе Влада так и хлестала.

Будь я менее черствая, наверняка бы прочувствовала.

Сам бывший стоял посреди коридора и выглядел скверно, по моему мнению: лицо побелело, глаза сузились, руки в кулаки сжались, того и гляди — кинется драться.

Третий за спиной Влада расслабленно оглядывал коридор, будто ему скучно было: руки небрежно сунуты в карманы брюк, губы вот-вот начнут насвистывать мудреный мотивчик. Весь вид его говорил о том, что он — простой зритель и принимать участие в надвигающемся шоу не намерен.

Ничего из увиденного не повлияло на меня.

Злость мужа не напугала и не обидела, как могло бы сделаться, люби я его хоть немного. А поскольку чувства испарились, смотреть на гримасы чужого уже человека, было немножко неприятно, только и всего. Равнодушие же Третьего вообще не отозвалось и тенью эмоций, ибо я знала — напускное всё. Знала, что стоит Вадиму опасно приблизиться, Третийотреагирует незамедлительно. За некоторое время я хорошо изучила Артема, и не сомневалась в том, что сделала правильные выводы.

В целом, стоя тогда в квартире бывшего мужа, я чувствовала себя на удивление спокойно — переживания и сомнения отступили, едва нога моя переступила порог прежнего жилища.

— Не стоит волноваться, — ответила бывшему. — Я пришла за мелочами вроде забытой тут маминой цепочки и за своей любимой чашкой.

— Вся эта чепуха выброшена в мусоропровод еще несколько лет назад, — злобноотреагировал Вадим.

— Да? Ты не против, если я осмотрюсь — вдруг осталось что-то ценное сердцу.

— Две минуты, — решил Вадим. — И убирайся, давай отсюда поскорее. Вообще странно, что ты пришла за хламом спустя столько времени. Думала, что я буду его для тебя хранить?

— Я что-то не понял, — подал голос Третий, и сделалось так тихо, что слышалось движение секундной стрелки на часах в зале. — Злата, ты что — плохо с мужем рассталась? Почему он ведет себя так, будто ты ему что-то должна? — Третий намеренно игнорировал Вадима, обращаясь только ко мне, и это не могло не задеть такого самовлюбленного человека, как бывший муж.

— Кому-то стоит держать рот закрытым, пока этот кто-то стоит в моей квартире, — Вадим полуобернулся к Артему и они схлестнулись взглядами.

Я не стала ждать развязки и подчеркивать, что половина этой квартиры — моя, потому что куплена была вскладчину, после продажи родительского дома. Промолчала и отправилась по делам.

Не знаю, чего ждал Третий, может, думал, что я достану из сумочки пистолет и пристрелю бывшего, подняв тем самым на уши весь дом, или что выйду из кухни с ножиком наперевес (тем самым — шпротным), и попру на здорового мужика, аки заяц на медведя,

не знаю. Надеюсь, Третий думал обо мне чуточку лучше и не полагал, что мой интеллект равен разуму пятилетнего ребенка. Потому что даже удайся мне победить мужа в рукопашной, или, напав незаметно — без криков и возни, я слишком испачкалась бы, слишком наследила бы. Всего было бы — слишком.

Оттого, не знаю — разочаровала ли, порадовала своего друга, но я посетила ванную, после задержалась на кухне, и спустя минут пять вышла к мужчинам, как ни в чем не бывало — спокойная, безоружная.

— Мы уже уходим, — поторопилась внести ясность, пока они не кинулись друг на друга.

— Прекрасно, — прошипел Вадим. — Больше не приходи.

Я обернулась, посмотрела на него внимательно — знала, что последний раз видимся.

Кивнула.

Больше не приду. Мне больше нечего делать в этой квартире, в этом городе.

Взглядом показав Третьему на двери, вышла, и, не оборачиваясь более, спустилась по лестнице.

— Что это было? — догнал у крыльца, Артем.

Он был слегка взъерошен, но в целом не так уж и зол, как я думала.

— Нам пора обратно, — игнорируя удивление в голосе спутника, я зашагала в сторону гостиницы.

Собирались молча.

До вокзала, а потом, устраиваясь в купе, тоже не разговаривали. Когда поезд тронулся, я легла на нижнюю полку и закрыла глаза.

Влажное белье приятно холодило затылок. Было замечательно ни о чем не думать — покачиваться в такт перестуку, мерно забываться под этот нерушимый ритм.

Не размышлять о том, что я только что сделала.

Продажная, мстительная сука, я ведь убила его.

Убила.

Перед глазами, даже с закрытыми веками, плавали разноцветные пятна.

Затошнило.

Третий забарабанил по столику пальцами, чем отвлек меня от ощущения подступающей к горлу желчи. Через минуту я стала раздражаться и приготовилась разразиться руганью, поэтому рефлекторно сглатывала горечь обратно в желудок.

— Хватит, — не выдержала, когда он забарабанил какой-то узнаваемый ритм, напомнивший мне «Кукушку» Цоя. — Ты мешаешь мне спать.

— Да? — поднял брови Артем.

Я не видела его, но по голосу, интонации, точно знала, что сделал он именно так.

— Если не ясно, то я жду хотя бы каких-то объяснений. Мы притащились сюда — черт знает куда, в забытый богом городок, чтобы ты что — зашла к мужу повидаться? Напомнить тебе, что должна была сделать? — с каждым сказанным словом, Третий начинал злиться все больше.

— Отвяжись, — подскочила я на полке, чуть не протаранив лбом верхнюю. — Я сделала.

— В самом деле?

— Да!

— Что-то я не заметил.

— Слушай внимательно и хорошенько пораскинь мозгами, ладно? — издевательски начала я. — Все элементарно Ватсон, проще простого! У Вадима на кухне большая коллекция вин. Его любимое — страшная сладкая гадость, которую никто больше не пьет. От этого вина задница слипается, столько в нем сахара, но муж употребляет его регулярно — каждую пятницу, три бокала за присест. Так вот, в аптеке был куплен шприц и средство для гипотоников, которое быстро, в разы повышает давление. Сейчас препарат — в ополовиненной бутылке. Весь, до капли.

— Все гениальное — просто, — кивнул Третий и посмотрел внимательно, будто впервые увидел.

— Сегодня вторник, так что до пятницы порядком времени, и алиби, если потребуется, мы обеспечим, — я отвернулась, переводя взгляд на свои руки.

Они дрожали.

— Думаю, никто никого подозревать не будет. Подумай сама: мужчина за тридцать, трудоголик, изрядная доля спиртного, скачок давления, препарат, скорее всего, растворится в крови. Даже разбираться не станут, — Третий почесал бровь и сказал: — умно.

Ответить мне было нечего, поэтому я промолчала.

В воскресенье вечером позвонила Марина. В самом звонке не было ничего странного — обычно в это время мы и созванивались, но едва из ноутбука послышалось веселое «бульканье», сердце натурально провалилось куда-то вниз.

Всю неделю я мучилась кошмарами — снилось всякое: то, как жили с Вадимом, как расстались. Одна часть сознания извелась, не единожды пожалела, что пошла на поводу у Третьего, другая смиренно ожидала известий.

Артем, чувствуя мое настроение, на удивление был покладист, не донимал больше обычного, оставляя за мной расширенную зону комфорта. На такое благодушие я еще больше злилась — не то чтобы винила его целиком и полностью, нет, скорее, он раздражал спокойствием, которым я похвастать никак не могла.

Марина выглядела скучной, сонной. Под глазами залегли тени, кожа будто потускнела, хотя, вполне возможно, это был огрех освещения.

— Привет, — улыбнулась я, с трудом разжав онемевшие враз лицевые мышцы.

— Привет, Златка, — кивнула подруга.

Она опустила глаза и уже тогда я всё поняла. Что-то внутри оборвалось, стремительно полетело вниз, а потом разбилось на мелкие осколки. Было ли это «что-то» сердцем, совестью, чувством вины, не знаю.

— Что случилось? — спросила, ощущая, как от лицедейства к горлу подступает горечь.

Маринка подняла глаза, попросила:

— Только не плачь!

А потом сказала, что Вадим умер.

— Инсульт, — развела она руками, а потом обхватила себя на плечи, — лопнул сосуд, смерть произошла почти мгновенно. Он потерял сознание, любовница вызвала скорую, но врачи сделать уже ничего не смогли.

Говоря, Маринка плакала, а я застыла. Моргнуть не смогла, так сухо сделалось в глазах. Пошевелиться, сделать что-то, сказать — была не в силах.

— Перезвоню завтра, — сказала подруга, видя, что я окаменела.

Она отключилась, а я еще некоторое время смотрела на белый экран.

Вздрагнула, когда Третий опустил руки на плечи.

Молчал, а я готова была взорваться от пустоты, которая накатила, затопила все внутренности. Ненавидела себя — в тот момент ярко, как никогда.

— Зачем это было нужно? — потрескавшимися от сухости губами, спросила у Третьего.

— Чтобы сжечь все мосты, — глухо ответил он.

Этот ответ вызвал бурю протеста. Тряхнула зло плечами, сбрасывая его руки, встала.

— Тогда нужно еще убрать Маринку? Бывших коллег по работе? — закричала в лицо, взмахнула руками.

Невозмутимость его дала трещину, на одно мгновение, но я успела увидеть — Третий был раздражен, взволнован.

— Не говори ерунды, — сказал резко, — если ты не понимаешь элементарных вещей, то я не намерен показывать тебе все на пальцах.

— Да пошел ты! — крикнула я в ответ и ушла, напоследок заперевшись в комнате.

Следующие дни проплыли в непроглядном тумане. Я лежала в постели, переживала, как могла, смерть Вадима — плакала и просила прощения, зная, что он никогда не услышит.

Третий не беспокоил меня, только приносил еду, а потом сразу уходил.

На похороны не поехала — знала, что не выдержу. Чувство вины было таким острым, что впору было вскрывать им вены.

Еще через несколько дней Третий принес адреса.

Я сидела на подоконнике, Счастливчик скрутился бубликом под согнутыми в коленях ногами, утешал, как только мог: грел теплым мехом, урчал и щекотал усами.

Третий вошел без стука, давая понять, что безмолвный траур окончен. Посмотрел на меня, на убранную комнату — в последние дни я не знала, куда себя деть, вот и трудилась, а потом протянул согнутый пополам лист.

Теперь адреса мне были нужны даже больше, чем раньше — я должна была завершить задуманное, доказав себе, что смерть Вадима была не напрасной, не пустой блажью спятившего любовника.

Взяла лист, развернула. На нем было три адреса — два в столбик, а третий особняком — под жирной чертой.

Подняла глаза на Третьего — он следил за мной с наигранной ленцой во взоре.

— Поймешь, — ответил он, а потом вышел, тихо затворив за собой дверь.

Я собралась в рекордные сроки, да и что там было, тех вещей — небольшая сумка и перевозка с котом.

Третий что-то варил на кухне, не обращая на мою возню никакого внимания — знал, что будет так. Не мог не знать, что сбегу сразу, как только заветная бумажка окажется в кармане.

На улице крупными хлопьями шел снег. Календарная зима подходила к концу, но в северном краю ей царствовать еще долго, вот снег и укрывал землю, напоминая, что рано ей еще просыпаться.

Я постояла на крыльце, послушала тишину, подышала морозным, чистым воздухом. Вернулась в дом — на этот раз необходимо было попрощаться. Сжечь мосты, как сказал Третий, чтобы некуда было возвращаться.

Он обернулся, держа в правой руке ложку, а потом отложил ее в сторону и повернулся всем телом. Глянул выразительно — вопросительно выгнув бровь.

— Не обманул? — спросила, прислонившись головой к дверному косяку.

— Нет, — просто ответил он, покачав головой, — там подлинный адрес.

Третьему было не обидно от того, что я подозревала его во лжи. Думаю, больше его задевало, что не пожелала остаться с ним на положенные полгода.

Мне нечего было больше сказать, и оттого трижды успела пожалеть, что вернулась проститься, но, продолжала стоять и смотреть. Впитывать его настроение, запоминать черты, силу, которой он был наделен, и которая сквозила в каждом жесте.

Третий был важной фигурой на шахматной доске моей жизни — ему довелось сыграть судьбоносную роль, он выступил почти что богом, сначала спася меня от смерти, а потом, заставив отобрать чужую жизнь. Наверное, поэтому я чувствовала к нему что-то необъяснимое, не поддающееся расшифровке, не имеющее названия.

Третий был опасным, слишком опасным человеком. Он был чересчур сильным, странным для обычной жизни, где положено исполнять привычные роли — играть в мужа и жену. Для него эти социальные каноны были пустым местом — он говорил «хочу тебя» или «ты убьешь своего бывшего мужа», а потом как ни в чем не бывало, готовил мясной соус, разжигал огонь в камине и доводил до исступления ласками, прикосновениями рук, губ, языка.

Он был другим, отличимым от основной массы мужчин, и эта его особенность манила меня, как манил огонь глупых мотыльков.

— Что застыла? — насмешливо спросил он.

Улыбнулся криво, любимым жестом выгнув бровь.

— Я ухожу, — сглотнув, ответила я, отлепившись, наконец, от дверной лутки.

— Заметил, — кивнул Третий, — скатертью дорожка.

— У нас был уговор, — напомнила я, — что ты поможешь.

Третий рассмеялся, закинув голову к потолку.

— Я тебе уже помог, — сказал, отсмеявшись, — катись.

Мне было, что сказать в ответ, но я не стала зря сотрясать воздух. Ушла, напоследок

отсалютовав Третьему и заметила, как он усмехнулся в ответ.

Настроение было на удивление приподнятым. По дороге в город даже подобрала голосующего на обочине попугайчика. У парня сломалась машина, а ехать нужно было срочно: он объяснил, что ждать эвакуатора, не всегда выезжающего на вызов вовремя, возможности нет, поскольку время дорого, и я, пожалев, незнакомца подобрала. Веселый паренек в знак благодарности рассказывал анекдоты, нахваливал внешность кота, а тот, с присущим ему смирением, терпел поглаживания и потискивания.

Уже в черте города, высадив нового знакомого около метро, заехала в супермаркет за продуктами.

Такую неспешность, неторопливость даже, оказывала бумажка, что покоилась во внутреннем кармане пальто. Как остается нетронутой вишенка на торте, а самая вкусная конфета припасается для конца чаепития, так и я оттягивала главное, зная — теперь ничто не помешает совершить задуманное.

И все же, час настал. Квартира была убрана, ужин приготовлен и частично съеден. В интернете я загуглила адреса, отметив их на карте.

Первый жил в соседней области, в крупном городе.

Второй на юге, практически рядом с моей родной станицей. Третий адрес — не имеющий ни улицы, ни номера дома, оказался больше похожим на координаты и те так же располагались вблизи моего бывшего пристанища.

Около полугода назад.

Город, в котором жил Первый, не отличался от областных собратьев — был таким же серым, хмурым и безликим. Я глубже надвинула капюшон и заспешила к метро.

Плана как такового у меня не было — думала понаблюдать несколько дней за распорядком Первого, а потом уж решить, как действовать.

Остановилась в простом отеле, окна которого выходили на транспортную развязку — поближе к заветному дому. Даже сидя у окна, я могла видеть жилище врага, пусть и находившееся в некотором отдалении.

Дня через два, терпению пришел конец, потому что Первый не появлялся. Признаться, я даже засомневалась — верные ли адреса написал Третий.

В груди заныло от воспоминаний и от возможного предательства. Стиснуло так, что пришлось присесть. Непослушными руками взяла телефон и набрала заветный номер.

Он поднял трубку едва ли не на последнем гудке.

— Слушаю, — сказал веселым голосом.

На заднем плане послышался звон бокалов и женский смех.

— На чертовой бумажке настоящие адреса, или когда ты их писал, что-то в твоей голове снова переключило? — зло поинтересовалась я, имея в виду его переменчивую натуру.

— А, это ты, — лениво протянул Третий, — я занят.

Мне пришлось проглотить грубость, хотя зубы закрипели явственно.

— Ответь честно, — вздохнув, выдавила я.

— Да настоящие они, что тебе еще? — повысил голос Артем, а потом добавил: -

Говори быстрее.

— Ничего, — буркнула я, и вызов сбросила.

Казалось бы — нервничать не из-за чего, но в тот миг я почувствовала громадное напряжение, а еще — отчетливое желание убивать.

В доме по нужному адресу жила женщина, вполне годящаяся Первому в матери. Утром она спешила на троллейбус, а вечером неторопливо брела к дому, уныло глядя под ноги.

В один из вечеров я не выдержала — заявила в гости. Чем такое поведение могло грозить — бог знает, но сидеть и смотреть, как ничего не происходит, я просто не могла.

Когда открылась дверь, я не дала возможности хоть что-то сказать. Нахмурилась и сурово доложила:

— Из военкомата.

Спасибо погоде — теплая куртка не позволяла рассмотреть — есть ли под ней форма. Впрочем, женщина даже не поинтересовалась ни удостоверением, ни званием, да и личностью в целом. Она вздохнула, скрестила руки на груди и устало спросила:

— Что еще вам надо?

— Предъявите документы, — нагло потеснив женщину, я протиснулась в прихожую.

Она растерялась и обернулась на стационарный телефон, стоящий на комод

поблизости.

— Я полицию сейчас вызову, — сказала неуверенно.

— Я сама полиция, — напирала я, не давая опомниться, — покажите список прописанных по этому адресу граждан.

Пока женщина хлопала глазами, я заметила фотографию в ажурной рамке — она стояла на полке рядом с комодом. На снимке молодой парень сидел на корточках в обнимку с высунувшей набок язык овчаркой. Сам мужчина улыбался залихватски — видны были и ямочки на щеках, и искрящиеся весельем глаза. Только у меня, от взгляда на фото, мороз по коже пошел. Разом заныли давно зажившие царапины, ушибы, укусы. Засосало под ложечкой от скрутившегося в животе страха. Я хорошо помнила, какой обманчивой может быть эта улыбка, и каким жестоким умеет быть обладатель этих веселых глаз.

На снимке без сомнения был Первый, только лет на пять-семь моложе, чем я помнила.

Пока я шарила глазами по другим фотографиям и пыталась справиться с накотившей паникой, женщина принесла паспорт и, пролистав книжку, сунула мне ее под нос.

— Здесь прописана только я и Миша — сын. Но вы и так это прекрасно знаете! Это из-за вас он не возвращается домой! — в голосе было столько отчаяния и боли, что я отступила на шаг к входной двери.

Попытавшись вернуть былую наглость и уверенность, сдвинула брови к переносице и поинтересовалась:

— В чем дело?

Женщина шмыгнула носом, но разом взяла себя в руки — подбоченилась и яростно прошептала:

— После вашей чертовой армии он остался работать по контракту в пограничных войсках — или как это там у вас называется. А потом, домой так и не вернулся. Исчез! — с этими словами она вдруг с немалой силой схватила меня за руку и вытолкала за дверь. — Ненавижу! — крикнула напоследок, а потом я услышала удаляющиеся всхлипы и причитания.

По дороге к гостинице меня била крупная дрожь. Непонятно — впечатлилась ли я слезами безутешной матери, воспоминаниями бесчинств ее сына, или же разочаровалась в том, что своими руками отомстить уже не смогу...

Третий трубку не брал, хотя я звонила почти непрерывно. В скором времени телефон вообще оказался выключенным — оператор бесстрастно говорила мне о недоступности абонента.

В номере, едва успела переступить порог, на меня накатило — да с такой силой, что я забилась в угол и закрыла голову руками.

— *Смотри, как стонет, а?* — засмеялся Второй и грубо схватил за волосы.

— *Слышу-слышу, — вталкиваясь вовнутрь, пробубнил Первый, а потом достал член и, потеснив напарника, провел им по губам. — Давай-ка, не глупи, открывай рот. Ну, как, нравится? Шире рот открой, и голову запрокинь. Да, вот так, — бормотал он. — Да, да, вот так.*

Второй, сплюнув на пальцы и сунув их между ног, где уже саднила и кровоточила рана,

занял место Первого...

Приступ длился около пары минут, но мне показалось — вечность! Вот так — наяву, а не во сне, этого не случалось уже очень-очень давно. Я и забыла, как страшно переживать заново ужас, беспомощность и то самое ощущение подчинения — когда готова умереть, только бы всё прекратилось.

Колкие слезы текли по щекам, а я размазывала их и не могла взять себя в руки. В душе разгорелась такая ненависть, такой силы злоба, что ногти впились в ладони до кровавых лунок. Вскочив, я заорала, что было сил, и скинула на пол подвернувшийся под руку торшер, швырнула сумку в противоположный угол комнаты. Я орала и крушила всё, что могла достать, опомнившись лишь тогда, когда в двери настойчиво постучал администратор.

— В чем дело? — поинтересовался извне женский голос.

— Все в порядке, — прохрипела я и прислонила голову к двери, — весь ущерб оплачу.

За дверью потоптались, но через пару минут сопение стихло, и я поняла, что осталась одна.

Счастливчик выполз из-под кровати и теперь сидел копилкой на подоконнике, смотря ошалелым, круглым глазом — такой буйной кот еще меня не видел.

— А ты думал что? — сиплым голосом спросила я. — Я тебе давно говорила: мне лечиться надо.

Со Вторым получилось приблизительно так же — пока я наблюдала за подъездом, он не объявлялся. Квартира вообще казалась необитаемой — в окнах не горел свет, в почтовом ящике скопилась кipa квитанций. Соседи по площадке только разводили руками — о жильцах в нужной мне квартире информации у них не имелось, потому что соседи сами были новичками: кто снимал жилье около года, кто въехал буквально на днях.

Спустившись на первый этаж, я увидела бабульку в широкополой шляпе, надетой на пуховой платок. Она стояла около приоткрытой двери и крепко держала в руках старого серого кота, в глазах которого сосредоточилась вся печаль мира.

— Здравствуйте, — кивнула я, намереваясь пройти мимо.

— Это ты, шголь, Вовкой интересуешься? — прошамкала бабуля.

В ответ я кивнула:

— Да, он денег мне должен.

Бабуля еще тесней прижала к боку кота, от чего тот недовольно мявкнул, покосившись в сторону родной квартиры. Женщина же махнула свободной рукой:

— Непутевый был. Морда наркоманская: глаза вечно косые, злые, штаны вечно на коленках дырявые, — старушка посмотрела на мои джинсы, но, не увидев там ни латок, ни дыр, продолжила более спокойно: — не видать тебе своих кровных.

— Отчего же был? — прислоняясь к перилам, спросила я.

— Так сгинул он — сестра его уже почти похоронила. Квартиру вот сдавать надумала — опять возьмет идиотов каких-нибудь, будут мне над головой топтать.

— Как похоронила? — прижала я руку к груди.

— С границы не вернулся. Говорят, весь их отряд то ли в болота угодил, то ли еще напасть какая приключилась — из троих никто домой не возвратился. Пропали без вести.

— Да вы что! — снова ахнула я. — А полиция что? Руководство штаба?

— Ай, — махнула рукой старушка и поправила съехавшую на лоб шляпу, — оно надо им, искать? Бумагу выдали родным, плечами пожали — дескать, всякое на службе бывает, и тью-тью. Никому не надо — голову сильно морочить.

— Ясно, — с мнимым сожалением протянула я, потихоньку спускаясь по лестнице, — спасибо вам, всего доброго. Котика берегите, вон, какой красавец!

— Шельма он, а не красавец, — стукнула бабуля кота по носу, — все нервы вымотал, — и скрылась за деревянной дверью.

На улице хороводил снег с дождем. Выйдя из подъезда, я натянула капюшон и отправилась в сторону временного пристанища. Настроение было ни к черту. После припадка пришлось возобновить самолечение — единственное приемлемое средство, что продавалось без рецепта, теперь валялось в кармане. От него тошнило, дурманилось сознание, немели руки, но это было лучше, чем переживать заново тот проклятый день.

Я больше не чувствовала себя умиротворенно — то чувство осталось на холодной набережной, на мягком диване в лесном доме Третьего. Словом, осталось где-то в прошлом. Теперь я чувствовала, как изнутри клокочет злость, как мечутся в душе эмоции, подобно рою злых пчел. Испытывала тяжелые муки совести из-за смерти Вадима, и эта смесь грозила мне полным сумасшествием.

Получалось, что два города я посетила зря.

Оставался последний адрес. Конечно, если те цифры можно было так назвать.

В автомобильном прокате я взяла подержанный «Опель», хотя не знала наверняка — можно ли мне в таком состоянии садиться за руль. В ближайшем супермаркете купила йогурт, воды в дорогу и кое-какой инвентарь. Я уже тогда знала, что найду по указанным координатам и не понимала — смеяться ли, или же плакать.

Лес за окном слился в растянутое пятно, навигатор, скачанный приложением на телефон, мерно попискивал и отвлекал от зудящей в груди досады.

Когда я остановила машину, солнце — невнятное пятно, что не в силах было пробиться сквозь свинцовые небеса, уже грозило закатиться за горизонт.

Включив дальний свет фар, я выбралась из салона, открыла багажник, достала инструмент и, свернув с дороги, пошла по указанному пути.

Блуждала долго — то кружила вокруг разлапистой ели, то петляла близ захудалого куста дикого шиповника. И все, же, место, написанное Третьим на листе бумаги и подчеркнутое жирной чертой — нашла.

Они умерли страшно. В глубоком, полуразвалившемся колодце, заполненном гнилостной водой едва если по щиколотку.

Чтобы отодвинуть железный настил, неплохо замаскированный землей и еловыми иглами, пришлось очень постараться. Если бы я не имела координат — ни за что не нашла бы это место.

Содрав кожу на ладонях в кровь, и почти надорвавшись, я сдвинула в сторону железный пласт. И как только справилась с «крышкой» колодца, в нос шибануло гнилостной вонью.

Запах был такой жуткий, что меня стошнило выпитой недавно водой. Утерев рот и кое-

как справившись с дурнотой, я посветила фонариком внутрь колодца, зажав нос свободной рукой.

Прочь от света ринулись какие-то твари: то ли мелкие мыши, то ли огромные жуки. Со стены в воду ухнула крупная сколопендра, и еще бог знает какая жуткая дрянь.

Я же всё светила на камни, боясь направить луч на мертвецов и увидеть их обезображенные останки.

Они сидели «валетом» — друг напротив друга. Одежда полуистлела, а плоть — оказалась почти съедена: насекомыми ли, грызунами, или самим временем. Останки ее, свисали с костей скудными клочьями. Белесые, еще не пожелтевшие от времени скелеты омывала черная, с желтыми масляными разводами вода. Я разглядела, что кости ног у мертвецов сломаны: стало понятно, почему они так и не смогли выбраться отсюда. И все же, то, что осталось от тел, дало мне полную уверенность — это, без сомнения, останки насильников.

Передернувшись и снова вывернув наизнанку желудок, я сдвинула железо назад и распределила сверху природный настил.

Села на колени, оперевшись ладонями о землю. Рассмеялась и не заметила, как смех сменился истеричными слезами.

Не знаю, сколько времени я провела в лесу. Стемнело быстро. Когда рыдания иссякли, тишина вдруг опустилась на плечи подобно ледяным призрачным объятиям. Сделалось зябко. Муторно. Словно на кладбище в немое полнолуние.

Луч валяющегося неподалеку фонарика освещал местность на пару шагов вперед: виднелись только черные стволы деревьев.

Быстро вытерев глупые слезы и оглядевшись, я поднялась с колен и бросилась назад — к дороге. Стало так страшно и жутко, что я забыла обо всем на свете. Важным оказалось лишь желание убраться отсюда как можно скорее. Пока призраки из колодца не опомнились, и не забрали в ад мою грешную душу.

Дорога в город не запомнилась совсем. Казалось, только села за руль, и вдруг каким-то чудом оказалась в номере отеля. Закрыв дверь на замок, а потом, зачем-то подперев ее тумбочкой, я скинула одежду и забилась в угол ванной.

— Так нельзя дальше жить, — жалобно сказала вслух и отключилась.

Пришла в себя на постели — укутанная в кокон одеяла, с мурчащим Счастливым на груди. В ванной плескала вода, желтый свет пробивался сквозь щель под дверью.

Тумбочка, подпирающая дверь, стояла на обычном месте — в изголовье кровати.

Я вскочила, не сразу выбравшись из постели. Закружилась голова, и я почти рухнула обратно. Кот с перепуга заорал, и в ту же минуту отворилась дверь ванной комнаты.

— Зачем ты встала? — нахмурился Третий, отбрасывая прочь полотенце, которым вытирал руки.

— Ты убил их! — закрыв лицо руками, прошептала я.

— А ты хотела сделать это сама? — зло выдохнул Третий.

Ответа у меня не нашлось.

— Давно? — не глядя на любовника, прохрипела я.

— Почти три года назад, — был ответ.

— А Вадима за что? — спросила, раскачиваясь из стороны в сторону.

Третий выгнул бровь и глянул свысока — жестко, непримиримо.

— Просто так.

— Ты чертов псих! — продолжая раскачиваться, как маятник, пробормотала я.

— А ты кого хотела? — Третий медленно приблизился и остался стоять, возвышаясь надо мной.

— Убирайся, — устало кивнула я на дверь, — зачем ты вообще приехал? Снова следил за мной? Гребанный маньяк!

— Ты не отдала должок, — неприятно хмыкнул Третий. — У нас в запасе еще несколько месяцев.

Мне хотелось рассмеяться и расплакаться одновременно.

— Ты же вроде был занят? — подняла глаза, вспомнив телефонный разговор: звон бокалов на заднем плане и игривый женский смех.

— Освободился, — Третий покачнулся с пятки на носок. — Ложись, — сильные руки легли на плечи и заставили откинуться на подушки.

— Артём, — позвала я, уже засыпая.

Третий отвел глаза от экрана ноутбука, пригнул ухо Счастливику, чтобы видеть мое лицо.

— Мне лечиться надо, — сказала, и закрыла глаза.

Настоящее время.

Практически наши дни.

Эпилог.

Воздух пах тюльпанами и цветом вишни.

— Пришла пора прощаться, — обернулась я к Артему, отойдя от распахнутого окна.

Он сидел на диване, листал книгу на планшете. Кот свернулся бубликом у него под боком.

Идиллия и только.

Третий поднял глаза — еще расфокусированные, почти сонные. Сощурился от солнечных лучей, заполонивших комнату.

— Что? — переспросил он.

— Я говорю — весна пришла. Договору — конец, настало время расставаться.

Третий усмехнулся в излюбленной манере — криво, жестоко.

— У нас в запасе еще пара дней. Время есть.

Я пожала плечами и ушла в спальню, чтобы собраться на работу.

Настроение было паршивое, но доктор заверял — пройдет. Время, как известно, всё лечит. Зализывает раны, тушит свечи и погребает под собой эпохи и цивилизации.

И вообще, самое главное — вовремя принимать таблетки.

Через несколько дней — апатичных и однообразных, наполненных показным спокойствием, я ехала с работы, и от нечего делать, поглядывала в окно.

Мысли вертелись вокруг треклятого договора — уж больно он смахивал на сделку с Дьяволом.

Но, говоря откровенно, с Третьим было хорошо. Спокойно, вольно. Поэтому, я сама не знала, для чего завела тот недавний разговор. Хотелось определенности — да, а вот взять и вправду расстаться — не очень.

Выруливая на проспект, приспустила стекло. В салон ворвался свежий ветер. В последние дни погода радовала теплым воздухом и ароматом разнотравья. Дышалось сладко. Сидеть дома в такой вечер было попросту грешно, и я надумала пригласить Третьего на прогулку. Припарковалась у обочины, вынула из сумки телефон, и замерла, глядя в окно.

Неподалеку, на веранде популярного бара, стоял Третий, хотя должен был находиться на деловой встрече. Он курил, расслабленно оперевшись о перила, а рядом, как послушная лошадка, стояла длинноногая блондинка. Издали мне показалось, что она перетаптывается, задевая его то рукой, то коленом, и что-то непрерывно щебечет на ушко.

Третий смотрел вдаль, и лицо его казалось бесстрастным, безразличным ко всему. Поставь рядом надувную бабу, взорви хлопушку у самого уха — он и не заметит.

Я сползла вниз по сидению, забыв, что стекла машины снаружи тонированные. В груди так ощутимо кольнуло, что вспотели ладони. Какой же я была беспечной душой! Забыла, что такое обида. Привыкла, что сердце не знает романтической печали, а теперь — получила кулаком под дых.

Наши три месяца, прожитые после воссоединения, пролетели, как день. Мы с Третьим разговаривали обо всем на свете, гуляли, готовили вместе, занимались любовью. Он помог мне выбрать врача-психотерапевта и ходил на сеансы, молча ожидая в приемной. Терпел заскоки, истерики, приступы ярости. Напоминал, когда нужно пить таблетки, укрывал пледом. Держал волосы, когда я блевала после очередного ночного кошмара. Кормил Счастливчика и водил его на уколы. Совал градусник, когда у меня закладывало нос после долгих прогулок, и никогда не напоминал о прошлом — ни словом, ни делом. Было — и было, махнул однажды рукой. Надо жить дальше.

И я не успела заметить в себе перемен, не смогла их предотвратить. А теперь, глядя на него — мужчину, который из незнакомца, почти врага, за такое короткое время успел превратиться в кого-то очень важного, стоящего теперь рядом с другой женщиной, у меня скручивало узлом живот. Мутило. Отправлялась к черту вся терапия и медикаментозная помощь.

Я вдруг осознала, что мне хочется удавиться.

Он вернулся поздно. Загремел ключами в прихожей, и мне, находящейся в зале, почудился сладкий аромат чужого парфюма.

— Не спишь? — протянул Третий, ступая тихо.

Я в ответ мотнула головой.

Артем мельком поцеловал в висок, легко огладив волосы, и отправился напрямик в душ. Я же до крови закусил губу и опустила глаза.

Когда Третий вышел из ванной, я сидела в той же позе. Он неодобрительно качнул головой.

— Пойдем спать, — сказал властно, — ты, наверняка, за день устала.

Какая забота! — зло подумала я, но в ответ сказала тихо:

— Ложись, сейчас приду.

Выждала минут двадцать — обычно за это время он засыпал, а потом встала, потрепала дремлющего кота по полосатой макушке и сказала шепотом:

— Прости меня. Ты же видишь, вся жизнь через жопу.

Кот промолчал, лишь сонно дернул ухом, а я подошла к французскому окну и распахнула его настежь.

В лицо пахнуло ласковым теплом весенней ночи. Жаль было терять это сладкое, романтическое время — сейчас влюбленные нежатся в объятиях друг друга, но, увы — в моем случае, это сказка про белого бычка.

Вздыхнув, я забралась на перила — узкие, холодные наощупь. Раскинула в стороны руки, и шелковый халат затрепался подобно крыльям. Подумала, что полет с такой высоты будет быстрым, и зря я, дура, страшилась сделать это раньше. Придумывала, что испугаюсь, что не хватит решимости, а на самом деле ведь — проще простого. Особенно, когда никто не держит. Нужно просто сделать один единственный шаг...

На тело будто навалилась бетонная плита — горячие руки Третьего сжали колени и талию мертвой хваткой. Я дернулась от неожиданности, но он быстро стянул меня вниз, не позвонив упасть с двенадцатого этажа.

Повалил на холодный пол, сел сверху. Размахнулся и залепил мне хлесткую пощечину.

— Ты что собиралась сделать, чокнутая? — прошептал Третий совершенно белыми губами.

Руки, которыми он зажал мои ладони, тряслись, зрачки то сужались, то расширялись — видимо, от бешенства.

— Я спросил, ты что придумала? — ощутимо тряхнув за плечи, Третий рывком поднялся и потащил меня в квартиру.

Мои зубы стучали — то ли от холода, то ли от досады. Из глаз брызнули слезы обиды.

— Это не твое дело! — попыталась вырваться я, но, куда там.

— Как раз мое! — заорал Третий, наверняка, перебудив всех соседей.

Впрочем, на это было плевать.

С яростью закрыв балкон — так, что задрожали стекла, Третий схватил бутылку виски, стоящую у бара, и приложился к горлышку.

— Чокнутая дура, никогда так больше не делай! — снова закричал он, когда проглотил спиртное. Утер лицо рукой и отбросил бутылку в сторону.

Я забралась на диван, поджав под себя ноги и спрятав лицо в ладонях.

— Ты же лечишься и знаешь — всё со временем образуется, — продолжал кипятиться Третий. — Зачем ты это сделала?

— Да провались ты к чертям! — не выдержала я.

Адреналин вовсю выплескивался в кровь, и не осталось сил держать ярость внутри.

— Все вы одинаковые — похотливые, лживые, жестокие твари! Ненавижу! — вскочив, я пульнула в него напольной вазой, и от неожиданности Третий не успел среагировать. Ваза пролетела рядом, разбилась с громким звоном.

Осколки брызнули водопадом, впиваясь в кожу куда придется. Но, даже вид крови не сумел меня образумить. Я накинулась на Третьего с кулаками и диким воплем. Колотила по груди, рукам, а он старался держать меня за плечи, но потом сдался и остался стоять, терпеливо снося удары.

Я выдохлась быстро. И снова разрыдалась, когда он обнял меня, прижав к себе до хруста в костях.

— Глупая дура, я же люблю тебя. Я за тебя убью любого. Умру, если надо. Пообещай, нет, поклянись, что никогда больше не попытаешься наложить на себя руки! — Третий встряхнул меня, да так, что запрокинулась голова.

— Клянусь, — прохрипела я, уткнулась лицом в его грудь, и оттуда прошептала:

— А ты поклянись, что никогда меня не предашь и не обидишь.

Третий на мгновение замер, а потом хрипло ответил:

— Клянусь, — сильные руки стиснули, подхватили меня и понесли на диван.

А потом мы не спали до утра.

Третий целовал мое лицо, а я доставала осколки и зализывала его царапины. Мы говорили. Он — все еще бледный, взъерошенный, не хотел выпускать меня из объятий, а я и не желала выбираться из уютного кольца его рук.

— И что? — спросил дед, стукнув Маэстро по лбу, чтоб тот не лизал мне руки, — он спланировал это все давным-давно?

Мы сидели на улице, пили чай и заедали его малиновым вареньем. В воздухе сладко пахло яблочным цветом, слышалось стрекотание цикад.

— Сказал, что убил их в тот же день, как отпустил меня, — я украдкой скормила алабаю блинчик, чтоб не обижался.

Остальные собаки засопели, но выдавать секрет не стали. Знали, что от деда мне достанется разбор полетов за нарушение гастрономической дисциплины.

— Зря, получается, стрелять училась, — хмыкнул дед, скосив глаза на мои испачканные жиром ладони.

— Как знать, может, пригодится, — пожала плечами я.

Дед выразительно погрозил мне пальцем и шикнул, заметив машину Артема, приближающуюся к воротам.

— Доброго времени, Виктор Александрович, — протянул руку Третий и наклонился, чтобы поцеловать меня в макушку.

— Доброго-доброго, — проворчал дед, пожимая протянутую ладонь. — Иди-ка, ты руки мыть, — кивнул он Артему, — и за стол садись скорей, пока твоя Златка не скормила все блины этим наглым собакам! — тут хозяин стрельбища вторично погрозил мне пальцем и неодобрительно глянул на алабаев, что разлеглись вблизи полукругом.

Третий засмеялся и отправился в дом.

— Я рад, что ты в надежных руках, — помолчав минуту, выдал дед.

— Перестань, — отвела взгляд я.

— Это ты прекрати дурить, — жестко сказал дед, — что тебе еще для счастья надо?

Подумав, я не смогла ответить. Теперь для счастья у меня, и правда, было всё.

Маринка рыдала.

— Ты сошла с ума! — в который раз запричитала она и громко высморкалась в бумажный платок.

— Перестань блажить, — поморщилась я и обернулась к Третьему, что бессовестно смеялся, стоя поблизости.

Впрочем, в зону видимости веб-камеры он не попадал, чем нагло пользовался.

— Что такое? — спросила у него, пока подруга доставала из пачки новый платок.

— Забавно наблюдать за таким трогательным моментом, — ответил Артем и напускно фыркнул.

— Златка, зачем ты это сделала? — снова закричала Марина и тыкнула в экран розовую бумагу с ярко-синей печатью.

— Чтоб ты спросила! — разозлилась я.

Спорили из-за дарственной. Квартира, после смерти мужа, как и полагалось, перешла ко мне по наследству. Вадим не успел оформить никаких бумаг — умирать молодым он не собирался. По ясным причинам я в той обители жить не собиралась, продавать тоже не хотела, так как денег было вдоволь. Мы с Третьим не придумали ничего лучше, чем подарить квартиру Маринке.

И та, ясное дело, принимать такой подарок отказывалась наотрез.

— Я просто не могу! Это слишком! — снова запричитала она, икнув, и следом глотнула воды из высокого стакана.

— Марина, — после небольшой паузы, очень серьезно обратилась я, — квартира твоя. Можешь продать ее, сжечь, оставить будущим детям, мне все равно. Это понятно?

Наверное, что-то было в моих глазах или тоне убедительное, отчего подруга наконец-то кивнула.

— Вот и прекрасно, — обрадовалась я, — давай-ка обсудим твой приезд. Билеты заказала?

Мы поговорили еще минут двадцать, а потом простились — ненадолго, потому что подруга обещала в скором времени нас навестить.

Я вздохнула, когда руки Третьего легли на плечи.

— Ты всегда отдаешь долги, верно? — шепнул он мне на ухо.

Кивнула, ответив:

— Да, отдаю. Каждому — по заслугам.

Третий лизнул мочку уха и по шее у меня пробежали мурашки.

— Тогда как насчет моих заслуг? Вчера ты обещала...

То, что Артем шепнул на ухо, я не осмелилась бы сказать вслух — настолько неприличным и сладким то оказалось слово.

Я вытянула руки, провела по его густым волосам и, встретившись с возбужденным взглядом, сказала:

— Раз сказала, сделаю.

Третий засмеялся, подхватил меня на руки и даже слегка подбросил. А потом наклонился к лицу, и тихим, серьезным шепотом сказал:

— Златка, как же я люблю тебя!

Я спрятала лицо у него на груди и тихо ответила:

— Я тебя тоже.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Февраль. 2017.